

Станюкович Константин Михайлович

В море !

Станюкович К.М.

В море!

Повесть

I

В это погожее майское утро Николай Алексеевич Скворцов, молодой моряк лет двадцати шести, к Пасхе произведенный из мичманов в лейтенанты, проснулся ранее обыкновенного. Несмотря на веселые лучи весеннего солнца, залившие светом небольшую комнату, которую Скворцов нанимал у кронштадтской вдовы-чиновницы Дерюгиной в Галкиной улице, он, проснувшись, не приветствовал утра, как бывало прежде, веселыми, хотя и довольно фальшивыми руладами, а, полежав минуту-другую, присел на кровати с озабоченным видом, раздумывая о своем положении.

В самом деле положение было, как выражался лейтенант, "бамбуковое". В плавание на лето, благодаря правилам ценза (будь он проклят!), его не назначили и, следовательно, морское довольствие тю-тю, сиди на береговом жалованье, а между тем долгов было по самую макушку его довольно-таки бесшабашной головы. Из семидесяти одного рубля тридцати трех копеек причитавшегося ему жалованья вчера он получил, за вычетом на долги, только пятьдесят с чем-то. Но и из этих пятидесяти он тотчас же роздал неотложных долгов сорок рублей, так что у него на месяц оставалась всего красненькая, одиноко лежавшая в его объемистом, впрочем, бумажнике, полном какими-то записочками, счетами и письмами. Сегодня явятся портной и сапожник, спросит деньги за квартиру г-жа Дерюгина, и на днях надо внести проценты по долгу старухе-ростовщице, супруге отставного комиссара, - иначе, того и гляди, подаст, шельма, вексель ко взысканию. А откуда он достанет денег!?

Но еще хуже долгов была эта маленькая пылкая адмиральша, положительно отравлявшая ему жизнь своей требовательной любовью и сценами ревности. И при мысли об адмиральше, при воспоминании о вчерашней "штормовой" сцене, которую она "закатила", заспанное лицо молодого лейтенанта, с белокурыми включенными волосами и парой темных добродушных глаз, сделалось еще озабоченнее и серьезнее.

"И надо же было ему, дураку, тогда ухаживать за нею и восхищаться ее красотой... Вот и разделяйся теперь, как знаешь!" - прошептал лейтенант с тоскливым, недоумевающим видом человека, попавшего в безвыходное положение.

Одно спасенье - удрать от нее в дальнее плаванье, этак годика на два, на три... "Что, мол, делать, назначили, я не виноват!" Но как попасть?.. Кого просить? Протекции у него никакой: ни важной бабушки, ни хорошенькой тетушки, ни влиятельного адмирала, которые могли бы поехать к начальству и хлопотать за него...

Лейтенант грустно вздохнул и снова стал раздумывать, как бы ему деликатно и тонко объясниться с адмиральшей и сказать, что хоть он к ней и привязан как к другу и навсегда сохранит в сердце своем ее милый образ, как чудное воспоминание, но... "вы понимаете"...

"Черта с два ей скажешь и черта с два она захочет что-нибудь понять, эта необузданная женщина!" - тотчас же прервал свои приятные мечтания молодой человек и даже заочно малодушно струсил при мысли, что бы было после такой декларации. Он вспомнил, какой "порцией" сцен встречена была недавняя слабая его попытка в этом направлении. Несколько грустный от хронического безденежья и непрременной обязанности ежедневно посещать адмиральшу хоть на "одну минутку", он позволил себе по какому-то подходящему случаю выразить мнение, что любовь не может длиться вечно и что примеров такой любви история не представляет, так - господи боже ты мой! - каким гневным, уничтожающим взглядом своих черных, загоревшихся глаз окинула его адмиральша, точно он сказал нечто чудовищное. Он, лейтенант Скворцов, был бы первейшим негодяем в подлунной, если б разделял такие "гнусные" взгляды. Настоящая любовь должна быть вечная. "Понимаете ли вечная". Любовь не забава, а обязательство, по крайней мере для порядочного человека, ради которого женщина "всем пожертвовала", - значительно подчеркнула адмиральша.

Для избежания грозившего вслед затем "шквала с дождем", как называл лейтенант Скворцов истерики со слезами, - тем более, что адмирала не было дома, - пришлось поспешно "убрать все паруса" и объяснить, что он говорил так, "вообще", "теоретически", и прильнуть к маленькой, выхоленной, необыкновенно "атласистой", благодаря вазелину, ручке, на мизинце которой сверкал красивый бриллиант, напоминавший о векселе, по которому Скворцов уже год платил "небольшие" проценты.

"Как тут ни вертись, а бамбук!" - размышлял, вотще отыскивая выход, молодой человек. Действительно, ведь она для него "всем пожертвовала" и "испытывала муки", обманывая своего "доброе и благородное Ванечку", адмирала-мужа. И это она не раз говорила. И вдруг он, единственное ее утешение в жизни, которое она любила и мучила за все свои жертвования, так-таки бросит бедную женщину? Ведь в самом деле это было бы довольно-таки подло с его стороны, пожалуй еще даже подлей, чем ставить рога простофиле Ивану Ивановичу, который, по-видимому, ни о чем не догадывается и необыкновенно ласков с лейтенантом.

"Ах, если б она вдруг меня разлюбила! Ах, если б удрать в плавание!"

Но и то, и другое казалось несбыточным.

В таком скорбном состоянии духа у Скворцова явилась идея: сегодня же ехать в Петербург к своему товарищу и другу, лейтенанту Неглинному, с которым он всегда советовался во всех затруднительных случаях жизни, поговорить с ним о своем каторжном положении и занять, если можно, рублей двадцать пять, чтобы заплатить за квартиру и снести проценты.

Эта идея несколько подбодрила упавшего было духом Скворцова. Он спрыгнул с постели, оделся и, просунув голову в двери, выходящие в коридор, крикнул:

- Бубликов!

На зов через минуту явился вестовой Бубликов, заспанный молодой матросик в казенной форменной рубахе, довольно неуклюжий, рыхлый и мягкотелый, с простоватым выражением круглого, простодушного лица деревенского парня, недавно взятого от сохи и еще не оболваненного ни городом, ни службой. Этот Бубликов прослужил у Скворцова осень и зиму и теперь доживал последние дни, назначенный в плавание, что ему не особенно улыбалось, так как он предпочитал спокойную жизнь вестового на берегу тревожностям и муштровке морской, неведомой ему, жизни.

- Продрал глаза, Бубликов? Или еще спишь?

- Никак нет, ваше благородие, - отвечал, ухмыляясь, вестовой.

- Ну, так слушай, что я буду говорить. Живо самовар! Да вычисти хорошенько жилетку, сюртук и штаны... Новые... понял?

- Понял, ваше благородие, - проговорил Бубликов, внимательно и напряженно слушая.

- А в саквояж... Знаешь саквояж?

- Мешочек такой кожаный, ваше благородие.

- Так в этот самый мешочек положи, братец, чистую сорочку крахмаленную и другую - ночную, полотенце и два носовых платка... Еду в Петербург... Если кто будет спрашивать, скажи, завтра к вечеру приеду назад. Все понял?

- Все понял, ваше благородие. А к чаю плюшку брать?

- А ты думал, что по случаю отъезда плюшки не надо? - рассмеялся Скворцов.

- Точно так. Полагал, что в Питере будете кушать.

- А ты все-таки возьми и себе булку возьми...

Вестовой ушел, и лейтенант тщательно занялся своим туалетом.

В то время, как он, без рубашки, усердно мылил себе шею, в комнату вошла и тотчас же с легким криком выбежала квартирная хозяйка, вдова чиновника, госпожа Дерюгина. Узнавши от вестового, что жилец уезжает в Петербург, она благоразумно спешила получить за квартиру деньги, зная, что после поездки в Петербург господа офицеры всегда бывают без денег.

"Она не ждет разочарования!" - подумал Скворцов и, окончивши мытье и вытиранье, надел чистую рубашку с отложным воротником и стал перед зеркалом, которое отразило свежее, красивое лицо с чуть-чуть вздернутым носом, высоким лбом, мягкими сочными губами и с тем приятным, добродушным выражением, которое бывает у мягких людей. Он зачесал назад свои белокурые волнистые волосы, расправил небольшую кудрявую бородку, подстриженную а la Henri IV, закрутил маленькие усики, повязал черный регат, облачился в новый сюртук, осторожно принесенный Бубликовым, и заварил чай.

Тук-тук-тук!

- Входите!

И только что высокая и деbeatая, еще не старая и довольно видная квартирная хозяйка, прикрывшая свою утреннюю белую кофточку шерстяным платком, собиралась открыть рот, как Скворцов любезно приветствовал ее с добрым утром, сказал ей, что она свежа сегодня, как майская роза, и прибавил:

- Вы, разумеется, за деньгами. Варвара Петровна, но - увы! - денег нет. Всего десять рублей с копейками, честное слово!

- Но ведь вчера... двадцатое число... жалованье, - несколько заикаясь от столь неприятного известия, проговорила деbeatая дама, сразу потеряв впечатление удовольствия от только что полученного комплимента.

- То было, Варвара Петровна, вчера... Действительно, вчера у меня было нечто вроде жалованья, а сегодня...

И вместо окончания Скворцов меланхолически и протяжно свистнул.

- Но однако, Николай Алексеевич, мне самой нужны деньги...

- Вам-то? Чай, в банке лежат денежки, Варвара Петровна?.. Небойсь, припасено на черный день покойным вашим супругом?

- Вам все шутки, Николай Алексеич, а мне, право, деньги очень нужны, обиженно проговорила г-жа Дерюгина.

- Какие шутки! Не до шуток мне, коли хотите знать, Варвара Петровна!.. Совсем мои дела - табак! Но вы не тревожьтесь. Я надеюсь в Петербурге перехватить у одного приятеля и, коли перехвачу, привезу вам.

- Прокутите, Николай Алексеич.

- Не бойтесь, не прокучу... Ну, а если не достану денег, уж вы не сердитесь, Варвара Петровна, и подождите до следующего двадцатого числа, прошу вас!

- Это верно?

- Так же верно, как то, что я лейтенант Скворцов.

Подавив недовольный вздох и оттого, что не получила денег, и оттого, что жилец не обращает ни малейшего внимания на ее внушительные прелести, хоть и болтает иногда вздор, - Варвара Петровна согласилась подождать и ушла, после чего Скворцов уже гораздо спокойнее выпил два стакана чаю с лимоном и, взглянув на свои серебряные часы, недавно купленные по случаю залога золотых, послал Бубликова за извозчиком.

За пять минут до девяти часов лейтенант был на пристани и, взявши билет, входил на пароход, довольный, что не увидит ни портного, ни сапожника, и главное, на целых два дня по крайней мере избавлен от сцен подозрительной и ревнивой адмиральши. "Отдуюсь уж заодно по возвращении!" - подумал он, предчувствуя, что без этого не обойдется. Пожимая руки знакомым офицерам, ехавшим в Петербург просаживать жалованье, Скворцов с веселым видом проходил на корму парохода, как вдруг выражение испуганного изумления омрачило его лицо.

В двух шагах от него на скамейке сидела адмиральша, - маленькая, интересная брюнетка, в щегольской жакетке, обливавшей красивые формы роскошного бюста и тонкую талию, с пикантным, хорошеньким лицом, казавшимся совсем молодым, свежим и ослепительно белым из-под розовой вуалетки, спущенной до подбородка, на котором задорно чернела крошечная родинка... Веселая и сияющая, по-видимому не испытывающая никаких мук оттого, что обманывает "честного и благородного Ванечку", сидевшего с ней рядом, она разговаривала с каким-то пожилым моряком, щуря глаза на костюмы дам.

- Вот так фунт! - невольно пролепетал на мгновение ошалевший лейтенант, останавливаясь на полном ходу.

Он хотел было дать тягу и вернуться на берег, благо ни адмиральша, ни адмирал его не заметили, но сходя была снята, пароход тронулся, и адмиральша, повернув голову, уж увидела его и, несколько удивленная, сверкнув глазами, приветливо кивнула в ответ на его почтительный поклон, продолжая болтать с пожилым штаб-офицером.

II

- Ванечка, посмотри, Николай Алексеич здесь, - проговорила самым равнодушным тоном адмиральша, крепко пожимая руку подошедшему с непокрытой головой лейтенанту и легонько подталкивая локтем мужа, погруженного в чтение "Кронштадтского Вестника".

Адмирал, тучный и рыхлый человек лет за пятьдесят, с большим выдававшимся вперед животом, видимо причинявшим ему немало хлопот, поднял свое красноватое, опущенное седой бородой лицо, далеко неказистое, с маленькими заплывшими глазками и толстым, похожим на картофелину, носом, и с ласковой доброй улыбкой протянул свою толстую и широкую, с короткими пальцами, волосатую руку.

- Доброго утра, Николай Алексеич. Что, погулять собрались в Петербург, а? То-то вчера было двадцатое число - сколько мичманов едет! - весело говорил, отдуваясь, адмирал, озирая публику и приветливо отвечая на поклоны. - В Аркадии, конечно, будете сегодня? Там, батенька, говорят, венгерочки, прибавил адмирал, значительно понижая голос. - Вернетесь - расскажите...

- Николай Алексеич, кажется, не охотник до разных твоих Аркадий, вставила адмиральша, чутко прислушивавшаяся к разговору, и сделала гримаску.

- Отчего же, Ниночка, и не развлечься иногда молодому человеку, послушать пение там... неаполитанцев, что ли, - несколько робким тоном возразил адмирал. - Не так ли, Николай Алексеич? В газетах пишут, что неаполитанцы производят фурор.

Лейтенант чувствовал на себе пристальный взгляд адмиральши и, малодушно предавая адмирала, ответил:

- Я, ваше превосходительство, не собираюсь в Аркадию сегодня... Да и, по правде говоря, все эти загородные сады...

- Ишь, и он тебя боится, Ниночка, - перебил адмирал с добродушной усмешкой. - Говорит: "не собираюсь", а сам, я думаю, непременно будет, - шутил старик.

- Что ему бояться меня? - с самым натуральным смехом возразила адмиральша, бросая быстрый взгляд на мужа.

- А мы, батенька, совсем неожиданно собрались, - продолжал адмирал, как будто не слыша замечания жены, - меня вызывают в главный штаб, а Ниночка кстати собралась за покупками...

- И Николай Алексеич, кажется, совсем неожиданно собрался? любопытствовала адмиральша.

"Допрашивает!" - подумал Скворцов и в ту же минуту храбро соврал:

- Вчера получил письмо, что заболел один мой товарищ. К нему еду.

- К кому?... Это не секрет?

- К Неглинному, Нина Марковна.

- Так Неглинный болен? Что с ним? - участливо спросил адмирал.

- Инфлюенца, ваше превосходительство...

- Да что ж вы не присаживаетесь к нам, Николай Алексеич? Садитесь около Нины... вот сюда...

И старик хотел было подвинуться, но Скворцов, чувствовавший всегда какую-то неловкость, когда находился в присутствии обоих супругов, просил не беспокоиться и объявил, что он еще не пил чая, - не успел, торопившись на пароход, - и отошел, направляясь в буфет.

- Славный этот Скворцов... Не правда ли, Ниночка? - заметил адмирал.

- Д-д-да, добрый молодой человек... Такой услужливый и так тебе, Ванечка, предан...

- Ну, и тебе, пожалуй, не меньше, если не больше. Ниночка, - проговорил, усмехнувшись, старик и, протяжно вздохнув, принялся за газету.

Адмиральша опять взглянула на мужа. Но на его лице ничего не было заметно, кроме обычного добродушия. Однако адмиральша невольно подумала: к чему это муж в последнее время стал чаще говорить с ней о Скворцове? Неужели он подозревает?

А Скворцов в то время сидел в буфете за стаканом чая, курил папироску за папироской и был в подавленном состоянии духа. Если он не удерет никуда на лето - беда! Адмирал на днях уходит в плавание, адмиральша перебирается в Ораниенбаум на дачу и уж говорила ему о том, как они будут счастливы на свободе. Они будут видеться каждый день и без всякого страха... Они будут ездить иногда в Петербург и завтракать вдвоем... "Благодарю покорно!" - не без досады подумал Скворцов.

Он вышел наверх, когда Петербург уже был в виду, и сразу заметил, что адмиральша была не в духе. Когда Скворцов приближался к корме, она встала и, поднимаясь на площадку, где, кроме шкипера и двух рулевых финляндцев, никого не было, - едва приметным движением глаз звала его туда.

Лейтенант спустя минуту был около адмиральши.

- Вы все пили чай? - спросила она тихим голосом, предвещавшим бурю.

- С знакомыми говорил, Нина Марковна, - с напускной беспечностью отвечал Скворцов.

- Зачем вы едете в Петербург?

- Да ведь я уже сказал...

- Ты правду говоришь, Ника?

- О, господи! Вечные подозрения! - вырвалось невольно у Скворцова.

- Ну, ну... не сердись... Прости... я не могу... Ведь ты знаешь, как я тебя люблю! - почти шептала молодая женщина. - Ты знаешь, что я всем для тебя пожертвовала и никому тебя не уступлю... Слышишь? - прибавила она, бросая на молодого человека нежный, чарующий взгляд...

- Осторожней... могут увидеть, Нина, - произнес Скворцов, подавляя вздох сожаления, что адмиральша его никому не уступит. - И то уж в Кронштадте говорят...

- Пусть говорят... Обо всех говорят... Только бы он не догадывался...

- А если?

- Ну, что ж... Я ему скажу тогда, что люблю тебя... Он даст развод...

"Этого только недоставало!" - подумал в ужасе лейтенант и с жаром проговорил:

- Что ты, что ты, Нина... Разбить жизнь бедному Ивану Ивановичу... Это жестоко!.. Однако пойдем вниз... Сейчас пристаем.

- Ты когда вернешься в Кронштадт? - спрашивала адмиральша, спускаясь на палубу.

- Завтра вечером...

- Сегодня в три будь в Гостином дворе у номера сто сорок четвертого... Слышишь?..

- Но...

- Без "но"... В три часа! - повелительно шепнула адмиральша и, подойдя к адмиралу, проговорила: - А ведь Николай Алексеич сознался, Ванечка, что вечером едет в Аркадию...

- То-то и есть... И отлично делает, что едет!.. Пользуйтесь жизнью, батенька, пока молоды, - заметил, вставая, адмирал и ласково потрепал по плечу несколько смущенного лейтенанта.

Пароход подходил к пристани. Проводив до кареты адмиральшу и адмирала, Скворцов взял извозчика и велел везти себя в Офицерскую улицу, где жил Неглинный.

III

Неглинный, моряк-академист, окончивший курс по гидрографическому отделению и мечтавший об ученой карьере, долговязый, худощавый блондин, с бледным истомленным лицом, большими, несколько мечтательными глазами и рыжеватой, взъерошенной головой, сидел за письменным столом, обложенный книгами, готовясь к последнему экзамену, в своей крошечной, очень скромно убранной комнатке, в четвертом этаже, во дворе, - когда к нему шумно влетел Скворцов.

- Ну, брат Вася, совсем бамбук! - проговорил он, пожимая руку товарища.

- Здравствуй. В чем дело? - спросил без особенной тревоги в голосе Неглинный, хорошо знавший экспансивность своего друга.

- Щекотливое, брат, дело... О нем-то я и приехал поговорить с тобой по душе. Одному мне не расхлебать этой каши... Но прежде скажи: есть у тебя деньги?

- Конечно есть. Вчера жалованье получил.

- Да и я получил и все роздал; у меня теперь восемь рублей всех капиталов. За квартиру не отдано, в клубе больше обедать в долг нельзя, одним словом... на мели. Можешь дать две красненькие?

- Могу, - промолвил Неглинный, вынимая из кармана бумажник.

- А у тебя останется?

- Десять рублей... Бери, бери, - проговорил Неглинный, увидав протестующий жест Скворцова. - Я обойдусь. У меня вперед заплачено за комнату и за стол. Чаем и сахаром я тоже запасся на месяц... И табаком тоже...

- Счастливцев! А у меня запас одних долгов!

- Вольно же тебе испанского гранда разыгрывать. Цветы, конфеты и все такое к ногам своей мадонны-адмиральши. Так, брат, не сойти тебе с экватора.

- То-то, не сойти... И в плаванье не назначили.

- Да ведь ты сам не хотел в плаванье. Помнишь, зимой говорил?

- То было, Вася, зимой, - ответил, внезапно краснея, Скворцов, - а теперь я хоть в Ледовитый океан...

Неглинный, которому Скворцов раньше, во время первого периода любви, открылся в своих чувствах к прелестной адмиральше, - пристально посмотрел на товарища.

- Об этом самом деле я и приехал посоветоваться с тобой, хоть ты и профан в вопросах любви и совсем не знаешь женщин... Я, брат, хотел бы удрать от мадонны, от Нины Марковны... Что ты тарачишь глаза? Понимаешь: удрать, чтоб и след мой простыл...

- Так что же тебе мешает? - спросил Неглинный, не спуская с товарища своих больших, наивно недоумевающих глаз. - И зачем, скажи на милость, тебе непременно удирать? Надеюсь, ты не оскорбил такую чудную женщину, как Нина Марковна, каким-нибудь пошлым намеком? Ведь ты не лез к ней с своим чувством, зная, что она замужем и никогда не нарушит своего долга, хотя бы и не любила мужа? - продолжал Неглинный, не замечая, по-видимому, иронической улыбки, блуждавшей на лице Скворцова. - Ходи к ней реже, а потом и вовсе зашабашь! Твое безумное увлечение, видно, прошло, а? - закончил он вопросом.

- Что мешает? - начал было Скворцов.

И вместо того, чтобы объяснить, что мешает, совершенно неожиданно воскликнул:

- Какой же ты, однако, простофиля, Вася, хотя умный и ученый человек! Честное слово, простофиля, да еще в квадрате! Положим, я тебе всего не говорил, но думал, что ты все-таки догадываешься...

- О чем? - простодушно спросил Неглинный.

- О, святая наивность! О, пентюх ты этакий! Пойми, что наши отношения зашли слишком далеко, в этом-то и беда. Понял ты теперь, какая бамбуковая история?.. И адмиральша, брат, не мадонна, далеко не мадонна...

Но Неглинный, необыкновенно робкий и застенчивый с женщинами, относившийся к ним с благоговейным и боязливым почтением чистой и целомудренной природы, казалось, и теперь не вполне понимал, за что Скворцов назвал его простофилей, да еще в квадрате.

- Ты что же... руки целовал, что ли? - промолвил, наконец, недовольным, угрюмым тоном Неглинный, опуская глаза.

При этих словах Скворцов расхохотался.

- Руки?.. Стоило бы об этом говорить? Это ведь ты только такой Иосиф Прекрасный, что боишься целовать хорошенькую ручку... Тут, брат, не руки... Тут... Ну, одним словом, у бедного адмирала давно украшение на лбу. Теперь понял?

Неглинного покорило. Он взглянул на Скворцова строгим и вместе с тем испуганным и растерянным взглядом. Такой профанации он не ожидал. В душе его происходил сложный процесс. Тут было и негодующее порицание друга, и невольная, смутившая его, зависть к счастливцу, обладавшему такой красавицей, к которой и он питал тщательно скрываемое влечение, - и чувство презрительной жалости к женщине, внезапно упавшей в его глазах и оскорбившей его верования в ее добродетель.

Несколько мгновений он сидел подавленный и безмолвный и только ерошил свои вихрастые рыжие волосы.

- Адмирал не догадывается? - наконец, спросил он.

- Кажется, нет.

- И вы с нею обманывали адмирала?

- А то как же?..

Неглинный неодобрительно покачал головой и значительно произнес:

- Это, брат, большое свинство. И ты, как мужчина, главный виновник!

- И без тебя знаю, что свинство... Пора с ним прикончить. Особенно смущает меня адмирал... Он так ласков со мной, так внимателен! И на кой только черт дернуло его жениться на молодой!? Знаешь что, Вася, никогда не женись на старости лет... Тут ни гимнастика, ни массаж не помогут. Вот мой адмирал добросовестно каждый день делает упражнения, а к чему все это?.. Но только, честное слово, не я главный виновник во всем этом деле... Напрасно ты так меня винишь... Во всяком случае, я достаточно наказан за свое легкомыслие... Вся эта любовная канитель вот где у меня! - прибавил с горячностью Скворцов и довольно энергично хлопнул себя по затылку.

По строгому и снова недоумевающему выражению лица Неглинного можно было легко догадаться, что он решительно не мог сообразить, чтобы любовь, хотя бы и преступная, такой хорошенькой женщины, как адмиральша, могла вызвать столь неблагодарный жест.

И он негодуяще промолвил после нескольких секунд добросовестного размышления:

- Ты неблагодарное животное, Скворцов!

- И ты Брут?.. Да ты пойми только, что Нина Марковна, хоть и прелестная женщина, но совсем не... не ангел кротости, каким она казалась, пока... я был в периоде обалдения и благоговейного целования ее атласных рук... Каюсь теперь, что я был болван, не остановившись на этом. И ее не хвалю, что она в ту пору не прогнала меня к черту, а предложила быть ее другом, "как брат и сестра"... Очень заманчиво было... Ну, ля-ля-ля, да ля-ля-ля, все больше о чувствах. Она так хорошо говорила, что чувство свободно и что ревность оскорбительна для обеих сторон... Чтения вдвоем, пока адмирал винтил где-нибудь, поездки в Петербург, поцелуи на положении "брата и сестры"... и... не Иосиф же я, вроде тебя, забыл, что мы "брат и сестра", вляпался, и скоро оказалось, что она ревнива, как Отелло в юбке, и подозрительна, как сыщик... Вечные допросы, сцены, упреки. Где был, что делал? на кого взглянул? Не смей ни с какой особой женского пола разговаривать... И все это, заметь, без малейшего повода, а от горячей любви, как она говорит. В этом-то и загвоздка. Ах, брат, если б она поменьше любила, а то и вовсе разлюбила бы... А то теперь... мертвая петля. Нет никакой возможности отделаться от ее любви... Понимаешь, каково окаянное положение?

- Отчего же ты не объяснишься прямо? - проговорил, несколько смягчась, Неглинный.

- Объясниться? Попробуй-ка... заговори. Ах, Вася, ты и вообразить себе не можешь, что это за подлая штука, когда женщина тебя так полюбит, что каждую минуту готова от любви перервать тебе горло, а ты при этом, как человек, для которого всем пожертвовали, не смеешь слова сказать! Ко всему этому адмиральша весьма решительная женщина, и я, признаться, ее трушу... Ну, и приходится вилять хвостом и ее успокаивать...

- Не любя? - строго спросил Неглинный.

- Да кто ж тебе сказал, что я ее совсем не люблю?.. Она такая хорошенькая и, когда не делает сцен, очень мила. Конечно, прежнего безумия нет, и я разжаловал ее из мадонн. А главное, доняла она меня совсем своими притязаниями... измотала душу вконец. Хочется выйти из этого рабского положения, отдохнуть от любовных бурь... Ну их! И перед адмиралом стыдно... Иной раз думаешь: а что, как он догадывается, но, по доброте, делает вид, что

ничего не понимает?.. Нет, надо все это покончить, а то чем больше в лес, тем больше дров.

- Конечно, надо покончить, - согласился и Неглинный.

- А как это сделать? Раскинь-ка умом, Вася.

Неглинный целую минуту добросовестно ерошил волосы, тер свой большой лоб, хмурил брови и в конце концов предложил Скворцову написать адмиральше письмо.

- Изложи в нем все основательно, логично и деликатно. Объясни, как нехорошо основывать свое благополучие на несчастьи других... Одним словом, убеди ее... Она поймет...

Скворцов ядовито усмехнулся и безнадежно махнул рукой.

- Убедить? На нее никакая логика не подействует... Она потребует личного объяснения.

- Ну, что же, сходи, объяснись...

- Тогда я, брат, пропал... Ты не знаешь адмиральши... Никто не устоит против ее слез... И, наконец, если она в самом деле так безумно меня любит, как уверяет...

- Так что?

- Как подействует мое письмо?.. Если вдруг что-нибудь случится... Понимаешь?.. Она - необыкновенно впечатлительная... Ведь тогда я на всю жизнь с укором на совести! - проговорил Скворцов, не желавший брать на душу такого греха.

- Ты думаешь, может что-нибудь случиться? - озабоченно спросил Неглинный.

- Кто ее знает... Она сумасшедшая... Раз уже грозила, что отравится, если я ее разлюблю...

- Однако обманывает же она адмирала и... ничего... переносит это невозможное положение! - заметил Неглинный.

- Но зато как страдает, если бы ты знал! Она часто об этом говорит и всегда называет адмирала "бедный Ванечка"...

- Гм... Стра-да-ет? - протянул Неглинный и прибавил тоном искреннего сожаления: - Бедняжка!.. А я и не догадывался... По виду она такая веселая и радостная... Значит, скрывает...

- То-то и есть... Нет, брат, все эти письма и объяснения ни к черту. Необходимы дипломатические средства...

- Например?

- Удрать от нее, но так, брат, удрать, чтобы дерка эта была, так сказать, не по моей воле. Понимаешь? Если б были деньги, сказал бы, что мифическая тетка саратовская заболела и вызывает меня, и прожил бы где-нибудь месяца три-четыре... все бы лучше было... но на что уедешь? Денег нет.

- И у меня, брат, нет. И достать негде.

- Если бы попасть в дальнее плавание, этак годика на три...

- Отлично бы. Но как попасть?

- Насчет этого я и ломаю голову. "Так, мол, и так, ваше высокопревосходительство, изнываю

на берегу и ни разу не ходил в дальнее плавание!" Как ты думаешь?

- Не выгорит... А вот, брат, мысль! - воскликнул Неглинный. - Попытаюсь-ка я уговорить своего влиятельного дядюшку Осокина, чтобы он попросил министра о тебе. Правда, мой дядя самолюбивый чиновник и не любит хлопотать, если не уверен в успехе, но я попробую... Спрос не беда.

- Вот бы удружил, голубчик! - проговорил Скворцов и весь просиял.

- Да ты не радуйся заранее... Надежда у меня небольшая... Дядя с нашим министром, кажется, не в особенных ладах... Попробуем!.. Завтра же, после экзамена, пойду к дяде...

- Ах, если б пофартило, а то ведь видишь, какое положение... И адмиральша, и долги...

- Да, брат, скверное твое положение, - участливо проговорил Неглинный. - Я и не думал, что ты так влопался... Ну, как тут, после этого, не бояться женщин! - неожиданно прибавил он и объявил, что ему надо заниматься, - завтра экзамен.

IV

Облегчив свою душу в откровенной беседе с другом, Скворцов ушел от него повеселевший и несколько обнадеженный возможностью удрать в плавание. Чем черт не шутит! Неглинный, конечно, пристанет к дяде, как смола, за друга, и тот, пожалуй, поедет к министру. А дядя Неглинного - особа. Попросит и... министр назначит сверх комплекта... Мало ли было таких примеров!

С такими радужными мыслями Скворцов зашел к Доминику, скромно там позавтракал, затем побывал у замужней сестры и, покорный воле адмиральши, в исходе третьего часа уже был в Гостином дворе, пробираясь в толпе к условному месту свидания. Он несколько недоумевал, к чему его зовет адмиральша, но дал себе слово вести себя самым покорным образом. Пусть в ней не будет ни малейшего подозрения, что он затевает против нее каверзу. Так-то лучше. И благоразумная осторожность молодого человека была так велика, что, заметив в толпе одну знакомую молодую хорошенькую даму, он нарочно отвернулся, чтобы не подойти к ней, хотя ему и очень хотелось. Адмиральша могла увидеть его разговаривающим с барыней и непременно задала бы ему "бенефис", подозревая, что он приехал в Петербург именно для свидания с ней.

Уж он был в нескольких шагах от магазина, у которого должен был встретиться с адмиральшей, как вдруг столкнулся нос к носу с адмиралом.

- Вы куда, Николай Алексеевич? Что покупать?

- Так, гуляю, - ответил, несколько оторопев, Скворцов.

- А я, батенька, Ниночку отыскиваю. Не видали ее?

- Нет-с, не видал...

- Так пойдемте вместе ее искать!

И, взявши под руку Скворцова, адмирал направился с ним совсем в противоположную сторону.

Молодой человек облегченно вздохнул.

- А я раньше, чем предполагал, окончил деловые свидания и не знал, что с собой делать, - говорил адмирал, медленно шагая и слегка переваливаясь своим тучным телом, - думаю:

пройду-ка в Гостиный двор... верно Ниночка еще там. Авось встречу и отправимся вместе обедать... Проголодался, а она обещала быть в гостинице только к пяти часам... Эка, дам здесь сколько! - прибавил адмирал, озираясь по сторонам. - Ну, а вы что делали? Как здоровье Неглинного?

- Гораздо лучше.

- Ну и слава богу. Очень рад. Что у него было?

- Инфлюенца, ваше превосходительство.

- Ишь, бедняга! Хорошо, что без осложнений, а то осложнения бывают. Вы кланяйтесь от меня да скажите, чтобы берегся, а то долго ли получить воспаление легких, - участливо говорил адмирал. - Славный он малый, этот Неглинный.

- Превосходный человек, ваше превосходительство! - отвечал Скворцов и подумал: "То-то рвет и мечет теперь адмиральша!"

- Напрасно он только в ученые хочет... Оно, конечно, хорошо и ученым быть, но все-таки... какая ж это карьера для морского офицера?.. Смотрите, Николай Алексеевич, вот у витрины блондиночка... ведь недурненькая, а? - понизил голос адмирал, приостанавливаясь и подталкивая Скворцова.

И, поглядев на хорошенькое личико, адмирал прибавил шагу и продолжал:

- Да... не одобряю его выбора... То ли дело быть настоящим моряком, ходить в море... а то что корпеть на берегу за книгами... Вы сказали бы Неглинному, право... Сейчас вот в штабе говорили, что на "Грозном" открывается вакансия. Один офицер списывается по болезни. Вот бы просился... Его наверное назначат. У него протекция - дядя. Уехал бы в Средиземное море, поплавал бы там года два, и никаких инфлюэнций бы не было...

- Я ему передам.

- Вот и вы, бедняга, сидите на берегу, даже и во внутреннее плавание не попали... Впрочем, вы, кажется, очень любите береговую жизнь?.. В море, куда-нибудь на простор, в дальнее плавание, вас не тянет, а?..

- Помилуйте, ваше превосходительство. Очень тянет... Я бы с радостью пошел...

При этих словах адмирал взглянул на молодого человека долгим пристальным взглядом. И Скворцову показалось, что в этих маленьких заплывших глазках блеснуло лукавое выражение недоверия.

"Неужели он догадывается!" - в страхе подумал Скворцов.

- С радостью? - повторил адмирал, отводя взгляд. - А я думал, что вы... того... не любите моря...

- Напротив, люблю, ужасно люблю, ваше превосходительство! - с какой-то особенной порывистостью проговорил Скворцов, взглядывая на пухлое, снова, казалось, добродушно спокойное лицо толстяка. И в голове у него блеснула смелая мысль - обратиться за протекцией к этому самому адмиралу, который в большом фаворе у министра. В самом деле, как ему раньше не пришла в голову такая гениальная комбинация! Если адмирал подозревает его, то, разумеется, будет самым усердным ходатаем, а если ни о чем не догадывается, то все равно по доброте своей не откажет... Вот бы отлично на "Грозный" попасть! Но надо только обработать это дело так, чтобы адмиральша ничего не знала. Необходимо прежде взять с адмирала слово, что он сохранит в абсолютной тайне его

просьбу... Мотивировку можно придумать... Кредиторы, что ли, или, наконец, какая-нибудь петербургская дамочка... Что-нибудь в этом роде... Выберу удобный момент завтра же и поговорю с адмиралом у него в кабинете?

Значительно повеселевший молодой человек с какою-то особенной приятностью поглядывал теперь на адмирала, видя в нем своего спасителя.

Они медленно двигались, обходя Гостиный двор и перекидываясь словами, как вдруг адмирал, издали завидя жену своими зоркими морскими глазами, весело воскликнул:

- А вот и Ниночка несется под всеми парусами... Смотрите, как она спешит и озирается... И какая она однако сердитая... Видно, подлецы приказчики раздражили!

И адмирал, пыхтя и подсапывая носом, заторопился навстречу к адмиральше.

V

Адмиральша изумилась, увидавши перед собой мужа и Сворцова, и пытливо взглянула на адмирала.

- А мы, Ниночка, искали тебя, - начал было адмирал.

- Искали? - перебила адмиральша. - Это, конечно, очень любезно, но я ведь сказала, что буду дома к пяти часам.

- Я думал, что ты раньше отделаешься, и мы поскорей поедем обедать. Пришел сюда, гляжу - и Николай Алексеевич здесь...

- А вы зачем сюда попали? - с самым невинным видом обратилась адмиральша к Сворцову.

- Гулял он, Ниночка, и на хорошеньких дам заглядывался... Ну, мы вместе и пошли тебя искать. Думали: авось, встретим... И увидали: глядим, ты идешь такая сердитая... Верно, устала, Ниночка, а?

- Еще бы! побегал бы ты по магазинам, как я... И эти приказчики... За все запрашивают... Однако, что же мы стоим? Мне еще много покупок. Идемте! А вот вам, Николай Алексеевич! - промолвила адмиральша, передавая Сворцову несколько свертков.

После посещения двух-трех лавок, тучный адмирал еле волочил ноги и вдобавок ему страшно хотелось есть. А жена, как нарочно, спешила, переходила из магазина в магазин и все не могла окончить своих покупок. И Иван Иванович, наконец, объявил, что поедет в гостиницу и заморит до обеда червяка, и попросил молодого человека походить с Ниночкой по магазинам и привезти ее в гостиницу.

- За что же, Ванечка, ты наказываешь бедного Николая Алексеича?

- Как наказываю?..

- Посмотри, какое у него вдруг сделалось кислое лицо! - со смехом проговорила адмиральша и прибавила: - Идите, идите, Николай Алексеич. Я и без вас обойдусь.

- Молодой человек обязан угождать дамам. По крайней мере, нас в старину так учили... Так уж вы, Николай Алексеевич, не бунтуйте и останьтесь с Ниночкой, помогите ей и милости просим вместе пообедать. А после обеда мы вас не задержим: не опоздаете в Аркадию, - шутливо прибавил адмирал.

Сворцов поблагодарил, но от приглашения отказался. Он сегодня обедает у сестры.

- Могли бы завтра у ней обедать, - заметила адмиральша, бросая значительный взгляд на Скворцова, который говорил: "обедай у нас!"

- Извините, Нина Марковна, я дал слово, - отважно соврал молодой человек.

- Дали слово, так надо держать. Слово - великое дело, Николай Алексеич, сентенциозно промолвил адмирал. - Но, по крайней мере, до обеда вы будете кавалером Ниночки, не правда ли?

Несколько удивленный такой настойчивой просьбой и вообще сбитый с толку отношением адмирала, который, казалось, несмотря на свою кажущуюся простоту, что-то подозревал, - Скворцов поспешил ответить, стараясь скрыть смущение, что он охотно останется около Нины Марковны до половины шестого. Сестра обедает в шесть часов.

- Ну, и отлично. Привезите Ниночку ко мне и не давайте приказчикам ее обижать, - добродушно сказал Иван Иванович и, пожав крепко руку молодого человека и приветливо кивнув головой жене, сел на извозчика и уехал.

- Наконец-то! - шепнула адмиральша и вся просияла.

И, подхватив под руку Скворцова, машинально глядевшего вслед уезжавшему адмиралу с каким-то чувством виноватости, она проговорила своим мягким, бархатным голосом:

- Пойдем отсюда куда-нибудь. Здесь толкотня.

- А покупки?

- Никаких больше нет, я все сделала. Это я нарочно, чтоб остаться с тобой, - прибавила она, лукаво поводя взглядом.

Они вышли из Гостиного двора и, оба молодые, свежие и красивые, шли по Садовой, рука об руку, точно муж и жена.

- Куда мы пойдем? - спросил Скворцов.

- Куда хочешь. А то не поедem ли на острова? Возьмем карету и покатаемcя... Хочешь?

- Что ты? - испуганно воскликнул Скворцов. - Ведь поздно - четыре часа, а к пяти ты обещала вернуться домой. Будь благоразумнее.

- И то правда... поздно... А ведь я рассчитывала на эту прогулку. Теперь так хорошо на островах. Эта встреча с Ванечкой все расстроила! - капризно, с видом балованного ребенка, проговорила Нина Марковна. - Но все равно... Я так рада, что с тобой... Где ты был? Что делал все утро? Рассказывай!

Скворцов, добросовестно дал отчет о проведенном утре, и адмиральша спросила:

- Как это ты встретился с мужем? Он не догадался, зачем ты в Гостином дворе? Конечно, нет! Он не особенно догадливый, этот бедный Ванечка... Как тяжело его обманывать! - вздохнула она, и ее подвижное хорошенькое личико на секунду омрачилось. - А я тебя ждала... чего только не передумала... Думала, что ты вдруг меня разлюбил и не придешь... Какие глупости лезут в голову, когда любишь так, как я тебя люблю... Не правда ли, глупости? Ведь ты любишь свою Ниночку!..

Голос ее звучал чарующей нежностью, и глаза были полны выражением страстной любви.

- Разве можно не любить такую обворожительную женщину! - промолвил тронутый этой

любовью молодой человек.

- Но ты, Ника, кажется, не рад, что мы одни? Твои мысли где-то далеко? допрашивала Нина Марковна, по-видимому, не вполне удовлетворенная краткостью уверений своего любовника, и с подозрительной пытливостью взглянула ему в глаза.

- Бог с тобой!.. С чего ты взяла? - несколько смущенно проговорил молодой человек, мысли которого, действительно, не вполне принадлежали адмиральше.

- У тебя сегодня такое невеселое лицо... Тебя точно что-то гнетет... Что с тобой, мой ненаглядный?..

Скворцов решил сказать половину правды и проговорил:

- Знаешь, что меня беспокоит?

- Что, милый? - тревожно спросила Нина Марковна.

- Мне кажется, что Иван Иванович догадывается о нашей любви.

- Только-то?.. Успокойся. Бедный Ванечка ничего не подозревает.

- Ты уверена?

- Мне ли его не знать? Я сама прежде думала, но убедилась, что мои тревоги напрасны. Он убежден, что мы дружны, что ты мой поклонник, но что больше ничего нет... И он очень привязан к тебе. Когда тебя нет день, другой, он всегда спрашивает: отчего тебя нет? По счастью, бедный Ванечка совсем не ревнивый, и если б ты знал, какой добрый и хороший человек...

- И как безгранично любит тебя, - вставил Скворцов.

- И я его очень люблю и уважаю, как прелестного человека... деликатного, который балует меня... Да, люблю его, как отца... Нет, Ника, он не ревнует... Да и не имеет права. Несмотря на свою привязанность, ведь он понимает, что виноват передо мной...

- Он виноват?

- Глупый! Разве не понимаешь? Он женился, когда ему было сорок пять, а мне... двадцать, - проговорила, слегка запнувшись, Нина Марковна, так как утаила три года. - Теперь ему пятьдесят пять, а мне... тридцать. Я - молода; он - старик. Он совсем отжил и не знает страсти, а мне еще жить хочется... И разве я виновата, что полюбила тебя?..

И, странное дело, несмотря на решение Скворцова покончить с этой связью, слова Нины Марковны радовали его.

- Надеюсь, и ты, Ника, только мой и ничей больше? - продолжала адмиральша. - Ты не обманываешь меня?..

Скворцов уже боялся, как бы эта мирная прогулка не омрачилась вспышкой ревности и сценой. Обыкновенно сцены начинались именно с такого вопроса, и подозрительная адмиральша, возбуждавшаяся своими же словами, которые диктовало ей фантастическое воображение, приходила в то состояние подозрительной, слепой ревности, которое разрешалось гневными, самыми невозможными обвинениями и упреками, слезами и мольбой, рядом с угрозами и требованиями клятв именем "покойной матери" в том, что любимый человек любит ее безгранично и находится, так сказать, в полной ее собственности, весь, со всеми своими помышлениями, и должен вечно помнить, что она для него всем

пожертвовала. Ах, он хорошо знал эти сцены и хорошо знал свое подневольное положение, и все это, главным образом, и отравляло его любовь. Знал он, что после всех таких бурь и отчаянных клятв и именем "покойной матери", и именем здравствующего отца, происходила финальная сцена примирения в таких жгучих, необузданных поцелуях (если тому не мешали обстоятельства), что он уходил хотя и счастливый, но несколько утомленный и от этих бурных шквалов ревности, и от такого избытка страстной любви.

Была ли сегодня Нина Марковна в "штилевом" настроении, или улица несколько сдерживала ее ревнивые чувства, но только она на этот раз удовлетворилась простым уверением Скворцова, что кроме Нины Марковны для него не существует на свете женщин.

Они уже незаметно прошли всю Садовую. Радостная и довольная Нина Марковна говорила о близости счастливого времени, когда они могут на даче проводить целые дни, не тяготясь присутствием Ванечки.

- И знаешь что? - неожиданно прибавила она, - ты живи у меня на даче... К чему тебе ездить из Кронштадта?

- Что ты, с ума сошла, Нина? - испуганно воскликнул Скворцов.

Нина Марковна усмехнулась.

- Ты знаешь, кто подал эту счастливую мысль?

- Кто?

- Ванечка... Он еще сегодня говорил мне об этом, жалел, что ты будешь жить в пыльном, душном Кронштадте, и сам тебе предложил перебраться на дачу... Ты разве не рад этому?

- Иван Иванович предложил? - изумился Скворцов, решительно не понимавший, до чего может идти простота адмирала. - Ты говоришь, Иван Иванович? - повторил он.

- Чему ты так удивляешься?

- Но это невозможно... Это скандал... Я ни за что не перееду к тебе. Я не хочу тебя компрометировать. И, наконец, разве можно так злоупотреблять доверием Ивана Ивановича?

Адмиральша сделала недовольную гримаску. Напрасно Ника так боится всего. И с каких пор он сделался таким осторожным?

Однако она не настаивала на этот раз. Он может приезжать и иногда оставаться. Не правда ли?

"Я, может быть, буду далеко в это время!" - подумал Скворцов и, вероятно вследствие этого нежно ответил, что, конечно, будет приезжать так часто, как только возможно.

- Однако, уже без четверти пять... Едем!

Они взяли извозчика и поехали в гостиницу.

- И ты думаешь, что мы так и расстанемся, а я тебя оставлю одного, чтоб ты поехал в Аркадию? - вдруг сказала Нина Марковна.

- Но я не собираюсь в Аркадию... Я вечер буду у сестры.

- Нет, ты будешь со мной! - радостно воскликнула Нина Марковна. - У меня явился великолепный план. Это вместо утренней поездки. Я останусь в Петербурге. Скажу Ванечке,

что не успела все купить, что нужно. Мы проведем вечер одни... Совсем одни... Ведь это так редко бывает... Поедем на острова, оттуда ко мне чай пить.

- А Иван Иванович?

- Ванечка сегодня вечером уезжает. Ему непременно надо быть в Кронштадте завтра рано утром. Ну что, доволен, что я останусь? Доволен? - понижая голос, полный страсти, говорила молодая женщина, прижимаясь к молодому человеку.

Она была очаровательна, эта маленькая, ослепительно свежая женщина, с ласкающим взглядом своих черных блестящих глаз, изящная, благоухающая, такая любящая и кроткая в эту минуту, что Скворцов, собиравшийся так коварно бежать от нее в дальние моря, почувствовал угрызения совести. И, охваченный чувством жалости и нежности и внезапным приливом молодой страсти, он глядел на нее загоревшимися, влюбленными глазами, которые красноречивее слов говорили, доволен ли он.

- Так будь у меня в восемь часов, ни минуткой позже, - весело говорила Нина Марковна. - Найми карету... Смотри же, жду тебя, мой желанный, прибавила она нежным шепотом, прощаясь со Скворцовым у подъезда гостиницы.

В означенный час он был у нее в номере с букетом цветов и конфетами. Они тотчас же поехали на острова, обменявшись долгим поцелуем. В карете адмиральша сняла перчатки. Она знала, что "Ника" любит ее маленькие ручки. И он мог, сколько угодно, целовать их. На островах они пробыли недолго. Обоим им казалось, что сыро, и тянуло домой. И дорогой молодой человек, без всякого вызова со стороны адмиральши, расточал клятвы и целовал ее. Разговор как-то не вязался и, к удивлению Скворцова, сегодня Нина Марковна не начинала сцен только осведомилась, кто был у его сестры, и даже поверила, что Скворцов не видал там ни одной посторонней особы женского пола. Она не говорила и о том, что всем для него пожертвовала, и только глядела на молодого лейтенанта с восторженной любовью... Они вернулись в гостиницу в десятом часу и весело пили чай...

И молодой человек малодушно забыл и адмирала, и ревнивые шквалы с дождем, и свое рабство, и свое решение, чувствуя себя в полной власти этой женщины...

VI

За полночь возвращался Скворцов к Неглинному и был в задумчивом настроении. Он всю дорогу анализировал свои чувства к адмиральше и, неблагодарный, думал теперь о ней без влюбленной восторженности. Она ему, конечно, нравится, эта обольстительная женщина, но все-таки необходимо вырваться из-под ее дьявольских чар во что бы то ни стало. Он сознавал, что его любовь не "настоящая". Обязательно надо удирать к общему благополучию. Любовь адмиральши в разлуке, наверное, пройдет; Нина полюбит другого и будет счастлива, а он, наконец, избавится от этого кошмара и будет свободен, как ветер...

"Да и что такое, собственно говоря, любовь? - задал себе вопрос молодой человек. - Ведь вот, всего несколько минут тому назад, он совершенно искренно клялся в любви, а теперь чувствует какую-то унижительность этой любви и готов с радостью разорвать ее цепи".

Размышлял он и об адмирале и, обманывая его, в то же время жалел. Неужели, в самом деле, он - такой простофиля, как говорит Нина Марковна, что даже зовет жить на дачу? Возможно ли, чтобы он не догадывался?.. И у него любовь к этой женщине... и какая еще любовь!

Неглинный еще занимался, когда к нему вошел Скворцов. Диван для него уже был послан, и молодой человек с удовольствием взглянул на него. Он пожал руку товарища и, раздеваясь, спросил:

- Вася! Что такое, по-твоему, истинная любовь к женщине, а?

Неглинный поднял с книги усталое бледное лицо и удивленно взглянул на Скворцова своими вдумчивыми покрасневшими глазами. По обыкновению, прежде чем решить такой неожиданный вопрос, имевший мало общего с небесной механикой, которую он штудировал, Неглинный стал ерошить длинными худыми пальцами свои рыжие волосы и, после минуты-другой раздумья, во время которой Скворцов успел уже юркнуть под одеяло, - заговорил слегка докторальным тоном, точно он отвечал на экзамене:

- Истинная любовь есть полное гармоническое сочетание духовной и физической привязанности. Необходимо любить женщину и как человека, и как женщину. Если доминирует лишь одна духовная сторона, это, в некотором роде, уродство, и женщина должна быть несчастна... От этого, вероятно, жены многих великих ученых убегали от своих мужей. А если в любви преобладает одно лишь животное чувство, это, по-моему, гнусно и должно унижать достоинство порядочной женщины.

- Ну, значит, я порядочная скотина, Вася! - проговорил Скворцов, протягиваясь.

Неглинный не противоречил и снова опустил глаза на книгу.

- Но только ты, брат, слишком теоретичен и не знаешь женщин. Есть развитые и умные женщины, которые любят красивых балбесов без всякого внутреннего содержания... Мало ли таких жен... И они нисколько не считают себя униженными... Напротив, счастливы... Ты, верно, никогда не женишься!

- Пока не думаю.

- Трудно, брат, найти такой идеал любви...

- Можно стремиться к его приближению. Однако, не мешай!..

Некоторое время Скворцов молчал и снова спросил:

- Ты, Вася, любил когда-нибудь?

- Любил, - отвечал, несколько конфузясь, Неглинный.

- Замужнюю или девушку?

- Да ты чего допрашиваешь!.. Ну, замужнюю.

- И она тебя любила?

- Она и не знала, что я ее люблю...

- Зачем же ты не сказал ей?..

- К чему смущать несвободную женщину... И вообще, знаешь ли, я как-то боюсь их... Какое имею я право навязываться с своею любовью?

- Ты, Вася, фефела порядочная! - рассмеялся Скворцов. - Играя в молчанку, ты никогда не вызовешь любви... Она тебя любила?

- Не думаю. Но расположена была, это несомненно.

- И ты все молчал?.. Даже и рук не целовал?

- Циник!.. Не говори пошлостей!.. - воскликнул Неглинный.

И, внезапно оживляясь, проговорил:

- Я ее так любил целых три года, Коля, что ради нее готов был перенести какие угодно страдания. Ах, что это за светлое, прелестное создание!.. А ты, свинья: "целовал ли руки?"

"Совсем фефела!" - подумал про себя Скворцов и спросил:

- Хорошенькая?

- Мне казалось в то время, что краше нее нет женщины на свете...

- А муж молодой или старик? Каков он?..

- Муж? - переспросил Неглинный, и Скворцов увидал с дивана, что лицо его друга омрачилось. - Я не стану о нем говорить, так как могу быть пристрастным. Мне он не нравится. Он был молодой и очень красивый, - прибавил Неглинный.

- И она его любила?

- Кажется, не очень... Едва ли она счастлива.

- Ты продолжаешь бывать у них?

- Их здесь нет. Они три года как уехали...

- Д-д-да, - протянул Скворцов, - это была, значит, настоящая любовь... Такой бескорыстной, возвышенной любви я еще не испытал... А все-таки, Вася, ты какой-то пентюх с женщинами... Боишься их, молчишь, краснеешь, точно красная девица... Так, братец, никакая женщина тебя не полюбит.

- И пусть, - промолвил угрюмо Неглинный...

- И, несмотря на свои возвышенные идеалы, ты женишься лет в сорок на какой-нибудь кухарке...

- Ну, это ты, брат, врешь...

Несколько времени длилось молчание, как вдруг Скворцов, уже начавший дремать, проговорил:

- Чуть было не забыл сказать тебе самое важное. Сегодня Иван Иванович говорил, что на "Грозном" вакансия, и просил передать тебе, чтобы ты бросил ученую карьеру и просился на "Грозный"...

- Иван Иванович разве в Петербурге?

- Да...

- И Нина Марковна?

- И Нина Марковна.

- И ты у них пропадал?..

- У них, - виновато промолвил Скворцов.

- Хорош! Говорил: "отравляет жизнь", а сам вечера с ней просиживает...

- Нельзя было отказаться. Таковую, брат, надо вести линию... Так слушай: ты, конечно, ученой

карьеру, ради Ивана Ивановича, не бросишь и в море не пойдешь?

- Разумеется.

- Так скажи своему дяде, чтобы попросил министра назначить меня на "Грозный". И уприси его съездить скорей, пока никого не назначили. А я, в свою очередь, попрошу похлопотать, знаешь ли кого?

- Кого?

- Ивана Ивановича!.. Что вытаращил глаза? Разве не идея?

Неглинный улыбнулся.

- А Нина Марковна как?

- Она не узнает. Я попрошу адмирала держать мою просьбу в глубочайшей тайне.

- Чем же ты объяснишь эту таинственность?

- Как-нибудь да объясню. А он, наверное, постарается, чтобы я ушел в плавание. Понимаешь, почему? Не правда ли, идея?

- Да ведь после он может сказать Нине Марковне.

- После, когда я буду отсюда далеко, пусть говорит.

- Однако, ты - гусь лапчатый! - промолвил Неглинный. - Ишь, что выдумал!

- Поневоле выдумаешь, когда положение - "бамбук"... Да вот что еще. Если встретишься с адмиралом или с адмиральшей - не забудь, что у тебя была инфлюенца.

- Это еще что?

Скворцов объяснил, в чем дело, и, пожелав другу "успешно зубрить", повернулся на другой бок и скоро заснул крепким сном.

На другой день он с двенадцатичасовым парходом отправился в Кронштадт. Адмиральша уехала раньше.

VII

Просить человека, которого втайне бессовестно обманываешь, об услуге, хотя бы и с добрым намерением покончить с обманом, оказалось вовсе не так легко и просто, как легкомысленно предполагал Скворцов. Его очень смущало и самое обращение с просьбой к этому добродушному и, по-видимому, простоватому толстяку Ивану Ивановичу и, главным образом, объяснение, которое необходимо сочинить по поводу сохранения в тайне его просьбы.

Положим, оно уже придумано и, кажется, ничего себе, но поверит ли ему адмирал и не будет ли удивлен, что молодой человек скрывает это намерение от своего "друга" Нины Марковны? И что, если адмирал, который, по уверению жены, находится о таком блаженном неведении относительно характера их дружбы, что даже собирается пригласить его жить вместе с Ниной Марковной на даче, - вдруг догадается, в чем дело? Тогда... прощай обычное добродушное настроение Ивана Ивановича! Семейное счастье и вера его в любимую "Ниночку" будут омрачены подозрениями. Бедный адмирал!

"И на кой черт этот славный Иван Иванович сделал глупость, женившись в пожилых летах на такой пылкой женщине, как Нина Марковна!" - не без досады подумал вслух Скворцов.

Все эти соображения волновали теперь молодого человека, и он, вернувшись в Кронштадт, не решился, как хотел, в тот же день переговорить с адмиралом, хотя и представлялся для этого удобный случай. Он встретил адмирала на улице, близ Петровской пристани, и мог без помехи изложить свою просьбу. Адмирал, только что вернувшийся с своего флагманского броненосца, был, по-видимому, в хорошем расположении духа и, по обыкновению, ласков и приветлив. Но у Скворцова не хватило смелости заговорить о своем деле. Вдобавок, Иван Иванович, пригласивший молодого человека пройти с ним, шутливо расспрашивал о "венгерочках" в Аркадии и, между прочим, заметил, что и Ниночка вчера осталась в Петербурге и только сегодня вернулась с девятичасовым пароходом.

- Портниху ждала и кое-какие покупки вечером делала. Жаль, что вы не знали об этом, Николай Алексеич, а то бы зашли к ней! Ниночка и не проскучала бы вчера! - прибавил адмирал.

Вспомнив вчерашний вечер, молодой лейтенант не без труда поборол смущение и поспешил откланяться адмиралу.

- А вы разве не к нам?

- Нет, ваше превосходительство... Мне надо в экипаж.

- Так обедать пожалуйста.

- К сожалению, не могу, ваше превосходительство!

- Да что это вы все, батенька: не могу, да не могу? Какие у вас такие дела? - спрашивал Иван Иванович, взглядывая на смутившегося лейтенанта и тотчас же отводя взгляд. - Уж не завели ли вы какую-нибудь интрижку, а?.. Ну, ну, как знаете... Не забывайте только, дорогой Николай Алексеич, что я и Ниночка всегда рады вас видеть и любим вас! - с чувством прибавил адмирал, крепко пожимая Скворцову руку.

Это ласковое и доверчивое отношение добряка Ивана Ивановича было самым ужасным наказанием для Скворцова и всегда терзало его совесть - увы! - до тех только пор, пока он не оставался наедине с адмиральшей, и совесть куда-то пропадала, побежденная чарами хорошенькой молодой женщины.

"Нет, довольно всей этой лжи... Довольно! Ах, если б Неглинный упросил своего дядю похлопотать?" - подумал Скворцов, направляясь обедать в морской клуб.

Он там пробыл до вечера, чтобы не застать дома кредиторов, - играл на бильярде, долго читал в библиотеке и вернулся домой в меланхолическом настроении.

Заспанный Бубликов, отворивший ему двери, тотчас же доложил, что приходили портной и сапожник и какая-то старушка, "вроде бытто немки".

Лейтенант сообразил, что это комиссарская вдова.

- Ну, и что же, говорили они что-нибудь? - спрашивал Скворцов вестового, входя в свою комнату, казавшуюся ему теперь мрачной и постылой.

- Точно так, ваше благородие. Очень осерчавши были портной с сапожником. "Некогда, - сказывали, - нам ходить здря. Мы, говорят, управу найдем", ваше благородие...

- А старушка что говорила?

- Та, ваше благородие, вежливая старушка, с обращением... Тихо этак, по-благородному, приказала доложить вашему благородию, что через неделю "строк". "Так и скажи, говорит,

голубчик, своему барину, что "строк" и дальше я, говорит, ждате никак не согласна. Пусть, говорит, доставит весь капитал"... А еще, ваше благородие, адмиральский вестовой прибежал... Наказывал беспременно, мол, быть к адмиральше. "Тую ж минуто чтобы шел!"

- А телеграммы не было?

- Точно так, ваше благородие, депеш принесли...

- Что ж ты, дурак, не даешь ее? Где она?

Бубликов торопливо достал из кармана штанов телеграмму и, вручив ее барину, отошел к дверям. Несмотря на полученного "дурака", он участливо поглядывал на лейтенанта, которому, как он выражался, "не давали передохнуть" из-за денег.

Скворцов пробежал телеграмму, и лицо его омрачилось. Неглиный извещал, что дядя наотрез отказался хлопотать.

- Самоварчик не прикажете ли, ваше благородие? - с ласковым добродушием осведомился вестовой.

- Убирайся к черту с своим самоварчиком! - вспыхнул раздраженный лейтенант.

"Нехороший, значит, депеш!" - сообразил Бубликов и мигом исчез.

А Скворцов заходил взад и вперед по комнате беспокойными, нервными шагами, раздумывая о своем невозможном положении, в которое он стал, благодаря этой проклятой любви.

VIII

На другой день, в исходе девятого часа славного солнечного майского утра, когда адмиральша сладко спала в своей роскошной, кокетливо убранной, спальне, Скворцов, свежий, взволнованный и смущенный, переступил порог небольшого, сиявшего чистотой и порядком, уютного кабинета адмирала. Маленькая дверь в глубине вела в его крошечную спальню.

Адмирал, по морской привычке рано встававший, давно уже, после холодного душа, добросовестно проделал свои ежедневные получасовые гимнастические упражнения с гириями, не приносящими, по мнению адмиральши, никакой пользы и только напрасно утомлявшими "Ванечку", выпил свои два стакана горячего чая и в белом расстегнутом кителе, в петлице которого блестел Георгий, полученный за храбрость, сидел у письменного стола, в своем большом плетеном кресле, погруженный в чтение книги, которую он держал на своем огромном, слегка колыхавшемся, животе. Все окна в кабинете были открыты настежь, - тучный адмирал не выносил жары. Две канарейки заливались в перебой, и адмирал, несколько тугой на одно ухо, не слышал, как вошел Скворцов.

На секунду-другую молодой человек остановился в нерешительности у дверей, взглядывая на добродушное, не особенно казистое, рыхлое лицо адмирала, с толстым небольшим носом, с мясистыми красными щеками, которые свободно покоились в белоснежных стоячих воротничках рубашки, - с расчесанной седой бородой и большой лысиной, часть которой была прикрыта прядкой жидких волос. Наконец, он решительно, словно в какой-то отваге отчаяния, двинулся вперед...

- А, Николай Алексеич, здравствуйте, батенька, - воскликнул адмирал, видимо удивленный появлением Скворцова в такой ранний час и заметивший, что молодой человек взволнован. - Садитесь вот сюда, поближе ко мне, - продолжал Иван Иванович, пожимая Скворцову руку и сам почему-то вдруг заволновавшийся. Что, дорогой мой, скажете хорошенького? - спросил он со своей обычной приветливостью, но в маленьких глазах его чувствовалось какое-то

беспокойство и в громком, слегка крикливом его голосе, показалось Скворцову, звучала тревожная нотка.

- Я к вам с большой просьбой, ваше превосходительство...

- В чем дело? Вы знаете, я всегда охотно готов служить вам, чем могу, отвечал адмирал, и голос его как будто стал спокойнее, и на лице снова появилось обычное выражение добродушия.

- Но прежде, чем объяснить мою просьбу, я должен просить вас о сохранении ее в секрете, в абсолютном секрете. Чтобы решительно никто не знал, подчеркнул Скворцов, внезапно краснея.

- Будьте покойны, мой друг. Даже Ниночке не скажу! - значительно промолвил адмирал, бросая быстрый и снова беспокойный взгляд на молодого человека.

- Не откажите, ваше превосходительство, попросить министра, если только это вас не стеснит, чтобы меня назначили на "Грозный"... Я ни разу не был в дальнем плавании и имею на него полное право...

По-видимому, адмирал менее всего ожидал подобной просьбы. Она до того изумила его, что он посмотрел во все глаза на Скворцова и словно бы невольно воскликнул:

- Как? Вы хотите в дальнее плавание, Николай Алексеич?

К великому удивлению Скворцова, в этом вопросе звучало не радостное изумление, а, напротив, тревожное, точно адмиралу было неприятно, что Скворцов просится в дальнее плавание.

Молодой человек совсем был сбит с толку и смутился еще более. Он понял, что адмирал о чем-то догадывается, и чувствовал, что разговор принимает щекотливое направление. И, желая во что бы то ни стало отвлечь подозрение старика, он проговорил искусственно обиженным тоном, стараясь скрыть охватившее его жуткое чувство:

- Вас удивила моя просьба, ваше превосходительство? Вы думаете, что я уж такой скверный офицер, что и не смею проситься в дальнее плавание?

- Что вы, что вы, Николай Алексеич? Я вас считаю бравым офицером и ваше желание вполне законным... Как молодому человеку не стремиться в плавание? И если я в первую минуту, знаете ли, несколько ошалел, то простите эгоизму старика. Вы ведь знаете, как искренно я к вам расположен, и поймете, как мне и Ниночке было бы жаль надолго лишиться вашего общества. Мы оба так к вам привыкли, - прибавил адмирал, в свою очередь, несколько смущенный.

Тронутый выражением такой незаслуженной и, казалось Скворцову, украденной им привязанности адмирала, которой он так подло пользовался, молодой человек, не находя слов, наклонил голову в знак благодарности и не смел смотреть адмиралу в глаза.

А адмирал, между тем, продолжал:

- И кроме того, меня несколько удивило ваше желание, Николай Алексеич, еще и потому, что вы, сколько помнится, еще зимой говорили, что ваши семейные обстоятельства мешают вам надолго оставлять Россию? Они, значит, изменились? Или, быть может, есть и другие важные причины, заставляющие вас облекать в такую таинственность вашу просьбу?.. Простите, что я вас спрашиваю... Поверьте, друг мой, что это не праздное любопытство, - с кроткою ласковостью говорил адмирал, взглядывая на молодого человека своими маленькими умными глазами, полными теперь выражения какого-то грустного раздумья.

- Да, есть важные причины, ваше превосходительство. Мне необходимо уехать во что бы то ни стало! - промолвил Скворцов.

- Догадываюсь... Вы, верно, полюбили какую-нибудь девушку или женщину и, как порядочный человек, хотите бежать, чтобы не поддаваться искушению любви и не искушать ваш предмет? Не так ли?

- Именно так, ваше превосходительство, - глухо прошептал молодой человек. - Я полюбил одну девушку и так как жениться не могу, то должен уехать...

Адмирал пристально посмотрел на Скворцова, и по лицу его скользнула грустная усмешка. Несколько мгновений он молчал, сосредоточенный и задумчивый, закрыв глаза. Казалось, в нем происходила какая-то душевная борьба. И Скворцову было жутко. Он понимал, что адмирал не верит в выдуманную им девушку, и ждал, как виноватый, чего-то страшного и необыкновенно тяжелого. Теперь он ясно видел, что этот добродушный толстяк далеко не прост и не в таком блаженном неведении, как думает Нина Марковна.

- Послушайте, Николай Алексеич, - произнес, наконец, адмирал, понижая голос, - и я, в свою очередь, попрошу вас сохранить в тайне то, что я сейчас вам скажу. Ниночка никогда не должна этого знать... Слышите? - значительно и строго прибавил адмирал.

- Слушаю, ваше превосходительство, - пролепетал Скворцов.

- К чему нам играть комедию, Николай Алексеич?.. Я ведь все знаю. Знаю, что вы любите Ниночку и что она любит вас, - решительно сказал Иван Иванович.

"Вот оно... начинается!" - подумал Скворцов, испытывая чувство страха и в то же время облегчения, и еще ниже опуская свою виноватую голову.

- Я понимаю... Вас, как порядочного человека, мучает обман, и вы хотите бежать от него?.. Я не ошибся в вас... Я ждал этого... Но только напрасно вы думали, что обманываете меня... Да и вы еще так молоды и неиспорчены, что не умеете скрывать своих чувств... Их можно читать на вашем лице как по книге... И напрасно вы тревожитесь за меня. Я давно вижу вашу любовь к Ниночке и хорошо понимаю, что это - счастливая любовь, а не дружба... Да и какая может быть дружба, когда вы оба молоды, красивы и полны жизни?.. Так послушайте, Николай Алексеич, вам нет причины бежать. Оставайтесь, прошу вас, и не думайте обо мне. Ниночка вас так любит, и разлука с вами причинит ей большое горе. Пусть останется все по-старому, как было, и пусть Ниночка думает, что я ни о чем не догадываюсь... Ей все-таки легче... А я... я счастлив ее поздним счастьем и рад, что она полюбила такого честного и милого человека, как вы... Я знаю, вы - не хлыщ и не станете компрометировать ее имени...

С невольным изумлением Скворцов, никак не ожидавший ничего подобного, поднял глаза на адмирала и был поражен выражением его лица. Оно было какое-то проникновенное и светилось необыкновенной ласковой добротой. И маленькие его глаза так кротко серьезно глядели на любовника жены.

- Вы не ожидали такого объяснения, Николай Алексеич? - с тихой грустной улыбкой продолжал Иван Иванович. - В самом деле, жена любит другого, обманывает мужа, а он вместо того, что обыкновенно делают в подобных случаях обманутые мужья, просит вас не оставлять ее?.. Следовало бы прогнать неверную жену или, по крайней мере, отравлять ей жизнь?.. А вас - выгнать из дому? Не вызывать же мне, на старости лет, вас на дуэль?.. Так, кажется, следует по общепринятым правилам? - усмехнулся старик. - А я, вот, привык жить по собственным правилам, так, как совесть велит... А совесть мне говорит, что я один безмерно виноват перед бедной Ниночкой и пожал то, что посеял... Да-с!..

Адмирал вытер платком свое вспотевшее лицо и продолжал свою исповедь:

- Разве я имел право после сорока пяти лет довольно гнусно проведенной жизни жениться на молодом и чистом создании?.. А я женился, влюбившись в Ниночку, на склоне лет, со всей силой запоздавшей страсти... Точно это оправдание! Я боготворил ее и, думая только о себе, умолял ее быть моей женой... Мог ведь я, кажется, сообразить, что любить такого старого уroda, как я, собственно говоря, противно природе и что вышла она замуж потому, что глупые родители хотели устроить ей партию?! Еще бы... Адмирал... Положение... И я все-таки совершил это преступление, - да, преступление, которое люди часто делают, - женился и пользовался незаслуженным счастьем... И то для меня было счастье, что Ниночка, видя мою беспредельную любовь, привязалась ко мне, безропотно выносила мои ласки и была безупречной женой... А я, развращенный, изжившийся, пользовался ее молодостью и красотой... ревновал ее, думая, что моя любовь, мое баловство, все эти подарки... могут заглушить в женщине потребность чувства... И она, бедняжка, хандрила, часто плакала; страдал и я. А ее стало все больше тянуть к жизни, к любви... Еще бы! Я теперь совсем отживший человек, - промолвил застенчиво адмирал, - а она молода и полна жизни... И она кокетничала... окружала себя поклонниками, слегка увлекалась, и я, конечно, не мешал. Но вас она не шутя полюбила... Я знаю, как Ниночка вас любит и как она теперь счастлива! Она расцвела, похорошела под обаянием счастливой любви, стала покойная и радостная, не то, что прежде... Нервы прошли... И как нежна и внимательна со мной, точно извиняется за свое счастье, голубушка!.. Так неужели вы думаете, что я помешаю ее счастью только потому, что она моя жена!? Нет, никогда! Я слишком люблю Ниночку, чтобы быть ее палачом! - прибавил взволнованно адмирал.

И голос его звучал нежностью, и в глазах блеснули слезы.

Он примолк, стараясь оправиться от волнения. Безмолвствовал, опустив голову, и Скворцов, подавленный, умиленный, чувствующий необычайное уважение и любовь к этому мужу, которого он обманывал, и еще более желавший теперь уйти в плавание. И молодому человеку представилось теперь таким ничтожным и банальным его увлечение адмиральшей в сравнении с этой самоотверженной, всепрощающей любовью, и сам он казался таким маленьким и пошлым со своими понятиями о любви перед этим скромным, невзрачным толстяком, который, казалось, и не сознавал всей нравственной красоты своих "собственных правил" и своей доброй души. И его многие считали простофилей!? А он, из чувства любви и деликатности, нарочно носил эту личину "простоты". "И как же он любит свою Ниночку!" - думал молодой человек и тут же вывел заключение, что адмирал все-таки ослеплен ею, думая, что раньше она только кокетничала и слегка увлекалась... Весь Кронштадт знает об ее увлечении три года тому назад, когда адмирал был в дальнем плавании, одним лейтенантом... Да и тот, негодяй, афишировал близость их отношений... хвастал ими...

Несколько секунд в кабинете стояла тишина. Даже канарейки перестали заливаться, и только слышно было, как они постукивали клювами о жердочки.

- И ревности во мне нет... Я поборол в себе это чувство... верьте мне, снова говорил адмирал, но голос его слегка дрогнул, точно выдавал, - с этой стороны вы не причините мне зла... Одно мне было бы тяжело - это развод... Я долго об этом размышлял за это время, но, каюсь, нет сил расстаться с Ниночкой, не видать ее... И кроме того... ведь она старше вас... и вы оба не обеспечены. Положим, пока я жив, я давал бы ей большую часть содержания... много ли мне надо?.. Но после моей смерти?.. Впрочем, если Ниночка захочет, я не прочь, если это нужно для вашего счастья и если она не пожалеет меня... Но надо, чтобы ваша любовь выдержала испытание в течение более долгого срока... А пока ни полслова Ниночке и живите с ней на даче. Вы видите, вам незачем проситься в дальнейшее плавание, Николай Алексеич! - прибавил с одобряющей улыбкой адмирал.

- А я все-таки прошу, умоляю вас об этом! - заметил тихо и серьезно Скворцов.

- Как!.. Вы все-таки хотите бежать? - почти испуганно спросил адмирал.

- Хочу... Так будет лучше...

- Лучше? Для кого?

- Для нас обоих...

- Что это значит? Почему лучше? Объясните, Николай Алексеич! - с нескрываемым удивлением проговорил адмирал, не допуская и мысли, чтобы этот счастливец, любимый "Ниночкой", мог добровольно искать с нею разлуки.

Положение "счастливец" оказалось не из приятных. В самом деле, не мог же он откровенно рассказывать мужу, хотя бы и такому самоотверженному и благородному, как адмирал, о бешеной ревности и необузданной страсти маленькой адмиральши, об ее невозможной подозрительности и любящем деспотизме, требующем, чтобы любимый человек был ее рабом, обо всех этих сценах, упреках и "шквалах с дождем", - благодаря чему любовь обращалась в некоторое подобие каторги, и он хотел избавиться от нее.

Чувствуя свое "бамбуковое" положение, Скворцов взволнованно, далеко не связно и путаясь в словах, но благоразумно однако избегая всех щекотливых подробностей, которые не могли быть особенно приятны адмиралу, объяснил, что он сознает себя недостойным той привязанности, которою почитала его Нина Марковна... Он, конечно, весьма тронут... ценит и сам очень... очень предан и любит, но не уверен в силе и глубине своего чувства... И это его очень мучит и ставит в фальшивое положение... Разлука была бы хорошим испытанием... Он безгранично виноват, что раньше не проверил себя... Он влюбился, как сумасшедший, и не в силах был тогда же отойти... А теперь, думая о будущем...

- Вы, значит, боитесь, что можете охладеть к Ниночке? - перебил нетерпеливо адмирал, привыкший, как моряк, к кратким и точным объяснениям.

- Да, - виновато прошептал Скворцов.

- И не решаетесь сказать об этом Ниночке, чтобы не огорчить ее?

- Не решаюсь...

- Это понятно, - промолвил адмирал и опустил голову в каком-то печальном раздумье.

- Что ж, пожалуй, вы и правы... Лучше уехать и испытать себя, - наконец, проговорил он. - Я сегодня же напишу о вас министру... И, конечно, Ниночка не должна знать, что вы уезжаете добровольно... Это огорчит ее еще более... Она вас так любит, а вы... Бедная Ниночка! - прибавил грустным тоном адмирал.

И после минуты молчания заметил, удивленно качая головой:

- Какой вы, однако, безумец, Николай Алексеич!

И больше ни слова упрека.

Двери тихо отворились в эту минуту, и в кабинет вошла Нина Марковна, свежая, хорошенькая, блестящая о своем белом капоте и маленьком чепце, который необыкновенно шел к ней. При виде Скворцова в кабинете мужа, молодая женщина изумилась, и, приостанавливаясь у порога, воскликнула:

- Я вам не мешаю, господа?..

- Что ты, Ниночка! - проговорил адмирал, успевший незаметно мигнуть Скворцову, как бы рекомендуя осторожность, и, поднявшись с кресла, пошел навстречу жене поздороваться. Он

почтительно поцеловал ее маленькую ручку, а Нина Марковна поцеловала его в лоб.

- А вас какой счастливый ветер занес к нам так рано. Николай Алексеич? спросила она, протягивая руку Скворцову и с подозрительной пытливостью взглядывая на мужа и на молодого человека.

- Это я, Ниночка, зазвал Николая Алексеича, я, милая... Гляжу: он мимо идет... Ну, я позвал, чтобы распушить его, зачем вчера не был... И распушил, будет помнить! - весело прибавил адмирал, принимая свой обычный, простовато-добродушный вид.

- В самом деле, отчего вы вчера не были?

- Голова болела...

- Потому-то вас и не было целый день дома?

- Что, влопались, батенька? - пошутил Иван Иванович, делая вид, что не замечает едва слышной тревожной нотки в голосе жены.

- Я целый день в клубе был... Зачитался в библиотеке.

Хорошенькое личико Нины Марковны слегка омрачилось, брови сдвинулись и верхняя губа вздрогнула. Она, видимо, сдерживала свое неудовольствие и пытливо смотрела в глаза Скворцова, точно спрашивая: лжет он или нет?

- Честное слово, в клубе, - поспешил повторить молодой человек.

- Да мне разве не все равно, где вы были? - с раздражением заметила адмиральша, отворачиваясь, и, обращаясь к мужу, сказала:

- Чудные дни, Ванечка, стоят... Пора бы и на дачу...

- Конечно, пора... Хочешь завтра переехать?..

- А как же ты?

- Я тоже дня через три на корабль переберусь, Ниночка. Буду приезжать, пока не уйдем. Да вот и Николай Алексеича просил погостить у нас на даче... Что ему делать-то в городе?.. По крайней мере подышит свежим воздухом... Не бойтесь, Ниночка не стеснит вас... Можете, когда угодно, уезжать в Петербург, слушать венгерок, Николай Алексеич. Они ему очень понравились, Ниночка... Он рассказывал, как третьего дня в Аркадии их слушал... Попроси и ты его, Ниночка, а то он стесняется...

- Что ж, милости просим, Николай Алексеич... Ванечка прав: я не буду вашей тюремщицей, на этот счет можете быть покойны.

Скворцов поблагодарил и сказал, что воспользуется приглашением.

- Ну, вот и отлично; а теперь, Ниночка, угости его кофе. Он до него охотник, а мне надо скоро на корабль.

Адмиральша с молодым человеком ушли, и адмирал тотчас же принялся писать письмо к министру, убедительно прося его назначить Скворцова на "Грозный" и расхваливая лейтенанта, как отличного офицера.

"А как она его любит!" - промолвил адмирал, запечатывая письмо своей большой гербовой печатью, и грустно вздохнул.

Через два дня после объяснения с адмиралом, Скворцова потребовали в экипаж. Экипажный командир, высокий, плотный брюнет, лет пятидесяти, объявил, что Скворцова вызывают телеграммой немедленно явиться в главный штаб.

- Что такое случилось? Зачем вас требуют, Николай Алексеич? - с испуганным лицом и с тревогой в голосе спрашивал экипажный командир, раболепная трусость которого перед начальством вместе с его легендарными "угольными операциями" во время трехлетнего командования броненосцем в кругосветном плавании были в Кронштадте ходячим анекдотом, и зубоскалы мичмана так и называли каменный дом, купленный экипажным командиром вскоре после возвращения из плавания и записанный конечно на имя жены, - "угольным домом".

Молодой лейтенант, не желавший раньше времени разглашать свою "тайну", дипломатически отвечал, что не знает, зачем его требуют.

- Не напроказили ли вы в Петербурге, где-нибудь там в Аркадии или Ливадии-с... Кутнули и... какой-нибудь скандал-с, а? - Или - еще того хуже не встретил ли вас кто-нибудь из высшего морского начальства, а вы чести не отдали или не по форме были одеты?.. А я отвечай! Мне за вас будет выговор-с! Совсем не бережете вы, господа, своего экипажного командира, а, кажется, я не заслуживаю этого, - брюзжащим тоном продолжал экипажный командир.

Скворцов поспешил успокоить его.

Он ничего не напроказил и никого из начальства не встречал.

- Ну, так поезжайте поскорей в Петербург... Торопитесь и немедленно в главный штаб... Разумеется, в мундире... Имейте в виду, что я объявил вам о телеграмме в двенадцать часов двадцать минут-с, как только получил! предусмотрительно прибавил экипажный командир, взглядывая на часы.

Скворцова незачем было и торопить. Откланявшись, он, радостный и веселый, не сомневающийся, что плавание "выгорело", быстро собрался и через четверть часа, одетый в полную парадную форму, с треуголкой в руках, уже летел на пароход, отправляющийся в Ораниенбаум. С парохода он сел на поезд, и с поезда поехал прямо в адмиралтейство.

Было ровно три часа, когда он явился в большую, пустую в эти часы приемную и, обратившись к младшему адъютанту штаба, сидевшему за столом, торопливо и взволнованно доложил, что он, лейтенант 6-го флотского экипажа Скворцов, вызван сегодня телеграммой в штаб и покорнейше просит доложить его превосходительству.

- Потрудитесь подождать. Адмирал теперь занят, - в ответ на взволнованное и нетерпеливое заявление Скворцова умышленно равнодушным тоном проговорил хлыщеватый на вид, молодой, чернявый штаб-офицер в пенснэ, находя, по-видимому, большое удовольствие осадить, так сказать, на всем бегу лейтенанта.

И с этими словами адъютант принял сосредоточенный деловой вид и опустил глаза на лежавшие перед ним бумаги.

- Скажите, пожалуйста, не знаете ли, зачем меня требовали?

Вероятно адъютант нашел, что в тоне вопроса, заданного Скворцовым, не было достаточно почтительности и не было той льстивой нотки, которую так любят штабные господа, потому что он не без презрительной улыбки оглядел в пенснэ лейтенанта с ног до головы, словно бы недоумевая его фамильярности, и, слегка растягивая слова, отчеканил с аффектированной

холодной вежливостью:

- Не имею чести знать-с о таком важном событии.

"Скотина!" - подумал Скворцов, получив "обрыв", и, несколько сконфуженный, отошел в дальний конец приемной и стал у окна.

Прошло добрых десять минут. Хлыщеватый адъютант, видимо изнывавший от скуки, покручивал свои красивые усы, рассматривал длинные ногти, подрагивал ногами, взглядывая по временам на молодого офицера, точно желая убедиться, достаточно ли он "приведен в христианскую веру", - как вдруг в дверях появилась молодцеватая фигура самого начальника штаба, видного, щеголевато одетого, довольно моложавого адмирала, несмотря на его шестой десяток, с строгим, холодным взглядом маленьких глаз и с надменно приподнятой головой, покрытой заседевшими белокурыми кудреватými волосами.

- Господин Скуратов! - позвал он адъютанта.

Тот, словно мячик, подпрыгнул со стула, подлетел к адмиралу и почтительно наклонил голову.

Адмирал отдал адъютанту какое-то приказание и, заметив Скворцова, вытянувшегося в струнку, спросил:

- Ко мне?

- Точно так, ваше превосходительство. Лейтенант Скворцов. Вызван, по приказанию вашего превосходительства, телеграммой, - доложил адъютант.

- Что ж вы мне не доложили?

- Лейтенант Скворцов только что явился, ваше превосходительство, и у вас был доклад, - соврал адъютант.

- Пожалуйте ко мне! - крикнул, обращаясь к Скворцову, адмирал резким, недовольным тоном, еле кивая на поклон лейтенанта, и скрылся в дверях.

Скворцов вошел в огромный кабинет начальника штаба и остановился у дверей.

- Отчего так поздно явились? - строго спросил адмирал, подходя к Скворцову и глядя на него в упор своими серыми, мало выразительными, стеклянными глазами.

- Телеграмма была мне объявлена экипажным командиром в двенадцать часов двадцать минут, и я немедленно отправился через Ораниенбаум в Петербург, ваше превосходительство!

"Разнести" за опоздание, при всем видимом желании, очевидно, не было возможности, явно не погрешив против справедливости, и адмирал, известный в те времена во флоте главным образом пунктуальной аккуратностью (недаром он был моряк, да еще родом из немцев или шведов), холодным джентльменством и некоторой надменностью человека заурядных способностей, случайно сделавшего блестящую карьеру, - должен был удовлетвориться данным объяснением.

Тем не менее и после ответа Скворцова адмирал имел сердитый вид, заставляя молодого офицера тщетно ломать голову, чем он имел несчастье прогневить его превосходительство.

А причина была самая простая.

Весьма чувствительный к просьбам, исходящим из аристократической сферы, к которой адмирал, несмотря на свое скромное происхождение, питал особое и небескорыстное почтение, - он не далее, как на днях, поторопился почти дать слово блестящей княгине Долгоуховой, что ее сын, молодой мичман, будет назначен на "Грозный". Хотя князь Долгоухов не имел права на дальнейшее плавание, кроме права протекции, однако адмирал представил о назначении мичмана и был несколько удивлен, что министр, обыкновенно не вмешивающийся в назначения младших офицеров, на этот раз не утвердил представления.

Этот коротко остриженный, совсем седой старик с грубоватым лицом, умными зоркими глазами и окладистой белой бородой, испытавший во время своей долгой карьеры немало передряг, бывший сперва на виду и в большом фаворе, потом попавший в долгую опалу и затем на склоне лет назначенный на пост, который давно был предметом его честолюбивых мечтаний, - этот старик был решительно против назначения князя Долгоухова. С обычной своей добродушной простотой, под которой чувствовался умный, талантливый и ревнивый к власти человек, он проговорил своим мягким баском:

- Долгоухов, кажется, ходил уже раз в дальнейшее плавание. Не правда ли, Андрей Оскарыч?

- Ходил, ваше высокопревосходительство, - с особенной аффектацией служебной почтительности отвечал начальник штаба.

- А у меня, Андрей Оскарыч, есть кандидат, который почему-то еще не был в дальнем плавании и имеет на него все права. Эту назойливую княгиню уж мы как-нибудь потом ублажим, чтоб она к нам не приставала. Она ведь и меня просила. Верно, и вас также? Нынче во флоте у нас много развелось этих белоручек, аристократических маменькиных сынков, и я, признаюсь, часто грешу против совести, исполняя просьбы их родителей и разных бабушек да тетушек... Что прикажете делать - с ними надо считаться! - развел руками адмирал, словно бы оправдываясь. - И чего только эти белоручки лезут во флот? В наше время их не было... Так уж на этот хоть раз не возьмем на душу с вами греха, Андрей Оскарыч, и уж уважьте мне - назначьте на "Грозный" лейтенанта Скворцова... Он, говорят, brave офицер... пусть поплавает... Согласны? - прибавил старик, заранее уверенный, конечно, в согласии.

- Слушаю-с, ваше высокопревосходительство, - отвечал начальник штаба почтительно-официальным тоном.

Старик, хорошо услышавший в этом официальном тоне скрытую нотку неудовольствия, сделал вид, что не замечает его, и с прежним добродушным видом продолжал:

- А вы, Андрей Оскарыч, все на меня валите. Скажите княгине, что старик заартачился. Ничего, мол, не поделаешь с упрямым стариком.

И министр засмеялся старческим, дребезжащим смехом.

- Да пусть Скворцов немедленно уезжает. Прикажите ему выдать, что следует, на дорогу, и с богом! А о нем я уж его светлости докладывал! - прибавил старик, как бы предупреждая, что все уже покончено и что никакие хлопоты княгини Долгоуховой не помогут.

Вот почему начальник штаба глядел теперь на стоявшего лейтенанта, который невольно помешал его превосходительству оказать влиятельной княгине услугу (а она так просила!), - далеко не с той, слегка высокомерной приветливостью, с какой он обыкновенно относился к молодым офицерам, и тем же недовольным, слегка раздраженным, тоном проговорил:

- По приказанию господина управляющего министерством вы назначены на "Грозный".

При этих словах Скворцов весь вспыхнул от радости. Адмирал между тем еще строже спросил:

- Вы сами просились у министра, помимо прямого начальства?

- Нет, ваше превосходительство.

- Так кто же за вас просил? - воскликнул адмирал.

- Не знаю, ваше превосходительство, - храбро солгал молодой человек, помня свой уговор с добрым Иваном Ивановичем хранить "ради Ниночки" в секрете его ходатайство.

На выхоленном, свежем лице видного адмирала, окаймленном седыми бакенбардами, отразилось недоумение.

Он помолчал и резко и повелительно сказал:

- Прошу немедленно отправиться к месту назначения. "Грозный" вы должны застать в Тулоне. Когда можете собраться?

- Завтра к вечеру могу уехать, ваше превосходительство.

Лицо адмирала, когда-то лихого капитана, несколько смягчилось от этого ответа, и он уже мягче сказал:

- Можете, если не успеете, и дня три-четыре остаться.

И, подойдя к столу, он подавил пуговочку. Вошел курьер.

- Старшего адъютанта попросить.

Явился старший адъютант, которому адмирал отдал приказание немедленно изготовить приказ о назначении лейтенанта Скворцова и распорядиться, чтобы сегодня же заготовили талон на прогонные деньги.

- Завтра явитесь в штаб за бумагами к начальнику эскадры, - обратился адмирал к Скворцову, - и затем, как будут готовы, уезжайте. Счастливого пути, - прибавил адмирал, кивнув головой.

Скворцов поклонился и вышел со старшим адъютантом. Через час он уже весело и торопливо спускался с лестницы с свидетельством для получения заграничного паспорта и талоном на 857 рублей в боковом кармане. Выйдя на улицу, он тотчас же поехал в главное казначейство за деньгами, рассчитывая сегодня же заказать пару статского платья и пальто, сделать необходимые покупки и завтра, получив бумаги из штаба и заграничный паспорт, вернуться в Кронштадт, побывать у Ивана Ивановича, расплатиться с кредиторами и затем ехать на дачу к адмиральше... На следующий день он уже покатит за границу.

"Бедная Нина! Она ничего не ждет!" - подумал молодой человек, предчувствуя не только "шквалы с дождем", но и такую штормягу, какой, пожалуй, не встретишь и в Средиземном море... Будет всего! И придется все это выдержать, ничего не поделаешь!

Зная, что теперь он освобожден и через два-три дня будет далеко, Скворцов почувствовал еще большее сожаление к хорошенькой адмиральше, от которой бежал, и готов был безропотно вынести какую угодно "трепку". Ведь он виноват, что так "подло" отплатил за такую любовь... Он сознавал себя бесконечно виноватым и в то же время радовался, что виноват... Иначе... Иван Иванович дал бы развод... Беда.

"Бедная Нина!"

Он постарается успокоить ее уверениями не забыть ее в разлуке и обещаниями часто писать,

но в его голове тотчас же промелькнула мысль, что не такая адмиральша женщина, которую успокоишь одними письмами... Она потребует, чтобы он остался, принес эту жертву за то, что она всем для него пожертвовала.

- Но, Ниночка, сам министр приказал...

Он скажет эту реплику самым убедительным тоном... Что может она на это ответить? Он отлично знал, что адмиральша на это ответит, но...

- Будь, что будет! - прошептал, наконец, Скворцов, стараясь более не думать о предстоящей попытке прощания. - Извозчик, пошел! Двугривенный на чай!

Х

- Уф!

Молодой человек вздохнул, словно освобожденный от какой-то тяжести, когда на третий день свистнул локомотив, и поезд медленно двинулся, унося Скворцова из Петербурга... Она, вся в слезах, под густой вуалью, в последний раз махнула платком, а он - своим новым фетром, и скоро маленькая фигурка адмиральши скрылась из глаз, и Скворцов уселся в свое кресло у окна в каком-то странном, ошалелом состоянии, как будто все еще не окончательно пришел в себя и не мог владеть всеми своими умственными способностями...

- Д-д-да! - как-то растерянно прошептал он и машинально принялся читать газету.

Какая к черту газета! Он читал и ровно ничего не понимал. Он смотрел на строчки и не видал их... Еще не вполне пережитые впечатления вчерашнего дня владели всем существом, и рой представлений о том, что было вчера, носился в его голове...

Бедная Нина! Как она его любит, и какое счастье, что он мчится!.. И этот однообразный грохот колес весело отзывается в его сердце... И мелькающие леса кажутся необыкновенно милыми... "Ах, какая он скотина, собственно говоря!" Он радуется, а эта бедная Нина... Сумасшедшая женщина! Еще слава богу, что все так благополучно кончилось и на его душе нет тяжкого греха чужого самоубийства... И этот славный Иван Иванович!.. Каково ему переносить это отчаяние своей Ниночки!

- О, господи, что такое было!.. - прошептал со вздохом молодой человек.

Он отлично знал, когда, смущенный и трусивший, подъезжал к хорошенькой дачке, утопавшей в зелени, что этот редкий под Петербургом, чудный, теплый день, будет памятным днем в его жизни, но никак не ожидал, что действительность превзойдет его ожидания... Брр...

И при воспоминании об этом "деньке" со всеми его перипетиями, Скворцову сделалось жутко, и он оглянулся вокруг. Слава богу, он в вагоне, а не там, в этом уютном гнездышке любящей женщины, и ее здесь нет. Седой хмурый старик, да какой-то молодой господин иностранного вида сидят в вагоне, ни души более... И ни одной женщины!!..

"Шабаш, Коленка! Будь ты подлец, если когда-нибудь влюбишься в замужнюю даму!" - внезапно предостерег он себя мысленно, и действительно в эти минуты находился в таком настроении, что, казалось, не задумываясь, отверг бы любовь женщины, будь она по красоте хоть сама царица Клеопатра.

И все эти подробности вчерашнего дня лезли в его голову. И он все это припоминал.

В саду так хорошо пахло распустившейся сиренью, и как ее было много, этой белой сирени! И солнце так весело глядело сверху. И адмиральша такая радостная, хорошенькая в своей шелковой пунцовой кофточке, в желтых башмаках, словно резвая девочка, сбежала с

террасы навстречу и бросилась к нему, протягивая обе свои маленькие белые ручки... И вдруг испуганно остановилась!

"Что такое с Никой? Что случилось?"

В голосе ее звучала тревожная нотка, а глаза так нежно и пылливо заглядывали в его глаза. И он не выдержал этого взгляда, смутился еще более и, как-то особенно значительно и долго целуя обе ручки, виновато и робко проговорил, что его совершенно неожиданно... вчера, т.е. третьего дня, вызвали телеграммой в штаб и объявили, что он назначен в дальнее плавание.

"Но ведь он, разумеется, отказался?"

"Как он мог отказаться? Сам министр назначил... Приказано завтра же ехать".

В ушах Скворцова звучит этот мгновенно упавший голос, каким она повторила: "завтра ехать?", и он видит это побледневшее лицо, казалось, не вполне понимавшее, что он ей говорит, с вздрагивавшей губой и недоумевающими глазами.

Она молча взяла его под руку и провела через сад в свой маленький кабинет рядом со спальней и затворила двери на ключ.

- Завтра ехать? - повторила она и усмехнулась нервным смехом. - Но ты не уедешь. Ты куда не уедешь! - прибавила она дрожащим властным голосом, и глаза ее метнули молнии, ноздри трепетали, вся она точно загорелась. - Разве ты смеешь уехать? Я скажу Ванечке, чтобы он сегодня же поехал к министру и попросил его отменить назначение.

В ответ на слова, что это "невозможно", адмиральша вышла из себя. Каких только не было упреков и обвинений... Они лились градом. Он - обманщик, негодяй, подлец! Так-то он отплатил за ее любовь... Вкрался в ее сердце... молил о любви... Она его теперь презирает... Да, презирает! "Ступай вон!" прибавила она, указывая рукой на дверь.

Лейтенант никогда еще не видал Нину Марковну в таком припадке страстного негодования. Он молчал и в глубине души даже радовался, что она его презирает, находя, что презрение им вполне заслужено и что его, такого негодяя, стоит немедленно прогнать, как вдруг адмиральша с воплем бросилась к презираемому человеку на шею и, прижимаясь к нему, вся всхлипывая, как ребенок, молила не уходить... остаться...

Он пробовал ее успокоить. Каких только нежных слов ни говорил он, целуя ее руки... И, наконец, его назначили не в Тихий океан, а в Средиземное море... Плавать он будет недолго... Всего один год! - соврал он, желая утешить адмиральшу.

"Один год!.. Он это считает недолго!? Значит, он ее не любит, - ее, которая всем для него пожертвовала..."

И снова позорные упреки, снова униженные мольбы...

"Ника, останься!" "Ника, не уезжай!"

И она опустилась на колени! Господи, что это была за пытка! "Так ты все-таки едешь?" Она вдруг поднялась и побежала к столику... У нее в руках какая-то стеклянка... "Прощай, Ника! Будь счастлив!" И стеклянка подносится к губам.

Скворцов помертвел от страха и в то же мгновение вырвал из ее рук стеклянку и бросил ее на пол, конечно, не догадываясь, что несколько усиленный прием валериана не отравил бы адмиральшу... Правда, он почувствовал его запах, но... черт же знает, какие бывают яды!.. Избавив адмиральшу от смерти, он должен был положить ее на кушетку... Бедняжка лежала в глубоком обмороке.

Насилу он умолил адмиральшу, когда она открыла глаза, не покидать этого мира... Он умолял и словами, и поцелуями, и последние, кажется, подействовали... Она обещала жить, как это ни тяжело, если он даст слово не разлюбить ее в этот год разлуки...

Он, разумеется, дал слово, но "день" не кончился... Снова угрозы... Снова мольбы... Господи! Что это был за день! Господи! Что эта была за дикая ночь! Какие бурные переходы от ласки к угрозам! Какие истерики! Наивный, он было хотел ехать за доктором, но адмиральша вдруг приходила в себя и не пускала его.

По счастью, наутро приехал Иван Иванович, и адмиральша при нем умирать не хотела... Напротив, говорила, что как ей ни грустно расставаться с добрым знакомым, но она рада, что он получил хорошее назначение.

А бедный Иван Иванович! Какой грустный он был и с какой трогательной заботливостью глядел на Ниночку...

Все это вспоминал теперь Скворцов и вдруг в ужасе подумал: "А что, если она отравится? Быть может, ее уж нет в живых!.."

Однако, в Вержболово его успокоила условленная телеграмма от Неглинного. "Все здоровы", - телеграфировал он, и молодой человек значительно повеселел, а с переездом границы все реже и реже вспоминал свой "ужасный день". Новые впечатления чужой стороны охватили его, и некоторое сомнение относительно действия валериана значительно подняло бодрость его духа.

Наконец, на четвертый день он приехал в Тулон, и через час уже ехал на рейд, где красовался полуброненосный, рангоутный трехмачтовый крейсер "Грозный".

Совсем новые чувства охватили его, когда он ступил на безукоризненную палубу военного корабля.

- Честь имею явиться! - назначен на крейсер "Грозный"! - проговорил он, являясь к капитану.

XI

В Скворцове была "морская жилка", без которой немислим настоящий моряк. Он любил море, и его манила к себе эта суровая, но полная сильных ощущений, морская служба. Еще в отрочестве он наслушался рассказов своего отца, честного и добродушного отставного моряка, идеалиста шестидесятых годов, сохранившего, несмотря на личные неудачи, бодрую веру в жизнь и людей, который молодым офицером два раза ходил в кругосветное плавание как раз в то время всеобщего обновления, когда гуманные веяния охватили вместе с обществом и моряков.

Под обаятельным впечатлением тех времен, от воспоминаний старого моряка о своих плаваниях веяло какой-то восторженной свежестью молодых лет, любовью к матросам и добрым благодарным чувством к капитанам и товарищам офицерам, с которыми он плавал лучшие шесть лет своей жизни. И он любил вспоминать об этом времени. С вызывающей гордостью, точно он кому-то внушал, рассказывал он, как и сам "беспокойный адмирал", как они называли начальника кругосветной эскадры, гроза офицеров и славный их морской учитель, и оба капитана, с которыми он "имел счастье служить", не допускали никаких позорных наказаний на судах даже и в то время, когда они еще не были отменены во флоте. А когда явился закон об отмене телесных наказаний, он свято соблюдался всеми. "Тогда, - говорил старый моряк, - среди нас считалось позором жестокое обращение с матросами. Драться было стыдом. Неисправимые "дантисты" остерегались бить матросов публично, как, бывало, в старину, а били крадучись, чтоб не вызывать презрительного порицания товарищей... Хорошее было время! Жилось полно, хорошо жилось и верилось во все

хорошее. В кают-компании не было розни... никаких интриг... Все были как-то приподняты накануне освобождения крестьян и общих светлых упований... Не было и тени подозрений насчет каких-либо злоупотреблений с углем и казенными деньгами... Боже сохрани. И капитаны, и ревизоры были выше всяких подозрений... Возвратившись из плавания, они могли всем прямо смотреть в глаза и собственных домов не строили, как строят некоторые нынче... И служба была настоящая... Требовали дела, а не пролазничества... Безбрежный океан и чудное голубое небо как-то настраивали возвышенно, заставляя о многом задумываться... Бешеный этот старик-океан натягивал наши нервы и в борьбе с собой вырабатывал лихих, бесстрашных моряков..."

- И дисциплина не падала нисколько оттого, что мы чтим человеческое достоинство и не били матросов. Не падала-с! Матросы лихо работали, исполняя свое трудное дело, и вели себя превосходно! - говорил старый моряк кому-нибудь из слушателей и словно убеждая какого-то незримого оппонента. - И ты не верь, Коля, - обращался он к сыну, - если теперь говорят, что розга нужна матросу и что его нужно бить. Не верь этому, мальчик, и никогда не оскверняй рук своих. Слышишь! - прибавлял обыкновенно старик, любовно поглядывая на сына-кадета, приехавшего на Рождество и на Пасху в маленький захолустный городок в Крыму, где жил его отец на покое.

Эти восторженные морские воспоминания отца, эти рассказы о дальних странах, о борьбе с океаном, о случаях опасности, об энергии, хладнокровии и находчивости моряков действовали чарующим образом на сына-юнца. И его манил океан с его бурями, манила роскошь тропической природы и эта прелесть морской жизни. Ему хотелось изведать эти жуткие ощущения, сделаться хорошим моряком, и дальнейшее плавание представлялось ему в пленительном ореоле отцовских воспоминаний.

Он мечтал о нем еще в корпусе, мечтал и по выходе в офицеры, пока не увлекся адмиральшей и в первое время думал только о ней. Но судьба его не баловала. Его не назначали в дальнейшее плаванье. Приходилось "киснуть" на берегу и уходить на два месяца служить на броненосцах. Таким образом, до сих пор молодой моряк совсем не плавал, не видал, собственно говоря, настоящего моря и совсем не знал, как и большая часть нынешних моряков, морской жизни. Разве можно было, в самом деле, называть плаванием эти двухмесячные стоянки броненосцев на транзундском рейде, вблизи Кронштадта, с их учениями, смотрами и одуряющей скукой? Молодому человеку все это казалось каким-то томительным бездельем, несмотря на точно распределенные часы занятий, и он думал, как думали и многие опытные моряки, что моряку нужно плавать и что все эти учения без плавания - одна мертвечина, неспособная создавать моряков. В течение короткой двухмесячной кампании приходилось много-много плавать недели две, т.е. ходить под парами, и то тихим черепашиным ходом, чтоб не жечь много угля, по Финскому заливу, побывать в Гельсингфорсе, Ревеле и Балтийском порте, а затем опять и Кронштадт на положение "швейцарского" моряка, опять безделье, скука и жажда какого-нибудь увлечения.

Это "транзундское сиденье", как называли летнее плаванье молодые офицеры, разумеется, не привлекало Скворцова. И если он, как и другие офицеры, все-таки искал и такого плавания, то только потому лишь, что надо было, по правилам, выплывать ценз, а в плавании все же идет морское довольствие, получается более денег, чем на берегу. Но он понимал, что хоть проплавай он таким образом все цензы и получи все чины до адмиральского включительно, ему все-таки не быть настоящим моряком, не получивши морского крещения в действительном плавании.

И вот обрадованный теперь, готовый отдаться всей душой службе, он усердно принялся за дело, совсем освободившись от своего недавнего любовного кошмара. И если б не частые письма, которыми его бомбардировала адмиральша, он, признаться, редко бы ее вспоминал. Несмотря на длинные и горячие послания, он теперь был совершенно спокоен за жизнь адмиральши, убедившись из расспросов доктора, что валерьяном отравиться нельзя...

Однако, его все-таки трогала ее любовь, и он отвечал ей благодарными письмами, в которых более описывал свои впечатления, чем изливался.

Прошло два месяца, и Скворцов сделался хорошим вахтенным начальником и усердным служакой. Он учился всему, чему только мог, не стесняясь ложным самолюбием; ознакомился с машиной "Грозного", со всем внутренним его устройством, делал наблюдения и мог, при надобности, заменить штурмана. Вдобавок, он вскоре приобрел расположение матросов за свое человеческое к ним отношение, а вестовой Аксенов просто души не чаял в своем добром лейтенанте. И сильные ощущения, которых он так жаждал, не заставили себя долго ждать. На переходе из Неаполя в Пирей, куда "Грозный" был вызван на соединение с эскадрой, его порядочно-таки "трепануло".

К встрече шторма приготовились, как казалось Скворцову, слишком рано. Капитан был более чем осторожный моряк и поспешил убрать паруса, как только сильно засвежело, и велел развести пары. На следующий только день буря разыгралась во всем своем грозном величии. Со спущенными стеньгами, имея штормовые триселя и работая сильной машиной, "Грозный" выносил трепку, держась в крутой бейдевинд. К вечеру шторм был в полном разгаре. Громадный крейсер валяло с бока на бок, словно щепку, и, по временам, крен был так силен, что у Скворцова, стоявшего на вахте, и переживавшего свой первый шторм, захватывало дух и ему становилось жутко.

И он, возбужденный, старавшийся казаться совершенно спокойным, хотя сердце усиленно билось в его груди, взглядывал на эти громадные седые волны, со всех сторон бешено несущиеся на крейсер и с гулом разбивающиеся об его бока, на эти темные, низко спустившиеся клочковатые облака, на затянутый мглой горизонт, слушал адский вой ветра, сливающийся с шумом волн, и мало-помалу первые впечатления жуткого чувства страха стали терять свою остроту... Крейсер все так же стойко выдерживает шторм и так же стремительно ложится то одним лагом, то другим, и гребни волн, рассыпаясь брызгами, с тою же яростью перекатываются через нос, когда крейсер зарывается бушпритом. Приходится только смотреть за рулевыми, чтобы правили хорошо. И Скворцов, весь напряженное внимание, вглядывается вперед, в сумрак наступающего вечера и только покрикивает рулевым своим отрывистым, взволнованным тенорком:

- Право!.. Одерживай!.. Так держать!..

К концу вахты уже нет страха в его душе. Напротив, какое-то счастливо-горделивое чувство охватывает его всего от сознания, что он больше не трусит и что, следовательно, из него может выйти моряк. И он уже посматривает вокруг на беснующееся море не с прежним почтительным и словно недоумевающим страхом, а с самоуверенным, несколько надменным чувством человека, сумеющего справиться с врагом. И в голове его проносились мечты о том, как он будет капитаном какого-нибудь доброго океанского крейсера и с ним выдерживать штормы... И у него будут не такие порядки, что на "Грозном", о нет!

Ни зги не видать. Мрак со всех сторон окутал крейсер, и Скворцов напрасно смотрит вперед - ничего не видно.

"А что, как встречное судно?" - со страхом думает он и еще напряженнее вглядывается. Он сознает свою страшную ответственность за жизнь всех этих шестисот человек команды, доверяющихся его бдительности и находчивости, и это сознание делает его еще более внимательным и ко всему готовым... Нервы его напряжены до последней степени, и он ждет с нетерпением конца вахты.

- Впереди ничего не видно. Не прикажете ли, Аркадий Дмитрич, осветить электрическим светом? - спросил Скворцов, озабоченный возможностью столкновения, официально-деловым, несколько возбужденным тоном, переходя на другую сторону мостика,

где, держась за поручни, неподвижно стояла высокая фигура капитана в дождевике и зюйдвестке.

- Не надо-с! - резко и повелительно ответил капитан, не терпевший никакой инициативы со стороны подчиненных и, как человек безмерно самолюбивый, любивший, чтобы всякое распоряжение исходило от него "самого".

Скворцов отошел на свое место, мысленно обругав этого крайне несимпатичного ему капитана "самолюбивым скотом". И, как нарочно, ему вспомнился рассказ отца про знаменитого адмирала Нахимова, которому во время Синопского боя боцман крикнул: "Павел Степаныч! Надо кливер поставить!" - и адмирал немедленно исполнил дельное предложение боцмана.

Прошло минут с десять, как вдруг Скворцов увидел по левому крамболу сразу красный и зеленый огни, сверкнувшие совсем близко.

Он так и ахнул.

- Право на борт! - крикнул он дрогнувшим голосом.

- Право на борт! - в то же мгновение зазвучал испуганный голос капитана.

И в ту же минуту почти по борту крейсера проскользнул темный силуэт трехмачтового "купца" и скрылся сзади в сумраке ночи.

- Скотина! - послал ему вдогонку капитан по-русски, прибавив к "скотине" еще непечатное ругательство.

Скворцов, скомандовав рулевым держаться на прежнем курсе, метнул в капитана негодующий взгляд.

"Чуть было не потопили судна!" - подумал он.

Шторм начал утихать к полуночи, и когда Скворцов сдавал свою вахту, ветер уж не гудел так яростно, и сквозь клочковатые облака по временам выглядывала луна.

Слишком взволнованный только что испытанными впечатлениями, молодой человек не хотел спать и несколько времени еще оставался на падубе, охваченный тем настроением какой-то духовной приподнятости, о которой рассказывал когда-то его отец.

Но боже мой! Как не похожи казались восторженные рассказы отца о дальних плаваниях на то, что приходилось видеть теперь сыну. И эта дружная судовая жизнь, и эти возвышенные беседы и чтения в кают-компании, и эти капитаны, о которых вспоминал отец, и это гуманное отношение к матросам - как все это не походит на действительность! Уж не идеализировал ли отец свои воспоминания? думалось молодому человеку.

Или, может быть, другие времена, другие песни?

И, несмотря на свою "морскую жилку", несмотря на любовь к морю и к сильным ощущениям, молодой человек чувствовал большое разочарование. Не море разочаровало его, а судовая жизнь, так сказать ее тон, ее низменные интересы, обращение товарищей с подчиненными, эта грубость капитана, эта постоянная ругань во время учений, эта вечная напряженная осторожность, чтобы не нарваться на дерзость и не ответить дерзостью. И не было, казалось ему, того "духа", который соединял всех, начиная от капитана и до последнего матроса, и про который так любил рассказывать его отец. Все служили, отбывая повинность, но не любили, казалось Скворцову, дела, не любили своего судна тою любовью, про которую слышал он от прежних моряков...

Что сказал бы его добрый старик, если б явился на "Грозный" и увидел, что спустя тридцать лет после отмены телесных наказаний молодые безусые мичмана, не только не крадучись, а с сознанием полного своего достоинства бьют по зубам матросов и после хвастают в кают-компании, возбуждая негодование - и то молчаливое и конфузливое - лишь в двух-трех офицерах да в старшем враче, как-то брезгливо скашивающем свое лицо при подобных разговорах?

А этот благополучный и веселый молодой ревизор, с наивным добродушием называющий "либералами" всех тех, кто несочувственно рассказывает о разных проделках с углем и при покупке провизии?.. Впрочем, об этом и редко говорят, и все относятся к ревизору с большим уважением. Он такой любезный и никогда не отказывает в деньгах, хотя все знают, откуда у него "лишние" деньги. Конечно, и он не объясняет - откуда. Но его добродушный, всегда веселый вид, особенно после стоянки в портах, словно бы свидетельствует, что ему наплевать на мнения насчет его персоны двух-трех "либералов"...

Еще недавно, в Неаполе, под пьяную руку, он в обществе товарищей хвастал, что он не дурак и вернется в Россию кое с чем...

"Нет, все эти рассказы отца об его плаваниях в шестидесятых годах с "беспокойным" адмиралом и с капитанами, которые умели создавать моряков и внушать им любовь к ремеслу, не оскорбляя их чувства достоинства, - умели обращаться с матросами без унижительных зуботычин и позорных наказаний, решительно кажутся сказками!"

"А казалось бы - как нетрудно быть им и теперь правдой!" - почти вслух проговорил молодой моряк, заканчивая свои грустные размышления.

Он еще несколько минут любовался "отходившим", после взрыва ярости, морем, слегка освещенным серебристой, словно задумавшейся луной. Волны, как будто уставшие, не так гневно нападали на бок крейсера и вместо гребней посылали на бок только серебристую пыль своих брызг. Стихало значительно.

- Что ж не идете спать, ваше благородие? - неожиданно раздался голос вестового. - Койка давно готова.

- А ты чего не спишь, Аксенов?

- Я дежурный, ваше благородие... И чай, если угодно, есть, ваше благородие... Горячий... Для вас приготовил!

- Спасибо, Аксенов! - с какою-то особенной горячностью проговорил Скворцов, тронутый вниманием своего вестового и весь внезапно охваченный приливом благодарного чувства.

Осторожно ступая по убежавшей из-под ног палубе, он спустился в свою каюту и, раздевшись, бросился в койку и скоро стал засыпать, убаюкиваемый все еще стремительной качкой.

Но не о хорошенькой адмиральше была последняя сознательная мысль Скворцова и не о той красавице-итальянке с жгучими глазами и классическим профилем, с которой он свел случайное знакомство в Неаполе, а о капитане. Несмотря на свою мягкость и добродушие, Скворцов с каждым днем чувствовал к нему все большую и большую неприязнь и сваливал на него одного всю вину за отраву плавания и за весь, возмущавший его, строй судовой жизни, легкомысленно забывая про "дух времени", отражавшийся и на его сослуживцах.

Он мысленно обругал капитана еще раз, вспомнив "купца", чуть было не потопленного, и заснул.

С первой же встречи, во время представления командиру "Грозного", Скворцов почувствовал

к своему командиру безотчетную неприязнь. Ему не понравилась и эта высокая, статная, худощавая фигура почти молодого человека в щегольском, ловко сшитом, незастегнутом сюртуке, из-под которого сиял ослепительной белизны жилет, и эта длинная, белая шея, точно у болотной птицы, подпиравшаяся маленькими стоячими воротничками, и это выхолощенное, тщательно выбритое, розоватое, самоуверенное, умное и надменное лицо, без усов и бороды, а по-английски - с маленькими рыжими бачками, не доходившими до конца щек, - с большим прямым носом, тонкими поджатыми губами и серыми глазами, которые так возмутительно спокойно и в то же время нагло смотрели из-под светлых бровей, не понравились и эти длинные, с крепкими ногтями, белые пальцы больших опрятных рук, с яхонтом на мизинце, и *porte bonheur**, сверкавший из-под безукоризненно свежего рукава сорочки, и эта поза, равнодушно холодная, словом, решительно все казалось несимпатичным в этом коротко остриженном, изящном, белокуром молодом командире.

* браслет без застежки (франц.)

Резкий, властный тон, каким он, в ответ на представление Скворцова, ответил, без всякого приветствия и не подав руки, о том, что завтра будет по крейсеру приказ о вступлении г. лейтенанта Скворцова в должность начальника 4-й вахты, и сухой кивок остроконечной белобрысой головы только усилили неприятное впечатление этой первой встречи с капитаном, которого он раньше не встречал, но о котором знал, конечно, по его блестящей репутации и по той быстрой карьере, которую он делал. Тридцати пяти лет от роду он уже был капитаном 1-го ранга и командиром превосходного крейсера в заграничном плавании.

В тот же вечер в кают-компании уже познакомили Скворцова с "хамством" "собаки"-капитана и его грубым обращением с офицерами. Но когда на следующий день, во время аврала, Скворцов увидел, как этот джентльмен-капитан, с презрительным выражением, холодно и спокойно ударил матроса и после брезгливо посмотрел на свою руку, он сразу понял и объяснил себе причину своей безотчетной неприязни.

XII

Молодой командир "Грозного" был одним из видных и ярких представителей типа новейшей формации, который как-то незаметно проник и во флот, являясь на смену морякам прежних времен.

То были, в большинстве, простые, скромные служаки, проникнутые духом товарищества и известных правил, выработанных еще кадетской этикой прежнего морского корпуса, чуждые интриг и служебного пролазничества, не лезшие в "свет", питавшие традиционную ненависть к светскому хлыществу, энергичные и стойкие рыцари долга, любившие свое ремесло и суда, на которых плавали, строгие, подчас даже суровые на палубе и добрые, приветливые вне службы. Они действовали на подчиненных не авторитетом грозной власти, а нравственным авторитетом знания морского дела, мужества, находчивости и хладнокровия в опасности, качествами, приобретающимися в долгих плаваниях, в школе хороших адмиралов и капитанов, понимавших, что возможно свято хранить морские традиции и стройную дисциплину рядом с гуманным отношением к матросам. Все это давало морякам известную общую типическую окраску. Шестидесятые годы смягчили прежние "жесткие" нравы, но прежний "морской дух", создавший лихих моряков и хороших капитанов, оставался.

Аркадий Дмитриевич Налетов не походил на этот тип прежнего моряка ни внешностью, ни своими житейскими правилами.

Воспитанник морского корпуса позднейшего времени, когда вместо прежней спартанской педагогики и традиций своеобразной суровой кадетской этики явилась новая, обращавшая внимание на хорошие манеры, на умение понравиться начальству и считавшая "похвальной

откровенностью" то, что прежние кадеты называли "фискальством", молодой офицер, блестяще окончивший курс, вступил в жизнь как раз в то время, когда для беззастенчивых людей открывалось на всех поприщах более простора.

Умный и честолюбивый, смелый, решительный, Аркадий Дмитриевич Налетов не разбирал средств для достижения служебного успеха. Он отлично приспособлялся и в скором времени обратил на себя внимание одного почтенного адмирала, очень влиятельного в те времена во флоте, человека порядочного и честного, но увлекавшегося в своих симпатиях. Он оценил в Налетове умного и способного офицера, нянчился с ним и привязался к нему, видя в нем, так сказать, своего ученика. Благодаря адмиралу. Налетов выдвинулся, получал хорошие назначения, словом, обязан был своей блестящей карьерой адмиралу. Но когда этот адмирал впал в немилость и перестал уж быть нужным человеком, Налетов тотчас же отвернулся от адмирала, перестал у него бывать и, стараясь попасть в тон новых влиятельных людей, стал издеваться над своим покровителем, пред которым еще так недавно выказывал свое благоговение. Это он называл: "не иметь предрассудков". Он вел свою линию умно и искусно, с холодным бесстыдством беспринципного человека, уверенного, что успех покрывает все и это негодование стыдливых людей ему несколько не повредит. Наплевать ему на них! Прежние традиции отжили свой век. Теперь новые, и слава богу! И он ясно смотрел своими наглыми глазами и, не стесняясь, говорил своим товарищам, что только дураки не умеют делать карьеры и пользоваться обстоятельствами, ну, а он не дурак. И действительно, он пользовался умело и оставался на виду. Он умел найти знакомства в влиятельных сферах и завести связи. Он посещал модного петербургского журналиста и щеголял самым крайним обскурантизмом. Такое щегольство, казалось ему, было в духе времени и могло зарекомендовать его.

Морской службы своей Налетов не любил и видел в ней лишь средство достичь блестящего положения. Он отбывал плавания, чтобы проделать поскорей все положенные цензы, мечтая о быстрейшем производстве за отличие в адмиралы, а там, кто знает, чего можно достигнуть при уме и смелости?.. И в его голове бродили честолюбивые мечты о будущем.

Он был недурным, образованным и знающим капитаном, но в нем не было главного: "морской жилки", любви к морю и к своему судну. Не было и той нравственной связи с подчиненными, без которой немислим, так сказать, "дух корабля". Самоуверенный до наглости, самолюбивый и требовательный, настойчиво желавший, чтобы "Грозный" под его начальством был во всех отношениях примерным судном, он все-таки не умел внушить подчиненным любви к делу, которой и сам не имел, и, несмотря на строгость и частые "разносы", и офицеры и матросы исполняли свои обязанности без того одушевления, без той самолюбивой страстности, какая бывала на судах, где капитан, офицеры и матросы составляют одно целое, проникнутые одним духом, и где каждый дорожит интересами любимого своего судна.

Отсутствие этого "духа живого" раздражало молодого капитана. И он был заносчив и дерзок до грубости с офицерами, пользуясь их выносливым молчанием, и презрительно брезглив с матросами, на которых глядел, как на рабочую силу, обязанную повиноваться. Иное отношение он считал "глупой сентиментальностью остатком того времени, когда в моде было нянчиться с ними, как с цацами".

Нечего и говорить, что и офицеры, и команда не любили капитана и только боялись его.

- Из молодых да ранний!
- Себя только любит, а всеми брезгует. Гордыни в ем много.
- Форцу на себя напускает! Много о себе думает!
- Жесткий командир!

Так трактовали капитана между собою матросы.

И капитан, в свою очередь, ни к кому из офицеров не благоволил. Со старшим офицером и старшим доктором был холодно вежлив и официально сдержан, а молодых офицеров третировал с грубостью забывшегося выскочки.

Один только ревизор пользовался особенным его расположением и, в свою очередь, защищал капитана, объясняя его грубость нервным состоянием.

Но это расположение, переходившее даже в интимность, имело свою особенную причину. Ни для кого не было секретом, что капитан и ревизор тесно связаны друг с другом общностью личных интересов. Все хорошо знали, что счета за уголь (а угля сжигается много!) подаются выше действительной покупной цены и что разные "экономии", являющиеся от обычной десятипроцентной скидки со всех счетов, подаваемых поставщиками провизии, никуда не записываются и делятся между капитаном и ревизором.

И многие мичмана, подсчитывая, что таких "безгрешных" доходов у капитана может быть тысяч до десяти в год, втайне мечтали о времени, когда и они будут капитанами. Это "безгрешное" пользование не возбуждало негодования в молодых моряках. Многие пользуются, да еще и не так! И со смехом указывали на адмирала Щукина, который доходил до полной беззастенчивости, командуя три года эскадрой на Дальнем Востоке. У него и дом в Петербурге, и сколько он навез дорогих роскошных вещей из Японии и Китая. Недаром его громадные вазы, диковинные шахматы и веера возбуждают общий восторг!

Когда Скворцов убедился, что слухи про капитана не клевета, а правда, к чувству неприязни прибавилось еще и чувство презрения.

О таком ли плавании мечтал он! У такого ли капитана хотел он учиться?!

Избегая возможности какой-нибудь придирки со стороны капитана, Скворцов был педантичен по службе и необыкновенно точен в исполнении своих обязанностей. И тем не менее при авралах и учениях и во время вахт он испытывал то чувство нервной натянутости, которое бывает у молодых самолюбивых людей, ожидающих какой-нибудь дерзости со стороны начальства и знающих, что они оскорбления не спустят, хотя бы и пришлось рисковать будущностью.

Но капитан, как все дерзкие и наглые люди, очень хорошо понял, что молодого лейтенанта нельзя оскорбить безнаказанно, и он обращался с ним с резкой холодностью, "разносил", не переступая границ служебного приличия, и испытывал, в свою очередь, к Скворцову неприязненное чувство, словно бы понимая причины его молчаливого осуждения.

XIII

К восьми часам утра, к подъему флага и гюйса, Скворцов уже был наверху, где собрались, по обыкновению, все офицеры и вся команда.

За ночь ветер значительно стих и дул баллов на 5. Волнение улеглось, и море приняло свой красивый, темно-голубой цвет. Небо было чистое, - ни одного облачка, и веселые лучи ослепительного солнца заливали своим блеском палубу гиганта-крейсера, сверкая на орудиях, поручнях и люках, отчищенных на диво. На горизонте то и дело показываются дымки пароходов. Плавно и медленно покачиваясь своим громадным корпусом, "Грозный" быстро идет узлов по пятнадцати в час, под однообразный шум своей тысячесильной машины.

Разговоры смолкли. За минуту до восьми часов на палубе появился капитан, как всегда, щегольски одетый, свежий, чисто выбритый, с моноклем в глазу. На лице обычное выражение холодного спокойствия и брезгливого недовольства, которое он сам напускает на себя перед

офицерами. Все офицеры прикладывают пальцы к козырькам фуражек. Ленивым движением холеной белой руки он отдает честь, поднимается на мостик и оглядывает рангоут, приводя в некоторое беспокойство старшего офицера, внимательно тоже всматривавшегося наверх, закинув свою круглую черноволосую голову.

- Бинокль! - произнес он отрывистым голосом, не поворачивая головы.

Сигнальщик подал бинокль в протянутую руку, и капитан осмотрел горизонт.

- Флаг и гюйс поднять! Ворочай! - скомандовал вахтенный офицер.

После обычного, несколько торжественного на военных судах, подъема флага и гюйса и подъема брам-рей, причем выстроившийся на шканцах караул берет ружья на "караул" и горнисты играют поход, капитан, видимо сам наслаждаясь престижем своей власти, хотя и скрывая это под маской бесстрастия, принимает обычные рапорты от старшего офицера, старшего врача и заведующих отдельными частями. Тем временем все офицеры, кроме вахтенного и подвахтенного, спустились вниз пить чай. Капитан в сопровождении старшего офицера обошел верхнюю палубу, на которой занимались чисткой разведенные по работам матросы. Матросы усерднее чистили медь и орудия при приближении начальства, провожая его тревожными взглядами: как бы за что не придрался капитан.

Особенно трусил боцман 1-й вахты, франтоватый, довольно молодой еще человек, совсем не похожий на пьяниц-боцманов старого времени, ругавшихся с виртуозным совершенством и любивших давать волю рукам, но никогда не жаловавшихся на матроса и не чуждавшихся его. Боцман Алексеев был тоже из "новых". Он гнушался матросов, валяя перед ними из себя "аристократа", и никогда не водил с ними компании, знаясь только с унтер-офицерами, писарями, фельдшерами и баталером; любил читать газету и заворачивать деликатные словечки, не пьянствовал и не ругался с остервенением прежних боцманов, но дрался, впрочем, не хуже своих предшественников, часто жаловался старшему офицеру и притом не гнушался мирволить матросам, подносящим ему подарки. Прикапливая деньжонки, он рассчитывает по окончании службы заняться в Кронштадте торговлей и имеет все данные сделаться со временем кулаком. Служит он усердно, толков, исполнительен и знает свое дело. Перед начальством лебезит и заискивает, и среди матросов уважением не пользуется.

- За рупь-целковый душу продаст! - говорят про него матросы, метко определяя сущность его натуры.

Капитан окончил свой обход и проговорил, останавливаясь перед спуском к себе в каюту:

- В Пирее начальник эскадры. Верно сделает смотр. Так потрудитесь приготовиться.

- Есть! - отвечал старшин офицер, давно уже готовый к смотру, и спускается в кают-компанию...

За большим столом почти все офицеры в сборе и пьют чай.

Скворцов уселся около старшего доктора, симпатичнейшего и милого Федора Васильевича, и с увлечением рассказывает о своей штормовой вахте и о том, как чуть было не потопили "купца"... Он очень сошелся с доктором; у них много общего в мнениях, оба они одинаково не любят капитана, и обоим им не особенно нравится тон кают-компания.

И, как нарочно, раздается молодой тенорок юного мичмана:

- А я, господа, сегодня начистил зубы Гришкину... Вообразите...

И начинается рассказ о том, за что именно он "начистил зубы".

Большинство присутствующих хохочет. Только один такой же юный мичман замечает:

- Нашел, чем хвастать.

- И ты в либералы записался? - со смехом отвечает ему товарищ, побивший матроса. - Нынче, братец, либерализм не в моде. Атанде, кавалер Липранди. Пусть это другие популярничают с матросами, - продолжал он, взглядывая иронически на Скворцова, - а я, брат, не намерен... Виноват каналья, и я его в зубы!.. Матрос за это не в претензии...

- Конечно, не в претензии, - поддержал кто-то.

- Ахвати тебя, ты будешь в претензии?

- Вот дурацкое сравнение... У матросов совсем другие понятия... И, наконец, он к этому привык.

Скворцова взорвало, и он, весь закипая, произнес:

- Осмелитесь вы на моей вахте ударить матроса...

- Что же тогда? - вызывающе перебил юнец-мичман.

- Я бы подал на вас рапорт...

- Ого-го... Как вы строги, Николай Алексеич! - пробормотал мичман.

- Разве для нас с вами закон не писан... Разве телесные наказания не отменены?

В кают-компании наступило неловкое молчание. Большинство видимо не одобряло Скворцова, и он это хорошо чувствовал.

- Да полноте, господа, - вступился старший офицер, и сам, случалось, бивавший матросов, но никогда об этом не рассказывавший, - о чем тут спорить. Положим, оно и незаконно, так ведь иной раз вспыхнешь... ну и... увлечешься...

- Я не о таких увлечениях говорю, Андрей Петрович... Я о принципе. Закон есть, надо его исполнять, а не хвастать нарушением его.

- Какой цензор выискался! - прошептал кто-то.

- Вам и книги в руки, коли вы такой гуманный, Николай Алексеич. вступился ревизор вкрадчивым, ласковым тоном. - Конечно, зверствовать нехорошо... Боже сохрани... Но если иной раз, знаете ли, смажешь, ей-богу же, хоть и незаконно, а беды нет... Главное, как смазать... И какие еще там принципы... Жизнь, батюшка, одно, а принципы - другое... Вот завтра в Пирей придем - в Афины можно съездить... Гречанки там...

И разговор скоро принял фривольное направление, в котором приняли участие все, исключая доктора и Скворцова. Они вышли из кают-компании.

- Либералы! - с усмешкой проговорил юный "дантист"-мичман. - Тоже: "рапорт"!

- А вы, юноша, не хвастайте... Эка, в самом деле, подвиг какой... Ну, хватили в зубы, и шабаш... Помалчивайте! - философски проговорил жизнерадостный и благополучный ревизор. - А Николай Алексеич милейший человек, но только одна беда: либерал и с принципами носится... Ну да, поживет и уйдет! Не так ли, Андрей Петрович? - обратился он, как бы ища одобрения старшего офицера.

Старший офицер, добродушный и честнейший человек, безропотно несший ради жены и

детей свою тяжелую службу с несимпатичным ему капитаном, мягкий с матросами и старавшийся как-нибудь поддерживать мир и согласие в кают-компании, отвечал несколько длинно и уклончиво насчет принципов и насчет того, как трудно проводить их в жизнь, особенно семейному человеку, да еще на службе, где начальство не всегда любит принципы.

- И это весьма жаль, очень жаль! А то, помилуйте, что ни начальство, то новый принцип-с! - совершенно неожиданно и с каким-то раздражением в голосе вдруг заключил свои пространные рассуждения этот маленький Пилат в образе добродушнейшего и мягкого старшего офицера и ушел наверх делать неустанное дело: вечно приводить крейсер в порядок и осматривать его.

К полудню следующего дня "Грозный" бросил якорь на Пирейском рейде, вблизи нашего броненосца под контрадмиральским флагом, салютуя нации и адмиралу. Капитан, немедленно поехавший к нему с рапортом, вернулся видимо чем-то раздраженный. Адмиральского смотра ждали со дня на день, и офицеры хотели поскорее сбить смотр, чтоб уехать в Афины.

В день прихода в Пирей, Скворцов получил полное упреков письмо от адмиральши и послание от Неглинного, в котором он, между прочим, восхвалял "эту чудную обворожительную женщину" и удивлялся, как Скворцов мог разлюбить ее.

"Сам, значит, втюрился!" - подумал Скворцов и искренно пожалел своего друга.

XIV

В ожидании адмиральского смотра, назначенного через два дня, на "Грозном" шла непрерывная чистка. Чистили, подкрашивали, белили, мыли и скоблили снаружи и внутри, наверху и внизу, в машине и трюмах, заглядывая в самые сокровенные уголки.

Озабоченный и видимо щеголявший этой озабоченностью и множеством работы, старший офицер метался, словно угорелый, по крейсеру и не жалел крепких словечек, приводя судно в идеальный порядок, чистоту и блеск, которые составляют гордость каждого мало-мальски порядочного старшего офицера.

Капитан, чем-то раздраженный, был не менее старшего офицера озабочен желанием показать во всем великолепии свой крейсер новому начальнику эскадры, недавно назначенному на смену старого. Адмирал этот имел репутацию опытного, много плававшего моряка и знатока дела, человека серьезного, которого не проведешь шарлатанством и не вотрешь очки показной стороной. И капитан, уже имевший случай убедиться в этом во время представления адмиралу по приходе на Пирейский рейд, ждал смотра не без тревоги. Он сам следил за работами, вмешиваясь в распоряжения старшего офицера, путая и раздражая его, и без толку разносил вахтенных начальников и мичманов. Но, к общему изумлению, разносил без прежних оскорбительных дерзостей, и тон его не был такой вызывающий и наглый, как раньше.

Эту внезапную перемену офицеры объяснили себе тем, что ему "попало" от нового начальника эскадры, до которого, вероятно, дошли слухи об обращении капитана с офицерами.

Предположение было верное. Действительно, командир "Грозного" получил строгий выговор, переданный по предписанию министра, что было, разумеется, еще неприятнее для такого карьериста, как Налетов, и, главное, совсем неожиданно.

А дело объяснялось просто.

Мичман Веретьев, о связях которого капитан и не подозревал, ленивый и неисправный

офицер, списавшийся с крейсера три недели тому назад под предлогом болезни, вернувшись в Петербург, поведал своей тетке, генеральше Чамодуровой, о том, что он вытерпел: как его притеснял и оскорблял "собака"-капитан. Этот молодой человек, молчаливо переносивший оскорбления, жаловался теперь тетке не без надежды напакостить капитану, и расчет его оказался верным. Старая генеральша, вообще дама решительная и любившая своего племянника, возмутилась, и возмутилась, главным образом, тем, что ее любимца позволил себе оскорблять какой-то выскочка из "вчерашних" дворян. И она на другой же день полетела к своей кузине и приятельнице, графине Безуздой-Саврасовой, муж которой занимал весьма видное и влиятельное служебное положение.

Взволнованная генеральша передала графине, какими невозможными словами бранил капитан бедного Володю. Боже! что за выражения! "Мокрая швабра"... "Цинготная девка".

Но это еще из лучших... Ей стыдно даже повторять те удивительные словечки этого "морского арга", которыми угощали на корабле благовоспитанного и скромного Володю.

Однако, одно из этих словечек "морского арга" генеральша шепнула на ухо графине. Та только ахнула изобретательности моряков.

Дамы забили тревогу. Так оставить этого нельзя. Необходимо, чтобы узнали, как третируют молодых людей из порядочного общества. У самой графини был сын во флоте и с ним, графом Безуздым-Саврасовым, могут так же грубо обращаться. Хотя он и доволен плаванием и очень хвалит своего командира, но, быть может, он только не желает огорчать мать!..

И графиня в тот же день сообщила об этой истории мужу, прося его вмешательства. Пусть он поедет к его светлости и доложит ему, что делается на военном судне.

Старый граф, человек слишком умный и осторожный, чтобы позволить себе какое-нибудь вмешательство в дела чужого ведомства, разумеется, никуда не поехал и даже посоветовал графине не очень раздувать эту историю, тем более, что у господ моряков "свои особенности", однако, при первой же встрече с морским министром "позволил себе" по-приятельски довести до сведения его высокопревосходительства о слухах, "конечно, преувеличенных, но во всяком случае компрометирующих славную семью моряков".

Несколько смутившийся адмирал очень благодарил графа за сообщение. Действительно, некоторые капитаны, к сожалению, позволяют себе более, чем следует. Он непременно расследует это дело. И на другое же утро адмирал потребовал к себе мичмана Веретьева, из-за которого был вынесен "сор из избы", чего старик не любил.

Зоркий глаз старого моряка, бывшего любимого адъютанта Корнилова, сразу угадал в этом почтительно улыбающемся, чистеньком, франтоватом мичмане лодыря и одного из белоручек, "маменькиных сынков" и "племянничков", которые, благодаря моде, полезли во флот, доставляя немало неприятностей командирам судов, на которых плавали эти шалопаи.

В ответ на предложение адмирала "рассказать по чистой совести, какие причины заставили молодого человека списаться с крейсера, не окончив плаванья", мичман Веретьев с подробной точностью, почтительно глядя на адмирала своими ясными, несколько телячьими глазами, перечислил все оскорбительные прозвища, которые он безропотно выслушивал в течение года от командира "Грозного", не смея отвечать по долгу дисциплины к не желая лишиться плаванья. И только, когда командир позволил себе во время аврала обругать его, как последнего матроса, в присутствии офицеров и команды, он после такого оскорбления не счел возможным оставаться на крейсере и подал рапорт о болезни.

Старый адмирал не только не выразил одобрения за такую самоотверженную выносливость, а, напротив, слушая, склонив набок свою коротко стриженную седую голову, обстоятельный

доклад мичмана, все более и более хмурил свои нависшие брови, и его умное старческое лицо искривилось гримасой не то брезгливости, не то презрительного удивления.

Не таков был он сам, маститый адмирал, испытавший немало невзгод за свою строптивость.

И этот семидесятилетний старик, достигнувший власти, которой так сильно желал и в значении которой уже успел разочароваться, взглядывая на оскорбленного мичмана, невольно вспомнил далекую молодость, когда он был таким же юным мичманом в николаевское время, вспомнил, как его чуть не разжаловали в матросы за дерзость, сказанную на шканцах капитану в ответ на оскорбительную грубость. В его время к "тетушкам" во флоте не обращались, нет!.. В голове старого адмирала пронеслось воспоминание и об этом серьезном столкновении его, наделавшем шума во флоте, с всесильным в те времена морским министром... Он был тогда уж контр-адмиралом и начальником штаба главного командира кронштадтского порта, когда позволил себе, возмущенный несправедливыми обвинениями министра, резко и страстно отвечать ему, сам обвиняя его, на мостике парохода, в присутствии высокопоставленных пассажиров... За эту выходку он принужден был на время покинуть флот... Да, он был не таков.

Мичман Веретьев, ожидавший, по-видимому, похвалы за свою, как он называл, "служебную корректность" по отношению к капитану, был удивленно смущен. Нахмуренное лицо адмирала не предвещало одобрения.

И когда мичман окончил свой доклад, адмирал все с тою же гримасой на лице проговорил суровым тоном:

- Если вас оскорблял капитан, вы должны были, по крайней мере, подать рапорт по начальству... Делу дали бы законный ход. А то вы целый год изволили молчать, а теперь жалуетесь разным тетушкам... Так не поступают во флоте... Не должны поступать-с! - строго прибавил старик. - У офицера есть начальство, а не тетушки... Ваш образ действий похвалить не могу...

И, точно вспомнив что-то, адмирал продолжал, несколько смягчая тон:

- Приписываю все это вашей молодости и надеюсь, что впредь вы будете действовать иначе... И помните, что хороший офицер сам должен ограждать себя от оскорблений... исправной службой, - прибавил дипломатически адмирал. Понимаете?

- Понимаю-с, ваше высокопревосходительство!

"Ничего ты не понимаешь и не поймешь!" - говорил, казалось, взгляд старика, снова остановившийся на этом почтительно и глупо улыбающемся лице мичмана с телячьими глазами.

- Граф Варфоломей Петрович вам родня? - спросил он, отводя взгляд.

- Дядя, ваше высокопревосходительство! - весело и точно чувствуя себя значительно поднятым в глазах адмирала, отвечал молодой человек.

- Можете идти! - резко промолвил адмирал.

Когда, вслед за уходом мичмана, в кабинет вошел с докладом помощник начальника штаба, скромный на вид, с энергичным лицом, пожилой контр-адмирал из хороших моряков прежней школы, пользовавшийся расположением и доверием своего начальника, с которым когда-то плавал, - старик, пожимая вошедшему руку, с живостью проговорил:

- Сейчас у меня был этот Веретьев, списавшийся с "Грозного". Нечего сказать, терпеливый юноша... Чересчур даже терпеливый... Его Налетов целый год ругал чуть не площадными

словами, а он все кушал! Хорош молодчик, а? Приехал сюда и пожаловался тетушкам, а начальству ни гу-гу... Вы, конечно, слышали, какой шум подняли дамы из-за этого шалопаля?.. По всему видно, лодырь... А вы все-таки с Андреем Оскарычем назначьте его в дальнее плавание... Черт с ним... За него граф Саврасов хлопочет... Нельзя отказать...

- Слушаю, ваше превосходительство.

- Да назначьте этого многотерпеливого юного Иова к кому-нибудь из командиров, который не ругается, как извозчик. А то опять выйдет история... Есть у нас такие? - усмехнулся старик.

- Есть, - улыбнулся в ответ и контр-адмирал.

- А этот хлыщ, господин Налетов, кажется, желает нарваться на пощечину? И нарвется. Не все же такие, как Веретьев. Дождется, что дадут ему в рожу... Не в первый раз я слышу, что он заносчив и груб с офицерами и бьет матросов. И офицеры дерутся. И что вы тут подделаете с этими современными нравами? Кажется, ведь неглупый человек этот Налетов и пролаз, каких мало, а ведет себя, как дурак... Воображает, что в самом деле звезда флота... Не хочу и не имею права я поднимать историю, тем более, что официально на него жалоб нет, но я напишу Тыркову, чтобы сделал ему строгий выговор и предупредил его, что об его подвигах мне известно. Верно одумается. Сообразит, что и я что-нибудь да значу... Он ведь умная бестия! - ворчливо говорил старик и вдруг с сердцем воскликнул:

- И вообще черт знает, какие у нас творятся безобразия. Много еще надо чистить наши конюшни! Не правда ли, Петр Петрович?

- Нужно, ваше высокопревосходительство.

Старик помолчал и заметил:

- То-то нужно... Вижу, что нужно... Вижу, что и молодые наши моряки подгуляли, совсем мало плавают, вижу, что и хваленый ценз не достигает цели, что мало у нас настоящих капитанов. И мичмана больше на тетушек надеются... И строим-то мы суда иногда наобум... А главное: морской дух исчезает, тот дух, что был в наше время, когда мы плавали, а не стояли на рейдах... Все это я вижу и, несмотря на свою власть...

Вместо окончания, старый адмирал как-то беспомощно развел руками, и на его лице появилась грустная усмешка.

И, словно бы отвечая на давно занимавшие его мысли и в то же время оправдывая себя, он проговорил:

- Да, батюшка Петр Петрович, когда у меня были и силы, и энергия, и способность много работать, я был не нужен, а когда у одряхлевшей белки зубов нет, ей дали орехи... Ну-ка, давайте ваши бумаги, Петр Петрович! - оборвал старик с кислой гримасой.

XV

Утром в день смотра на флагманском броненосце были подняты позывные "Грозного" и сигнал: "развести пары".

- Что это, адмирал в море будет смотр делать? - спрашивали друг у друга недоумевающие офицеры, собравшиеся в кают-компании.

- Должно быть, что так! - отвечал старший офицер, недовольный, что дым загадит, пожалуй, только что выкрашенные борты...

- А уголь у нас есть? - спрашивали у старшего механика.

- На день хватит...

- Выйдем в море, он, верно, велит паруса поставить... Адмирал Тырков парусник, - заметил ревизор, почему-то взволнованный предстоящим смотром. - Я у него служил на "Могучем". Не любил он ходить под парами.

- Говорят, Тырков славный моряк и человек безукоризненный, - вставил Скворцов.

- Командир он был хороший, это я знаю, а до безукоризненности его я не доискивался. Свечки не держал! - раздражительно отвечал ревизор, обыкновенно добродушный и веселый.

- Честнейший человек! - промолвил доктор Федор Васильевич. - Я с ним тоже служил и хорошо знаю его.

- А он свирепый, доктор? - спросил кто-то из мичманов.

- По службе требовательный, но не свирепый, не беспокойтесь...

В ожидании адмирала, о котором интересовались все знать, офицеры были не в полной парадной форме, а, по распоряжению адмирала, в обыкновенной, а матросы в чистых белых рубашках, подстриженные, выбритые и повеселевшие. И до них дошли хорошие слухи об адмирале.

Сигнальщик не спустил бинокля с флагманского броненосца.

- Паровой катер с адмиралом отваливает от борта, ваше благородие! проговорил он, обращаясь к вахтенному офицеру.

Вахтенный офицер послал доложить капитану и офицерам, что едет адмирал, и вызвал наверх караул, фалгрёбных и команду.

- Адмирал едет! - пронеслось по всему крейсеру, сверху донизу.

Через минуту все офицеры стояли на правой стороне шканцев по старшинству, имея во главе старшего офицера. На фланге были оба врача, старшин и младший, и батюшка, иеромонах Паисий. Команда выстроилась по обе стороны шкафута, от парадного трапа к баку.

Боцман Алексеев обходил по фронту первой вахты и заискивающим голосом говорил:

- Смотри, ребята, веселей отвечайте, как адмирал поздоровкается. Чтобы, значит, в такту. И глазами провожай...

- Нечего-то юлить. И без тебя знаем! - раздался чей-то голос.

Боцман благоразумно пропустил мимо ушей это замечание и, обойдя ряды, стал на свое место.

Капитан, нервно пощипывавший рыжую бачку рукой в белоснежной перчатке, и вахтенный офицер, оба стоявшие на мостике, смотрели на быстро приближающийся по чуть рябившему рейду паровой катер, на котором сидел адмирал с флаг-капитаном и флаг-офицером.

Прошла еще минута, другая. Катер повернул к борту крейсера, и капитан и Скворцов, бывший на вахте, спустившись с мостика, торопливо прошли к парадному трапу встречать начальника эскадры.

XVI

Когда адмирал, быстро поднявшись, ступил на палубу, караульный офицер в полной парадной форме скомандовал "на караул!" - и сперва Скворцов, а затем командир стали рапортовать о состоянии крейсера "Грозный" и его экипажа.

Выслушав краткие рапорты с приложенными у козырька белой фуражки двумя загорелыми короткими пальцами, адмирал, среди мертвой тишины, царившей на палубе, направился, чуть-чуть горбя, по морской привычке, спину, на шканцы и стал медленно обходить офицеров, фамилии которых называл капитан. Адмирал всем протягивал руку.

Это был худощавый и крепкий, невысокого роста, сутуловатый мужчина, лет за пятьдесят по виду, с серьезным, располагающим лицом, окаймленным сильно заседевшей темной бородой, и с тем спокойно твердым и в то же время добродушным взглядом небольших карих глаз, какой часто бывает у много плававших и испытывавших всякие опасности моряков. Он был одет не щегольски, но опрятно: в поношенном сюртуке, с крестом на шее под отложным воротничком безукоризненной сорочки. Ничего важного и повелительного не было в этой скромной на вид, непредставительной фигуре маленького адмирала, но тем не менее сразу чувствовалось, что этот человек твердой воли и характера, с которым шутить нельзя.

- Ревизор, лейтенант Неклюев, - представлял командир.

- Старые знакомые, вместе служили, - промолвил адмирал, не выражая однако ничем особенного удовольствия от этой встречи. - Давно ревизором?

- С начала кампании, ваше превосходительство.

Зато, когда адмирал подошел к старшему судовому врачу, его серьезное лицо внезапно осветилось доброй, приветливой улыбкой, совсем преобразившей несколько строгую физиономию адмирала. Он порывисто и крепко пожал доктору руку и весело, тоном хорошего знакомого, проговорил:

- Что ж это вы не навестили старого сослуживца, Федор Васильевич? Кажется, приятели были? Надеюсь, побываете?

Капитан покосился на доктора. У них были не особенно приятные отношения. Адмирал пошел далее.

Поздоровавшись с караулом и приказав отпустить его, адмирал, сопровождаемый командиром, старшим офицером и своими штабными, прошел по фронту матросов, здороваясь с людьми.

"Го-го-го!" - два раза разнеслось по рейду.

После этого команда была распущена, и заведующие отдельными частями офицеры отправились по своим местам.

Начался адмиральский осмотр крейсера.

Спустившись вниз, он обошел палубы, посетил лазарет, где лежали два больные матроса, был в машине и кочегарной, заглянул в коридор, где проходил вал винта, спускался в трюмы, был в подшхиперской и везде осматривал, не спеша, молча и внимательно опытным зорким взглядом бывшего доки старшего офицера и капитана. Подойдя к камбузу, он велел налить себе из котла щей, отведал щи, мясо и хлеб и продолжал осмотр.

Наконец, осматривать было уже нечего, и адмирал, приостанавливаясь у трапа, проговорил:

- Крейсер в должном порядке...

Капитан слегка покраснел от удовольствия. Старший офицер облегченно вздохнул.

"Начало прошло благополучно. Что-то дальше будет? У него смотр настоящий!" - подумал старший офицер.

Адмирал между тем продолжал, обернувшись к старшему офицеру:

- Видно, что вы заботитесь о своем судне, как следует. Очень приятно в этом убедиться. Очень приятно! - повторил адмирал, поднимаясь на палубу.

Самолюбивый капитан закусил губу с досады, что адмирал непосредственно благодарит старшего офицера, а Андрей Петрович, ошалевший и от суеты этих дней и от комплимента адмирала, далеко не щедрого, как ходила молва, на похвалы, прошептал, обращаясь с сияющим лицом к флаг-капитану:

- Я... что ж... я всегда готов... Слава богу, как белка в колесе... Такая должность... Не правда ли?

Флаг-капитан, молодой капитан второго ранга, взглянул было удивленными глазами на старшего офицера, который обращается к незнакомому и высшему по должности лицу с такими фамильярными излияниями, но тотчас же понял, глядя на это радостное вспотевшее лицо Андрея Петровича, что он, обрадованный, ищет сочувствия, - и вместо того, чтобы смерить старшего офицера холодным взглядом, как собирался, невольно улыбнулся и проговорил:

- Еще бы... Каторжная должность!

И побежал быстрее по трапу, чтобы догнать адмирала.

- Готовы ли пары? - спросил адмирал, поднявшись на мостик и взглянув на часы.

- Как пары? - спросил капитан в машинный телефон и приложил ухо к трубке.

- Готовы! - донесся глухой голос старшего механика из машины.

- Так снимайтесь с якоря. Пройдем немного в море.

- Всех наверх! - приказал капитан Скворцову.

- Свистать всех наверх, с якоря сниматься! - крикнул Скворцов во всю силу своих здоровых легких.

Засвистала дудка, и та же команда повторилась боцманом, нагнувшимся в люк.

Все торопливо выбежали наверх. Старший офицер принял командование "авралом" и звучным своим баритоном, несколько возбужденный присутствием начальства, скомандовал:

- На шпиль. Гребные суда к подъему! Крепить орудия!

Начался "аврал", обычный при съемке с якоря.

Скворцов, находившийся по расписанию во время аврала у бизань-мачты и наблюдавший за подъемом вельбота и катера, по временам взглядывал на адмирала.

Тот, взглянув на часы, как только раздалась команда, вызывающая всех наверх, спокойно и, казалось, равнодушно наблюдал за авралом, стоя на краю мостика. Капитан стоял недалеко от адмирала, взглядывая то вокруг, как идут работы по съемке с якоря, то на лицо адмирала, стараясь прочесть на его лице, доволен он или нет.

Вначале все шло, как по маслу. Работали скоро, не суетясь и без шума. Но, при подъеме баркаса, случился маленький казус, омрачивший великолепие аврала. В гребных таях (веревках, на которых поднимаются гребные суда) что-то "заело", и баркас, приподнятый до половины, дальше не шел.

Капитан со злости готов был, кажется, оборвать свою рыжую бачку - так неистово он ее тербил. Старший офицер глядел с мостика в ту сторону, где произошла заминка, с выражением страдания на лице.

"Зарезали, подлецы, зарезали!" - думал он, тщетно ожидая, что вот-вот баркас покажется над бортом, и на языке его висело крепкое словечко, которым он мог бы облегчить свою истерзанную душу, но присутствие адмирала стесняло его, и он только беспомощно вздохнул. К довершению всего, у места, где поднимался баркас, шел говор, пересыпанный бранью, и до мостика донесся крикливый молодой тенорок мичмана-"дантиста", щегольнувшего импровизацией по части ругательств.

Адмирал поморщился. Капитан принялся рвать другую бачку и злобно прошептал старшему офицеру:

- Андрей Петрович... Полюбуйтесь! Баркас... Где баркас?

Но старший офицер уже стремглав летел к месту, где поднимали баркас.

- У-У-У... подлецы... дьяволы! - стиснув зубы, прошептал он. - Павел Николаевич! Что вы со мной сделали? - проговорил он голосом, полным отчаяния, обращаясь к мичману, наблюдавшему за подъемом баркаса, и глядя на него взглядом, полным ненависти и упрека.

- Тали неверно заложили эти подлецы...

- Что же вы смотрели? Эх... А еще морской офицер?.. И ругаетесь на весь крейсер вместо того, чтобы дело делать, - говорил он, приказывая в то же время немедленно травить тали, спустить снова баркас на воду и переложить тали.

Когда все это было сделано, и баркас был поднят, старший офицер снова взглянул сердитыми глазами на мичмана и побежал на мостик... Сконфуженный, он робко и виновато взглядывал на адмирала, по-прежнему молчаливо стоявшего на своем месте.

- Что было? Отчего баркас не шел? - спрашивал тихо капитан.

- Тали... Мичман не доглядел... - отрывисто и сердито отвечал старший офицер, досадуя, что еще эта "собака" пристаёт с расспросами, когда и без того у него кошки на сердце, и с каким-то озлоблением крикнул:

- Как якорь?

- Десять сажен! - отвечали с бака.

Между тем мичман-"дантист", получивший разнос от старшего офицера и не посмотревший, что второпях двое матросов, остававшихся на баркасе, неверно заложили тали, набросился на виновных с загоревшимися злостью круглыми глазами, как у молодого ястребка... Он отозвал этих двух матросов, смущенных от сознания своей вины, на другую сторону крейсера, чтобы адмирал не мог ничего увидеть, и со злостью стал тыкать то одного, то другого матроса кулаком по их лицам с жмурившимися глазами при каждом ударе.

Адмирал, заметивший, как молодой офицер с злым лицом поманил матросов, в ту же минуту перешел на другую сторону мостика и увидал сцену.

- Аркадий Дмитрич, - проговорил он своим тихим, отчетливым, слегка дрогнувшим голосом, с нахмурившимся лицом, - это что за безобразие у вас? Офицеры дерутся, не стесняясь даже присутствием адмирала!.. Это что же, на крейсере в обычае?

Капитан молчал.

- Прошу посадить этого мичмана... Как его фамилия?

- Иртеньев, ваше превосходительство.

- ...Мичмана Иртеньева под арест на трое суток после смотра и предупредить, что, если что-нибудь подобное повторится, я отдам его под суд... И каждого офицера, кто бы он ни был!
- подчеркнул адмирал.

- Слушаю-с, - отвечал капитан и, весь вспыхнув, отошел.

- Панер*! - крикнули с бака.

* Панер - значит: якорь отделился от дна (Прим. автора.)

- Тихий ход вперед! - проговорил капитан в машинный телефон. - Право на борт!

Крейсер медленно стал поворачиваться на узком пространстве рейда, где стояло несколько судов на пути, и капитан был видимо озабочен, как бы благополучно выйти, не осрамившись перед этим "привязчивым" адмиралом, черт бы его унес скорей с "Грозного"!

"Небойсь, особенной карьеры не сделает, хоть и завзятый моряк! Сдадут года через четыре в архив!" - иронически подумал Налетов, тревожно смеривая глазом циркуляцию, которую должен описать громадный крейсер.

Несмотря на наружное спокойствие адмирала, и у него дрогнуло сердце, когда крейсер, поворачиваясь между двумя судами, казалось, вот-вот навалит на маленький французский авизо. Расстояние между носом крейсера и носом французского судна делалось все меньше и меньше. По счастью, на "французе" догадались потравить канат, и авизо подался назад, но все-таки...

И адмирал, в котором заговорил лихой моряк, входивший бывало под парусами и не на такие тесные рейды, едва удержался, чтоб не крикнуть рулевым: "право, больше право!" Но, не желая конфузить капитана и вмешиваться в его распоряжения до последнего момента, он нервно и торопливо приблизился к нему, чтоб передать это приказание.

Но в ту же секунду капитан сам крикнул рулевым, и "Грозный" благополучно прошел под носом "француза". А капитан нагло взглянул на адмирала, словно бы понимая, зачем он подошел, и словно бы говоря этим взглядом, что и он умеет управлять судном не хуже его.

Через четверть часа крейсер уже шел полным ходом в открытое море.

Ветер был легкий, брамсельный.

Адмирал приказал остановить машину, поставить все паруса и лечь в бейдевинд.

- Марсовые к вантам! По марсам и салингам! - командовал старший офицер, надеясь, что постановка парусов загладит "позорную" съемку с якоря.

И, когда марсовые довольно бойко добежали до марсов, радуя его сердце, весело крикнул:

- По реям!..

Адмирал поглядывал вверх, как разбежались по реям матросы и стали развязывать закрепленные марсели.

- Отдавай. Грот и фок садить. Кливера поставить! Пошел брасы!

Весь этот маневр постановки парусов был выполнен недурно. Не прошло и пяти минут, как крейсер с обрасопленными реями сверху и донизу покрылся парусами и, словно гигантская птица с белоснежными крыльями, чуть-чуть накренившись, тихо пошел, подгоняемый легким ветерком.

На серьезном лице адмирала скользнула улыбка одобрения. "Недурно", казалось, говорила она.

И он сказал, обращаясь к капитану, но нарочно громко, чтобы слышал старший офицер:

- Паруса поставлены недурно.

И сам в эту минуту вспомнил, как у него, бывало, на "Могучем" лихо ставили паруса. И не в пять минут, а в три. Ну, да то было прежде. А теперь и за это нужно хвалить.

- Ну-с, теперь попросите мичмана Иртеньева сделать поворот оверштаг.

Позвали мичмана-дантиста на мостик, и капитан приказал ему делать поворот.

Никак не ожидавший такого экзамена и к тому же не твердо знавший, как командовать, он сконфузился и нерешительным, дрожащим голосом крикнул:

- По местам стоять. К повороту!

Но затем сбивался и путал командные слова так, что старший офицер должен был ему подсказывать.

Когда поворот был окончен, адмирал подозвал мичмана к себе и сказал:

- Бить матросов вы выучились, а сделать поворота не выучились. Стыдно, господин Иртеньев.

И, когда сконфуженный мичман ушел, адмирал велел вызвать другого мичмана. У этого дело пошло лучше, но все-таки неважно. И еще двое мичманов видимо плохо умели командовать.

- Не мешало бы практиковать молодых офицеров, Они у вас ничего не знают! заметил адмирал капитану и приказал менять марселя.

"Ох", - вздохнул старший офицер, снова командуя авралом и не надеясь, что эта работа будет сделана хорошо, так как на парусных ученьях у них никогда не меняли марселей, хотя он и не раз предлагал об этом капитану.

И действительно, вышла путаница и большая заминка. Видно было, что люди плохо знали, что им делать. Прошло с добрых двадцать пять минут, пока, наконец, не переменили марселей.

И опять адмирал сказал капитану:

- Кажется, у вас никогда не меняли марселей?

- Не меняли.

- Это и видно. Потрудитесь обратить больше внимания на парусные ученья. Нынче ими пренебрегают, а они необходимы.

После часового отдыха команде, снова все были вызваны наверх и опять начались разные учения. Пробили пожарную тревогу, потом опускали мину и, наконец, пробили боевую тревогу и сделали артиллерийское ученье.

Адмирал все внимательно наблюдал, задавал вопросы комендорам и молодым офицерам и все время держал капитана в озлобленно-нервном напряжении. Капитан и сам видел да и читал на лице адмирала - очень много прорех в своем командовании. Да и не ожидал он, признаться, такого смотра. То ли дело прежний начальник эскадры! В полчаса смотр окончит, а этот...

Наконец, в пятом часу вечера крейсер вернулся в Пирей и стал на якорь. "Слава богу, все кончено теперь!" - радостно думал капитан, не догадываясь, что самое нерадостное для него еще впереди.

- Команду во фронт! - скомандовал старший офицер.

Все матросы выстроились наверху, и офицеров попросили удалиться, как обыкновенно делается при опросе претензий.

Адмирал, в сопровождении флаг-капитана, приблизился к фронту и, став посередине, спросил:

- Есть ли у кого претензии? У кого есть, выходи.

Во фронте царило гробовое молчание. Никто не выходил.

- Ни у кого нет претензий? - довольным голосом повторил адмирал.

Но в эту самую минуту с конца фронта вышел матрос и направился к адмиралу. Он остановился, не доходя шагов десяти до адмирала, и взволнованным голосом произнес:

- У меня есть претензия, ваше превосходительство!

- В чем она? - спросил, хмурясь, адмирал.

- Беззаконно наказан пятьюдесятью ударами розог по приказанию капитана, не бывши в разряде штрафованных, - говорил молодой, совсем побледневший матрос, глядя прямо в лицо адмирала.

- А теперь ты штрафованный?

- Точно так, ваше превосходительство.

- Как твоя фамилия?

- Чижов, ваше превосходительство.

- Хорошо. Я разберу твое дело. Ступай.

- Дозвольте перевестись на другое судно, ваше превосходительство!

- Посмотрю... Больше ни у кого нет претензий, ребята?

Никто больше не выходил.

- Что, пришел за мной катер? - спросил адмирал, возвращаясь назад, у вахтенного офицера.
- У борта, ваше превосходительство.
- Попросите капитана и господ офицеров.
- Есть!

Снова вызвали караул и фалгребных. Только что разошедшиеся матросы опять были поставлены во фронт, и офицеры выстроились на шканцах.

Адмирал отвел капитана в сторону и тихо проговорил:

- К крайнему моему сожалению, на вас, Аркадий Дмитрич, заявлена претензия, и я, по долгу службы, должен дать ей законный ход и сообщить высшему начальству.

- Какая претензия, ваше превосходительство?

- Матрос Чижов заявил, что вы его приказали наказать розгами, не имея на то по закону права. Он не был тогда штрафованным. Это правда?

- Совершенная правда, ваше превосходительство... Но этот Чижов такая каналья...

Адмирал двинулся и, направляясь к офицерам и снова останавливаясь, продолжал:

- О сегодняшнем смотре я отдам подробный приказ по эскадре. Крейсер вообще в должном порядке, за что считаю приятной обязанностью благодарить вас и старшего офицера, - обратился адмирал к Андрею Петровичу. - Но парусное обучение слабо и многое требует настойчивого внимания. Надеюсь также, что собственноручная расправа, которую позволил себе мичман Иртеньев, единичное явление и впредь ничего подобного не повторится... Надеюсь, господа! обратился адмирал к офицерам и сделал общий поклон. - До свидания.

Адмирал прошел по фронту и благодарил команду за усердную работу.

- Рады стараться, ваше превосходительство! - гаркнули в ответ матросы.

Адмирал пожал руку капитану и старшему офицеру и спустился в катер, приказав немедленно отослать матроса Чижова на "Гремящий".

Почти все офицеры облегченно вздохнули, когда адмирал уехал.

- Ну, и пила этот адмирал! Тоже новые порядки заводит... А капитану-то как попало!.. - говорили в кают-компании сконфуженные мичмана.

- И под суд попадет!.. - заметил весело Скворцов.

- Это за Чижова-то? Дудки! И не такие претензии бывали и - ничего себе... Сделают разве замечание - вот и всего! - проговорил ревизор. - И, наконец, у нашего капитана связи... А Тырков - педант и формалист... Это тоже все знают.

К вечеру половина офицеров уехала в Афины. А капитан долго сидел у себя в каюте и писал в Петербург письма, которые, он надеялся, парализуют сообщение адмирала.

Не обратят же в самом деле серьезного внимания на то, что он выпорол мерзавца-матроса, не догадавшись прежде перевести его в разряд штрафованных.

- Шалишь, адмирал. Как бы тебя самого не убрали! - злобно прошептал капитан...

В это воскресенье, за день до ухода эскадры из Кронштадта в Транзунд, Иван Иванович уехал к себе на корабль в первом часу, тотчас после завтрака, хотя раньше и предполагал, по случаю воскресенья, провести весь день на даче. Но ему казалось, что его присутствие должно стеснять Ниночку и что ей лучше в такие минуты оставаться одной. Все эти дни бедный Иван Иванович находился в тревожном и угнетенном состоянии, болея душой за любимое существо и тщательно скрывая свою тревогу. Он, разумеется, и вида не подавал, что знает об ее любви к Скворцову и знает, зачем ей вчера понадобилось съездить в Петербург. Все это время он с особенной бережностью относился к жене и говорил с ней с той осторожной, даже боязливой ласковостью, с какой говорят с дорогими больными, которых боятся раздражить каким-нибудь неуместным словом. И только незаметно, украдкой взглядывал на жену своими добрыми и грустными маленькими глазками.

Но в присутствии мужа Нина Марковна была, казалось, спокойна. Ничто не выдавало ее горя. По-прежнему она приветливо улыбалась мужу и даже раз чему-то засмеялась. Только глаза ее как будто были красны и несколько ввалились, что придавало ее хорошенькому личику вид томности.

"Бедняжка! Она притворяется спокойной, чтобы не выдать себя. Ей не хочется огорчить меня. Скрывать горе еще тяжелей!" - думал старик и решил, что лучше ему уехать, оставив ее одну.

"По крайней мере, вволю наплачется, голубушка!"

И за завтраком, любуясь своей хорошенькой Ниночкой ("Вот-то безумец Скворцов!"), он объявил ей, что должен ехать на эскадру.

- Зачем? Ты ведь хотел остаться до вечера! - проговорила Нина Марковна.

- То-то забыл, Ниночка, что дело есть... Совсем забыл, родная. Уж ты извини. Очень хотелось бы мне побыть с тобой, а нельзя.

- Когда же ты приедешь?

- Завтра вечером в последний раз перед уходом. Во вторник мы снимемся с якоря и идем в Транзунд.

- Так скоро? И я не увижу тебя целых два месяца? - проронила адмиральша грустным голосом, даря адмирала нежным взглядом.

- Что делать, Ниночка! - проговорил адмирал и, глубоко вздохнув, смущенно отвел свои глаза, точно боясь выдать свою скорбь и признаться, как тяжела будет для него эта двухмесячная разлука.

Ел Иван Иванович сегодня без обычного своего аппетита и вид имел какой-то расстроенный и смущенный. Нина Марковна это заметила и спросила:

- Ты ничего не ешь? Не нравится ростбиф? Не хороша цветная капуста?

- И ростбиф отличный, и цветная капуста превосходная, Ниночка...

- Так кушай...

- Что-то не хочется...

Нина Марковна остановила взгляд на муже. Глаза ее быстро и холодно оглядели это

некрасивое, красное, широкое лицо, эту толстую, короткую, в складках шею, эту тучную фигуру, точно с трудом дышавшую, эти короткие, крупные, покрытые волосами пальцы, и она вспомнила о своем красавце Нике. Ей казалось, что несчастнее ее женщины нет в мире. И внезапно в голове ее пронеслась дикая, испугавшая ее мысль, заставившая ее вздрогнуть, точно от холода.

Она подумала: "Если бы умер Иван Иванович (при его тучности легко умереть от удара), она вышла бы замуж за Нику и была бы счастлива, а теперь"...

Но в следующее же мгновение молодая женщина ужаснулась этой мысли. Желать смерти, и кому? Доброму, безгранично любящему "Ванечке", который балует и лелеет ее и всегда так ласков, деликатен и доверчив? Господи! Какие ужасные мысли могут приходить в голову!

Охваченная чувством стыда, раскаяния и жалости, она с особенною нежною заботливостью спросила мужа:

- Ты, верно, нездоров, Ванечка?

Маленькие, заплывшие глазки адмирала светились выражением бесконечной любви и нежности, когда он их поднял на Нину Марковну и встретил ее тревожный взгляд.

"Жалеет меня. Заботится о моем здоровье вместо того, чтобы ненавидеть. Добрая, голубушка!" - благодарно подумал умилившийся старик и, стараясь казаться спокойным, промолвил:

- Я здоров, Ниночка. Совсем здоров, родная, - что мне делается! Ты только не захвори на даче...

И Иван Иванович, уже несколько дней занятый мыслями о том, как бы рассеять свою Ниночку, чтобы смягчить остроту горя первого времени разлуки с любимым человеком, и решивший, что лучше всего ей куда-нибудь уехать, - издали повел речь о подлейшем петербургском лете ("Сегодня вот жарко, а завтра собачий холод!") и об этих "легкомысленных" дачах, в которых легко схватить ревматизм, и после долгого предисловия, наконец, сказал:

- Знаешь ли, Ниночка, что я придумал?

- Что? - спросила Нина Марковна, не понимавшая, к чему это Ванечка, разразился против петербургского лета и дач.

- Не хочешь ли куда-нибудь прокатиться, а?

- Куда прокатиться? - воскликнула адмиральша, удивленная этим неожиданным предложением.

- Мало ли мест, где лето хорошее. Куда хочешь, Ниночка... В Крым или на Кавказ, а то к сестре в Малороссию.

- С чего это тебе пришло в голову меня посылать? - спросила, пожимая плечами, Нина Марковна.

- Да так, пришло в голову, и шабаш! - с обычным своим простодушием отвечал Иван Иванович. - Здесь разве лето?.. Так, дрянь какая-то... И, наконец, ты, пожалуй, одна соскучишься...

- Отчего ты думаешь, что я непременно должна скучать? - с пылкой настойчивостью и скрытой тревогой допрашивала адмиральша и пристально посмотрела в глаза мужа.

Но Иван Иванович храбро выдержал взгляд и, усмехнувшись, заметил:

- Отчего люди скучают?.. Ты одна, никого близких... Я в море... Здесь однообразие... И вообще.

Он не знал, что дальше сказать, и прибавил:

- И вообще путешествие вещь приятная, Ниночка... Не правда ли?

- Не спорю, что приятная, но разве не безумие бросать дачу, за которую заплачено четыреста рублей, и тратить деньги на поездку?.. Положим, без тебя мне будет скучнее, но не в первый же раз мы расстаемся.

И адмиральша, поблагодарив мужа за предложение, решительно отказалась, по крайней мере теперь, куда-нибудь ехать. Она совершенно здорова и постарается не скучать без Ванечки. Она приедет на несколько дней повидаться с ним в Ревель, когда туда придет эскадра. Ведь он даст ей телеграмму? И в Транзунд приедет раз, если можно. И почему ему кажется, что дача сырая? Дача отличная. Не первый же год они живут на этой даче. И знакомые здесь есть: мадам Свербицкая, баронесса Курц... Она будет купаться, гулять, читать, варить варенье.

- Нет, в самом деле, объясни мне, Ванечка, отчего это ты вдруг вообразил, что я непременно должна скучать здесь и что мне надо куда-нибудь ехать?.. Это любопытно! - прибавила Нина Марковна с каким-то нервным ненатуральным смехом.

С языка ее готов был сорваться вызывающий вопрос:

- Уж не думаешь ли ты, что отъезд Скворцова меня так огорчил?

И вслед за тем она расхохоталась в глаза Ванечке. Как он мог предположить такой вздор. Она была дружна со Скворцовым, но чтобы...

Что-то однако удержало адмиральшу от этой комедии.

А Иван Иванович уже испугался, что, пожалуй, раздражил "бедную Ниночку", и виновато проговорил, пощипывая свою бороду.

- А ты не сердись, Ниночка. Ну, пришла, знаешь ли, глупая идея, что ты и захвораешь, и соскучишься, я и того... сказал тебе. И, в самом деле, зачем тебе ехать в Крым или на Кавказ... Признаться, я рад, что ты не поедешь. По крайней мере, увижу тебя летом... Надеюсь, хоть изредка и весточки о себе будешь давать...

- Еще бы, я буду тебе писать раз в неделю аккуратно.

- Вот и отлично!

- А если надоест быть одной, я приглашу к себе погостить Ваву.

- Вместе и на эскадру соберитесь. А уж как мы вас встретим, двух красавиц! - шутил адмирал.

Эта "Вава" была кузина адмиральши, цветущая, полная, миловидная и кокетливая вдовушка лет тридцати, с которой Нина Марковна была прежде очень дружна и часто с ней виделась. Но в последнее время между ними пробежала кошка. Адмиральша ревновала к ней Нику и перестала звать ее к себе.

- Однако, пора! - проговорил адмирал, поднимаясь из-за стола и взглядывая на часы.

Пришли доложить, что лошадь готова.

- Ну, прощай, Ниночка.

И адмирал почтительно и нежно поцеловал женину ручку, потом, по обыкновению, перекрестил жену три раза и уехал, хотя ему так хотелось провести день около Ниночки.

Адмиральша тотчас же ушла в кабинет и стала писать Скворцову.

Это первое, после разлуки, письмо на нескольких листках изящной почтовой бумаги, от которой шел тонкий запах духов, написанное порывисто и страстно за один присест, с многочисленными восклицательными знаками и орфографическими ошибками, говорило в несколько приподнятом тоне о любви, о тоске, о первой бессонной ночи (хотя адмиральша и спала эту ночь), во время которой дорогой образ Ники не покидал ее ни на минуту. Может ли он любить ее так сильно и ценит ли он ее любовь? Она вспоминала последнее их свидание наедине, заочно целовала его "милые глаза" и опять спрашивала, любит ли он свою Нину. "О, Ника, не забывай, что я для тебя всем пожертвовала и в первую минуту отчаяния готова была умереть", - писала, между прочим, Нина Марковна, почти уверенная в эту минуту, что валерьян мог лишить ее жизни. Письмо было смочено слезами.

Окончив свое послание, Нина Марковна вложила его в красивый из толстой бумаги конверт и задумалась, печально склонив свою хорошенькую головку.

Она думала о своем положении, о Нике, о Ванечке. Целый год одиночества и тоски. Целый длинный год не видать милого Ники и скрывать свою тоску, ради мужа. Трагическое положение! И ей казалось, что судьба к ней безжалостна и что она бесконечно несчастна. Она жалела себя, воображая, что она героиня-старадалица, жертвующая собой ради долга, и слезы снова текли по ее щекам.

Из открытого окна веяло ароматом цветов на террасе.

Кругом была тишина. "Как бы счастливо провели они лето с Никой вдвоем!"

И в воображении Нины Марковны проносились воспоминания о недавнем счастье, об этих свиданиях, об этих безумных, горячих ласках красавца Ники. И глаза ее загорались блеском, и пышные губы полураскрывались, точно для поцелуя...

Нет, она не может жить без Ники!..

В голове ее блеснула радостная мысль, и на лице появилась улыбка... Она воспользуется предложением Ванечки, конечно, не теперь - это было бы совсем неприлично - а осенью или зимой... Она поедет за границу. То-то обрадуется Ника, если она неожиданно, сюрпризом, приедет в Ниццу и вызовет его телеграммой... А, может быть, их крейсер будет где-нибудь долго стоять, она поселится вблизи, и они будут часто видеться.

Адмиральша замечталась об этом... Она не напишет ни слова о своем намерении Нике... ни за что. Пусть радость его будет неожиданная.

Повеселевшая, она сама пошла бросить письмо в ящик и, вернувшись, уселась на террасе с романом Поля Бурже в руках.

- лейтенант Неглинный! - доложил вестовой из матросов Егор, одетый в черную пару.

- Просите сюда, - сказала адмиральша, оправляя прическу.

XVIII

Осторожно ступая своими длинными неуклюжими ногами и щуря близорукие голубые глаза, Неглинный, обещавший другу навещать адмиральшу, нерешительно и робко вошел на террасу и, отвешивая низкие поклоны, приблизился к адмиральше.

Нина Марковна знала, что этот "милый и смешной бука", как она шутя прозвала Неглинного, был преданным другом Ники, и, вероятно, вследствие того, тотчас же приняла сдержанно грустный и томный вид женщины с затаенным горем на душе, которое она должна скрывать от людей... Пусть Ника и от друга узнает, как она горюет.

Слегка кокетничая своим положением страдальцы, она с кроткой, приветливой и в то же время полугрустной улыбкой, которая очень шла к ней, промолвила тихим, ласковым голосом:

- Очень рада, что задумали навестить отшельницу. Это по-христиански. Спасибо вам, Василий Николаевич.

И, отложив в сторону маленький желтый томик французского романа, дружески протянула руку, значительно обнаженную из-под короткого полупрозрачного рукава.

Неглинный, в качестве большой "фефелы", был тронут и умилен видом этой "тихой скорби", воплощенной в образе очаровательной женщины, которую он прежде видел всегда живой, бойкой и веселой.

"Бедная! Как она изменилась!"

И словно бы боясь сделать больно этой маленькой, нежной, холеной ручке, блестящей кольцами, он как-то особенно бережно и почтительно пожал ее в ответ на крепкое, по-английски, пожатие адмиральши и, смущенно и сердито отводя взгляд, нечаянно скользнувший по роскошному бюсту, словно облитому тонкой светлой тканью лифа с большим вырезом у ослепительно белой шеи, - торопливо и взволнованно проговорил, краснея до корней своих рыжих волос:

- Я давно собирался к вам, Нина Марковна, чтобы засвидетельствовать вам и Ивану Ивановичу свое глубочайшее почтение... ("Эка, как длинно и глупо!" пронеслось у него в голове)... Еще до отъезда вашего на дачу, я, собственно говоря, имел это намерение, но, к сожалению, экзамены помешали... Я лишь на днях окончил последний экзамен из астрономии...

"О, дурак! Какое ей дело до моих экзаменов!" - опять подумал Неглинный и, в отваге отчаяния, немилосердно теребя свою фуражку, оборвал свою речь вопросом:

- Как здоровье Ивана Ивановича?

- Ванечка здоров. Он только что уехал на свой корабль и обещал завтра приехать проститься...

- Завтра? - почему-то счел долгом переспросить Неглинный.

- Да. Послезавтра эскадра уходит, и я останусь одна, совершенно одна... Впрочем, мне не привыкать к одиночеству, - как бы мимоходом, вставила адмиральша. - А с вашей стороны очень мило, что вы, наконец, собрались... Очень мило... Садитесь, Василий Николаевич, снимайте свой кортик и кладите фуражку... Ведь вы, конечно, обедаете со мной? Надеюсь? - прибавила приветливо Нина Марковна.

Застенчивый вообще с женщинами и в особенности с теми, которые ему нравились, Неглинный обрадовался приглашению и в то же время малодушно трусил возможности остаться вдвоем с Ниной Марковной. А как ему хотелось побыть подольше около этой

"страдалицы" и хоть своим присутствием несколько отвлечь ее от тяжелых дум ("Какой, однако, болван и бездушный эгоист Скворцов!"). Но разве он способен на это, дубина? О чем он будет говорить с ней в течение нескольких часов? Нельзя же сидеть в гостях, как пень, и хлопать глазами. Он только наведет на нее скуку, если останется! Еще если бы был дома адмирал, ну тогда...

И, проклиная в душе свою "подлюку" застенчивость, он проговорил:

- Я несказанно благодарен за ваше любезное предложение, Нина Марковна, но дело в том, что я, видите ли, рассчитывал...

- И не думайте отказываться, - перебила адмиральша, заметившая колебания своего гостя и знавшая его застенчивость. - Разве приезжают на дачу на четверть часа? Давайте-ка мне вашу фуражку и кортик.

Застенчиво и покорно, стараясь скрыть радостное волнение, Неглинный подал фуражку и кортик вместо того, чтобы самому положить их. Он спохватился о своей неловкости, когда уже адмиральша положила вещи на стол, и порывисто опустился на кресло против Нины Марковны.

- Теперь вы у меня в плену, Василий Николаевич... После обеда мы пойдем гулять, а затем я вас отпущу, если уж вы очень соскучитесь. Видите, какая я эгоистка с добрыми знакомыми! - прибавила адмиральша с очаровательной улыбкой, открывавшей ряд мелких жемчужных зубов, из которых, впрочем, пять было вставных.

"Обработка" Неглинного уже началась, помимо желания молодой женщины. Подавленный ее ласковым приемом, полный восторженного сочувствия к ее положению и восхищенный ее красотой, напомнившей ему вдруг неземную красоту "мадонны", - молодой, долговязый блондин решительно не знал, что ему ответить, и только благодарно и глупо улыбался и лицом, и глазами, и неистово крутил свой рыжий вихор тонкими длинными пальцами, точно в нем он хотел найти дар слова.

В его мягкой и нежной душе внезапно исчезло то чувство грустного разочарования и снисходительной жалости, которое заочно питал он к адмиральше, узнав об ее связи со Скворцовым, как к женщине, оскорбившей его идеальные верования в ее чистоту и добродетель. И он, напротив, считал себя теперь безмерно виноватым за то, что осмелился обвинять ее так поспешно, не взвесивши всех обстоятельств ("а еще математик"), и проникся к адмиральше восторженно-благоговейным чувством, окружив ее маленькую, изящную и подавленную горем фигурку ореолом незаслуженного несчастья и безвинного страдания. Бедная страдалица! Какая драма в ее сердце, навеки разбитом! Она и не знает, что Скворцов ее не любит... болван эдакий!

Не могла же она, молодая, цветущая и прекрасная, любить своего мужа, этого доброго, симпатичного Ивана Ивановича, невольного погубившего ее жизнь. Он слишком стар, и любовь к нему невозможна... противна природе. Чем же виновата она, что полюбила Скворцова, и как еще полюбила... Но сколько перенесла она мук из-за этого и как должна страдать, бедная!

- А я вот читала "Les Mensonges" Поля Бурже, - продолжала Нина Марковна, указывая на книгу крошечным мизинцем, на котором сверкал небольшой бриллиант, - подарок Скворцова.
- Вы знаете эту вещь, Василий Николаевич?

- Читал.

- В переводе? - полюбопытствовала адмиральша, почему-то предполагая, вероятно, по скромному виду Неглинного, что он не должен знать иностранных языков.

- В подлиннике, - отвечал, краснея, молодой академик, основательно знавший три иностранных языка.

- И что же?.. Нравится вам роман?

- Нет, не нравится, - решительно проговорил Неглинный. - И вообще я не люблю Бурже! - прибавил он.

- Не любите? Почему же? - удивленно поднимая на молодого человека глаза, спросила Нина Марковна.

Она сама была большая поклонница этого писателя и нередко в героинях его романов видела себя.

Прежде, чем ответить на этот вопрос, Неглинный, по обыкновению, на несколько мгновений задумался.

Его худощавое, застенчиво покрасневшее, в веснушках лицо, далеко не красивое, но необыкновенно располагающее своим открытым видом, опущенное кудрявой рыжеватой бородкой, с высоким, большим лбом, несколько великоватым носом и добродушными, крупными и сочными губами, полуприкрытыми маленькими усами, - тотчас же сделалась серьезно и строго. И только голубые глаза его, умные и вдумчивые, светились выражением чего-то необыкновенно кроткого, чистого, почти детского.

- Мне кажется, - заговорил он, - автор слишком односторонен и клеветает на женщин, представляя их несравненно испорченнее и лживее, чем они есть... Вот хоть бы эта героиня. Разве возможна такая женщина, которая обманывает сразу трех и принадлежит всем трем? Нет, это невозможно! Это слишком безнравственно! - воскликнул Неглинный, оживляясь.

Его застенчивость почти исчезла, когда он заговорил об отвлеченном предмете. Как все целомудренные молодые люди, неиспорченные слишком близким знакомством с женщинами, идеализировавшие их, он продолжал восторженно и не без красноречия свою защиту, не догадываясь, конечно, что этот дифирамб был суровым обвинительным актом против этой самой, вдохновлявшей его, прелестной "мадонны"-адмиральши, которая за время своего пятнадцатилетнего супружества с Иваном Ивановичем сама бывала в затруднительном положении героинь Бурже. И если адмиральша, как героиня французского романиста, и не принадлежала одновременно троим, то двоим - во всяком случае, причем обманывала и мужа и любовника. Один только Скворцов имел счастье безраздельно пользоваться ее любовью.

Адмиральша, любившая не только "жертвовать всем" ради чувства, но и вести теоретические разговоры о чувствах, особенно с молодыми людьми, слушала Неглинного с снисходительной улыбкой, как слушают наивный ребячий лепет, и когда он окончил и вдруг притих на своем кресле, словно чувствуя себя виноватым, что много говорил, - Нина Марковна покачала головой и медленно промолвила:

- Как посмотрю я, совсем еще вы юнец, Василий Николаич, и вовсе не знаете женского сердца... Верно, вы редко бываете среди дам?

Неглинный смутился.

- Это верно... Я редко бываю... некогда как-то и вообще я не умею с ними разговаривать, но все-таки те женщины, которых я имею честь знать...

- Ангелы? - смеясь, перебила его Нина Марковна.

- Заслуживают глубочайшего уважения! - серьезно и восторженно dokonчил Неглинный и

снова покраснел, опуская глаза.

"Однако, он совсем забавный, этот застенчивый, добрый бука! Верно, влюблен в какую-нибудь юную барышню и считает ее неземным созданием!" - решила адмиральша и не без любопытства взглянула на "забавного" молодого человека.

- Вы чересчур идеализируете нас, милый Василий Николаич, - заговорила она ласковым тоном старшей сестры, дающей наставление, - и это очень невыгодно и для женщин, и для вас...

Неглинный серьезно и вопросительно взглянул на адмиральшу, как взглядывал, бывало, на профессора, когда какое-нибудь положение казалось ему непонятным, и снова торопливо и смущенно отвел в сторону взгляд, любопытно остановившийся на несколько мгновений на этот раз на красивой обнаженной руке молодой женщины, и мысленно обругал себя за это "святотатство" скотом. Еще слава богу, что она не заметила!

- Хоть вы и очень милый и добрый человек, - я ведь кое-что слышала о вас от вашего друга, Николая Алексеича! - но, благодаря своему идеальному представлению о женщинах, наверно, беспощадно осудите ту из них, в которой разочаруетесь... а это так легко!.. Вы не простите ей ошибки, слабости, увлечения... И будете несправедливы, как и большая часть мужчин... А ведь женщину так легко осудить!! - прибавила адмиральша и вздохнула.

"Господи! Неужели она догадывается, что я знаю об ее отношениях к Скворцову, и думает, что я могу ее осудить!"

Эта внезапно блеснувшая мысль повергла Неглинного в ужас и отчаяние.

А ведь он действительно раньше осмелился осуждать ее!

"Ах, зачем я пустился в теоретические рассуждения, осел эдакий!" - подумал он в тоске, не зная, как ему быть теперь. И, необыкновенно деликатный по натуре, Неглинный совсем упал духом.

А Нина Марковна, ничего не подозревавшая и, разумеется, не думавшая, что Ника кому-нибудь расскажет об их отношениях, между тем продолжала:

- Сердце женщины очень сложный инструмент, милый Василий Николаич, и с ним надо обращаться бережно... очень бережно... Вот вы сказали: "неужели бывают такие лживые и безнравственные женщины, как героиня романа Бурже?.." Разумеется, бывают... Я, конечно, не защищаю ее... Она несимпатична, она не возбуждает даже сожаления, эта бездушная эгоистка... Но случается, что и порядочная, честная женщина бывает поставлена в такое положение, что ей приходится обманывать, как это ни тяжело. И какой страдальческий крест несет она за это... А вы, мужчины, не понимая женщины, готовы бросить в нее камнем...

Неглинный горячо протестовал.

Разве он говорил про таких женщин? О, он, хоть и мало знает их, но в состоянии понять, что жизнь создает трагические положения, когда самой чистой, нравственно прекрасной женщине приходится таить что-нибудь на сердце. Осудить подобную женщину-страдальцу - святотатство.

- Ужели вы считаете меня способным на такую... такую низость, Нина Марковна?

Всю эту тираду, и особенно заключительные слова, Неглинный произнес таким восторженно горячим тоном, с такой искренностью и чуть не со слезами на глазах, что Нина Марковна с изумлением взглянула на взволнованного Молодого человека и поспешила его успокоить.

- Отчего вы так волнуетесь? Я верю вам, вполне верю, - ласково промолвила она и заметила, что Неглинный просиял.

- Такие люди, как вы, нынче редкость... Вы слишком большой идеалист и за то вас ждет много разочарований... Что делать! В юности и я была идеалистка, а с годами стала недоверчивее к людям. Да и многие ли так относятся к женщине, как вы?... Многие ли ее понимают? Да, милый Василий Николаич, вы правы, в нашей жизни бывают трагические положения! - как-то загадочно протянула адмиральша и мечтательно-грустно задумалась, склонив чуть-чуть свою голову на руку.

Ей очень хотелось "высказаться" и дать яснее понять другу Ники, что и ее судьба трагична. Многие женщины ведь любят драпироваться в тогу непонятой страдальницы, особенно когда рассчитывают встретить горячее сочувствие. А этот доверчивый и несколько "смешной простофиля", по мнению адмиральши, с его идеализмом и застенчивостью, был таким благодарным слушателем.

И, после минутного молчания, адмиральша, словно бы очнувшись, проговорила:

- Наш разговор напомнил мне грустную историю одной моей хорошей знакомой, даже можно сказать, приятельницы, и я о ней задумалась... В самом деле, ее жизнь не из счастливых... Судите сами, Василий Николаич. Моя приятельница еще молода, ей тридцать лет, полна жизни, недурна собой...

"Прелестна!" - мысленно перебил адмиральшу Неглинный, догадавшийся, о ком идет речь.

- ...Вышла она замуж совсем юной, не испытавши еще настоящего чувства, за превосходного человека, которого она уважала, но не любила... Этот брак *par raison**, конечно, был ошибкой с ее стороны, но не она была в ней виновата... я знаю... Она мне рассказывала...

* Здесь: не по любви (франц.).

Ну, а далее обыкновенная история... Через несколько лет супружества, моя подруга впервые узнала настоящее чувство... Она боролась с ним и не могла побороть его... Она полюбила другого безумно, горячо... Что ей было делать?... Сказать мужу, который боготворит ее, смотрит ей в глаза и живет ею? Разбить жизнь человека, которого она уважает и любит, как верного и доброго друга? На это у нее не хватает решимости, ей жалко его... И, наконец, какое она имеет право?

"О, какая святая женщина!" - снова пронеслось в голове молодого человека, и он, умиленный, продолжал слушать с благоговейным вниманием, взглядывая по временам на грустное лицо рассказчицы с сочувственным восторгом. Она сама, казалось, была растрогана чужой несчастной судьбой, и голос ее, тихий и нежный, звучал скорбными нотками.

Справедливость требует, однако, заметить, что адмиральша, рассказывая эту повесть о своей "бедной подруге", несколько отступила от действительности, вероятно для более сильного художественного впечатления на такого "фефелу", как Неглинный.

Вместо того, чтобы прибавить своей "подруге", как это обыкновенно водится, годик, другой, третий, она, напротив, великодушно сбавила ей целых пять лет, но зато, впрочем, скромно назвала ее "недурной", хотя считала очаровательной. Забыла она также перечислить в хронологическом порядке все ее увлечения и с "пожертвованием всем", и без жертвований, а только с флиртом, которые бывали до того времени, когда она "впервые" полюбила "другого". Кроме того, рассказчица значительно отступила от истины, приписав своей "подруге" и "тяжелую борьбу с чувством" и "страх" разбить жизнь "боготворившего" ее

человека. В действительности - и адмиральша это отлично знала - "подруга" без особенной борьбы обманывала доверчивого мужа, пользуясь его частыми уходами в море.

Впрочем, какая же повесть, да еще рассказанная женщиной тридцати пяти лет, с пылким темпераментом и только что расставшейся с любимым человеком, - бывает без художественных красот!

И Нина Марковна, заметившая, что ее рассказ производит на слушателя потрясающее впечатление, продолжала:

- И бедная моя подруга должна была скрывать свое чувство, казаться веселой, когда грустно, играть комедию, когда на сердце драма... Разве это не ужасно?

- Ужасно! - ответил Неглинный с таким искренним сочувствием и таким подавленным трагическим голосом, точно он сам в эту минуту переживал все перипетии этой драмы.

- Признаюсь, я не могла бы обвинить эту несчастную женщину, несмотря на то, что она и обманывает мужа. Она ведь сама страдает, хотя в обществе и носит маску... А ведь ее многие обвиняют... Про нее бог знает что рассказывают, на нее клеветают...

- Какие-нибудь негодяи! - энергично воскликнул Неглинный, готовый в эту минуту, несмотря на свою кротость, задушить каждого "мерзавца", который осмелился бы сказать что-нибудь дурное об адмиральше.

- Не негодяи, а так называемые порядочные люди из общества и больше всего, разумеется, дамы, которых вы считаете такими ангелами, добрейший Василий Николаич, - с едва заметным раздражением проговорила Нина Марковна.

- Но эта святая женщина, надеюсь, не обращает внимания на эти гнусные сплетни... Она выше этого?

- Еще бы! Слишком было бы много чести для них! - ответила адмиральша с высокомерной, презрительной усмешкой. - Сами осуждающие каковы!

Разговор о порядочных женщинах, часто несущих страдальческий крест и кару несправедливого осуждения, продолжался еще несколько времени. Говорила больше адмиральша, а Неглинный подавал только сочувственные реплики или делал восторженные восклицания. К концу беседы он так был очарован адмиральшей, обладавшей способностью принаравливать к людям и тем легче нравиться им, что пожалей она теперь хотя бы какую-нибудь страдальцу-"подругу", принужденную, по примеру героини Бурже, любить и обманывать троих разом Неглинный, при всей своей суровой добродетели, не имел бы сил осудить ее.

За обедом адмиральша завела давно желанную речь о Нике. С кем же и поговорить о нем, как не с другом, да еще таким преданным!

Она очень просто и, нисколько не смущаясь, как ожидал ее собеседник, смутившийся невольно сам, когда речь зашла о Скворцове, - заметила, что ей очень жаль, что Николай Алексеич так внезапно уехал. Он так часто бывал у них и к нему она и Ванечка так привыкли.

- Ведь вы, вероятно, знаете, что мы были большие друзья с вашим другом. Он такой славный и неиспорченный, этот милый Николай Алексеич... И я, и Ванечка смотрели на него, как на родного, близкого человека. Ванечка его очень любит, - почему-то нашла нужным подчеркнуть адмиральша. - Что ж вы не пьете вина?

И адмиральша любезно сама налила, слегка нагнувшись к Неглинному, красного вина в маленький стаканчик. Молодой человек совсем зарделся и от этого любезного внимания и,

главным образом, от близкого соседства этого благоухающего склонившегося бюста с открытым вырезом, из-под которого тихо колыхалась грудь. И он, никогда не пивший вина, с какой-то отвагой смущения выпил стакан залпом.

Адмиральша снова наполнила стакан.

- О, благодарю вас... Не беспокойтесь, - пролепетал Неглинный, благоразумно не поднимая вверх глаз и только благоговейно любуясь маленькой рукой.

- Это легкое вино... И я даже пью его целую рюмку. - Верно, и вам было жалко расстаться с Николаем Алексеичем!..

Он далеко не чувствовал теперь того сожаления о друге, какое чувствовал еще сегодня утром, но счел долгом сказать, что "очень жалеет".

- И мы с Ванечкой жалеем, что на время лишились доброго, милого знакомого. Целый год его не увидим.

- Два года! - добросовестно поправил Неглинный...

- Как два года? - воскликнула адмиральша. - Николай Алексеич говорил, что уходит на год...

"Ах, обманщик!" - подумал Неглинный и тотчас же поправился:

- Виноват... Два года будет плавать крейсер, а Скворцов, послан, кажется, на год... Да, именно на год! - решительно прибавил он, не желая выдавать друга, и снова залпом дернул стаканчик красного вина.

- Как ни жаль, а мы все-таки порадовались за Николая Алексеича... Молодому офицеру надо плавать...

- Обязательно... Необходимо даже...

"Эдакий болван... уйти от такой мадонны!" - добавил он мысленно...

- Сам-то он, кажется, неохотно пошел в плавание... Или ему хотелось? Как вы думаете. Василий Николаич?..

Застигнутый врасплох этим неожиданным вопросом адмиральши, Неглинный чуть было не брякнул, что "Колинька" очень был рад назначению, но вовремя спохватился, ужаснувшись при мысли, какую бы нанес рану в сердце "страдалицы", если б сказал правду... Она ведь так любит эту неблагодарную и легкомысленную скотину!

И он торопливо сказал:

- Совсем не хотел... Проклинал, что его назначили...

- Но почему его вдруг назначили?.. Кто-нибудь просил за него? выспрашивала подозрительная адмиральша.

"Держи, брат Неглинный, ухо остро!" - подбадривал себя молодой человек и ответил:

- Кому же, собственно говоря, хлопотать за него, если он не хотел уходить... Скворцов говорил, что сам морской министр назначил...

Они еще долго разговаривали о Скворцове. Адмиральша хвалила его ум, доброту и почему-то особенно напирала на его неиспорченность и на его способность быть постоянным в привязанности.

- Вот хоть бы ваша дружба. Сколько лет она продолжается! - прибавила, точно утешая себя, адмиральша...

"Черта с два постоянен... Шабала какая-то всегда был и будет! А она, бедняжка, верит!"

И, несмотря на зарождавшуюся уже ревнивую неприязнь в душе Неглинного, он самоотверженно расхваливал своего друга и даже гораздо более, чем следовало.

Но зато адмиральша так ласково на него глядела и промолвила задушевным тоном, вставая из-за стола:

- Какая редкость такая дружба. Как вы его любите! Надеюсь, что и мы с вами будем приятелями! - прибавила она с дружеской простотой и протянула ему руку.

Неглинный снова бережно и почтительно дотронулся до маленькой ручки, не догадавшись поцеловать ее, и адмиральша как будто бы изумилась, бросив на молодого человека несколько удивленный взгляд.

- Ну, теперь пойдем гулять! Я сейчас приду.

Она через минуту вернулась в какой-то необыкновенной красивой, обшитой кружевами шляпе, в изящной жакетке, в желтых перчатках.

Они вышли за калитку сада и направились в рощу.

- Давайте-ка вашу руку, Василий Николаич. Неглинный неловко и застенчиво подал руку, счастливый, что адмиральша предложила ему быть ее приятелем (смел ли он ожидать такой чести!), и все время держал свою руку неподвижно в сторону и как-то напряженно, боясь каким-нибудь неловким движением коснуться адмиральши. Но скоро он почувствовал близость ее тела, аромат духов, с ужасом заметил, что рука его, во время поворотов лица адмиральши, касается ее груди, и замер от стыда, смущения и страха. Наконец, его положение сделалось настолько мучительным, ему было так совестно, и рука его так задеревенела, что он, наконец, прошептал умоляющим голосом, отнимая свою руку:

- Простите, я совсем не умею водить дам под руку. У меня рука... заболела, - прибавил он, краснея, как рак.

Адмиральша едва заметно усмехнулась и сказала:

- И видно, что вы совсем не дамский кавалер, Василий Николаич.

- Вы меня простите... Я... я, собственно говоря...

- К чему вы извиняетесь?.. Я ведь так... шучу... Мне Николай Алексеич про вас рассказывал, как вы боитесь дам... Это правда?

- Правда...

- И хорошо делаете, - протянула Нина Марковна и задумалась.

Гуляли они недолго. Неглинный остался пить чай и засиделся до десяти часов. Он долго и много философствовал, желая занять адмиральшу, говорил о науке, о своих занятиях, о жизни вообще и неожиданно сорвался с места, взглянув на часы, и стал прощаться.

- Надеюсь, что не в последний раз вы навещаете отшельницу, Василий Николаич? Приезжайте и поскорей - поболтаем, как сегодня!.. Будете писать Николаю Алексеичу, кланяйтесь ему от меня... Спасибо вам, что навели и развлекли в моем одиночестве! -

говорила адмиральша, крепко пожимая Неглинному руку.

Неглинный только молча кланялся, окончательно "втюрившийся".

Возвратившись в свою крошечную комнату на Офицерской, он долго ходил из угла в угол в мечтательно-восторженном состоянии, с просветленным лицом и сияющими, точно устремленными внутрь глазами. Ночь он почти не спал и просидел у открытого окна. Душу его охватила какая-то безотчетная, тихая, приятно ласкающая нервы грусть, и образ маленькой, необыкновенно изящной адмиральши в светлом платье, с задумчивым печальным взглядом, с полуобнаженными красивыми руками и открытой, словно выточенной шеей, стоял перед ним в лучезарном свете, наполняя все существо молодого человека благоговейным восторгом.

XIX

После первого посещения Неглинным адмиральши, образ ее не выходил уже из головы молодого человека. Он думал об адмиральше по целым дням, грезил по ночам, пробовал даже писать стихи, но дальше второй строчки не дошел, и мечтал о том, как бы сделать адмиральшу веселой и счастливой, вознаградив ее за все пережитые ею страдания, причем, разумеется, с самоотверженным бескорыстием устранял свою особу из этих комбинаций счастья, предоставляя себе только радоваться со стороны вместе с Иваном Ивановичем, который должен же понять, что он лишний, и явить великодушие, отказавшись от своих прав в пользу другого.

Неглинного неудержимо тянуло туда, в Ораниенбаум, на эту милую дачку, утонувшую в саду, где одиноко и терпеливо страдала эта "святая" женщина; но, несмотря на ее приглашение навещать ее, он все-таки не решался ехать. Она, быть может, просто из любезности пригласила его, такого неинтересного для нее "застенчивого болвана", а он и обрадовался и явился, как какой-нибудь нахал. Нечего сказать, хорошее она составит о нем мнение.

Ему и хотелось скорей увидеть свою "мадонну", услышать ее мягкий и чарующий голос, и в то же время становилось жутко при мысли, что он вдруг так, ни с того ни с сего, явится и вдруг увидит ее вопросительный взгляд: чего, дескать, ты приехал?

Он крепился целую неделю и, наконец, не выдержал.

- Будь, что будет - еду! - решительно произнес он вслух и стал одеваться.

Одевался он сегодня с особенной тщательностью и без обычной своей рассеянности. Он тщетно старался пригладить непокорный рыжий вихор, повязал новый галстук и, окончив туалет, с грустной задумчивостью поглядел в зеркало на свое, как казалось ему, самое "безобразное" лицо на божьем свете.

- Эка, какой сапог! - обозвал он с невольным вздохом свою физиономию и, выйдя на улицу, взял извозчика и поехал на Балтийский вокзал.

С замиранием сердца, точно в чем-то виноватый и в то же время бесконечно счастливый подъехал он к даче и вместо двугривенного дал извозчику целый полтинник.

- Дома адмиральша? - робко спросил он вестового Егора, когда тот открыл двери после тихого нерешительного звонка.

- Дома, пожалуйста, ваше благородие! - весело и приветливо отвечал ему Егор, протягивая руки, чтобы снять пальто.

- Да, может быть, адмиральша занята? Я, братец, могу приехать в другой раз.

- Нисколько не заняты... Как следует, одемшись, ваше благородие.

- Или вообще не принимает... Так вы доложили бы прежде.

- Не извольте сумлеваться, ваше благородие. Очень даже принимают. Пожалуйста, ваше благородие! - с веселой ободряющей улыбкой, скаля свои белые зубы, говорил молодой чернявый матрос, взглядывая на робеющего лейтенанта не без некоторого недоумения.

И, снявши пальто, прибавил:

- Барыня на балконе... Извольте без опаски идти, ваше благородие. Вас завсегда велено принимать.

"Эка робок! Не то что лейтенант Скворцов. Тот, небось, молодчага; не робел с адмиральшей. Ну, да и этого начисто отполирует адмиральша-то!" - прошептал, усмехнувшись, молодой матрос, оставшись один.

Поздно вечером возвращался Неглинный с дачи и был бесконечно счастлив. Нина Марковна приняла его очень радушно и любезно попеняла, что он не был целую неделю. Какой чудный день провел он с этой умной женщиной, и как он был доволен, что, кажется, несколько развлек ее. По крайней мере она раза два-три улыбнулась и была оживленнее, чем в первое его посещение.

Совсем очарованный ласковым приемом и милым, настойчивым напоминанием "не забывать отшельницы" и приезжать, когда вздумается "поскучать с ней", Неглинный зачастил. Сперва он навещал адмиральшу два раза в неделю, а затем бывал почти ежедневно и даже отложил предполагаемую поездку в Смоленскую губ. к родным, чувствуя, что не в силах добровольно отказаться от счастья видеть адмиральшу.

По обычаю влюбленных, вначале он придумывал различные предлоги своих посещений. То он привозил обещанную книгу, то приезжал за книгой, то объяснял, что был у знакомых в Петергофе (хотя никаких знакомых у него там не было) и воспользовался близостью, чтобы позволить себе зайти на минутку - осведомиться о здоровье Нины Марковны и спросить, не будет ли у нее каких-нибудь поручений в Петербурге. Он с удовольствием исполнит их... Не зайти ли к портнихе... Не привезти ли новые книги?

Адмиральша с едва заметной улыбкой слушала эти порывистые, произносимые несколько взволнованным голосом, объяснения молодого человека и, делая вид, что им верит, ласково, тоном доброй знакомой, журила Василия Николаевича за то, что он словно оправдывается, что зашел к ней. Это нелюбезно с его стороны, и она может обидеться, что видит его, лишь благодаря каким-то петергофским знакомым. Ведь он знает, что она всегда рада видеть его, рада отвести душу в беседе с умным и развитым человеком.

- Нынче ведь это такая редкость между молодыми людьми... По большей части, они или пусты, или циничны и самонадеянны... А ведь вы не такой, Василий Николаич? - прибавляла любезно адмиральша с самой очаровательной улыбкой.

Сконфуженный и польщенный этим комплиментом, Неглинный порывисто благодарил, садился и вместо "минутки" оставался на долгие часы: читал вслух и после обеда гулял с адмиральшей по парку и приучился даже ходить с ней под руку, хотя, надо сказать правду, стеснялся по-прежнему и держал свою руку в напряженном положении. Нередко эта рука вздрагивала, словно от электрического тока, и когда адмиральша заботливо спрашивала: "не холодно ли ему?" - отвечал несколько растерянно, что напротив... Но у него невралгия, застарелая невралгия...

И Нина Марковна, хорошо понимавшая подобные "невралгии" у очень молодых влюбленных людей, гуляющих под руку с хорошенькими женщинами, участливо советовала ему лечиться, не запускать болезни, пока она еще вначале...

"Уже поздно!" - думал про себя молодой человек. Он, разумеется, вполне был уверен, что его восторженная любовь - тайна, о которой Нина Марковна никогда не узнает. Она, конечно, видит, что он предан ей и безгранично ее уважает, вот и все, но несомненно далека от мысли, чтобы он "осмелился" полюбить ее.

Но адмиральша была слишком опытная в любовных делах женщина, чтобы не увидеть, и очень скоро, что этот "милый и смешной идеалист" влюблен в нее до безумия, верит каждому ее слову, тайно любит ее и вернейший ее раб, готовый ради нее броситься хоть с колокольни. И сознание своего обаяния доставляло ей эгоистичное чувство удовольствия, льстило самолюбию и служило приятным развлечением в ее одиночестве и печали от разлуки с "Никой". Она, конечно, любит, страстно любит своего дорогого "Нику" и никого на него не променяет, но отчего же не покетничать немножко с этим застенчивым рыцарем, отчего не вызвать его робкого признания и в ответ не сказать нескольких слов теплого участия, предложив ему дружбу сестры, и не поощрить его к невинному флирту? Пусть себе целует ее руки и исполняет поручения! И, наконец, интересно, как эта "красная девица" пропоет ей свою песню любви и покроет ее маленькую ручку поцелуями и оросит слезами... Таких застенчивых поклонников она еще не видала!..

И Нина Марковна с привычным искусством "обрабатывала" беднягу Неглинного, кокетничая перед ним своим положением непонятой, страдающей женщины, и полунамечами, заставляющими догадываться, что она - жертва, и умными разговорами и своим пикантным, необыкновенно подвижным, быстро меняющим выражения, лицом. Она вела длинные разговоры о чувстве любви и дружбы (она признает, что можно быть очень дружной с мужчиной, не думая о любви. Она знает такие примеры, хоть они, к сожалению, и редки). Она возмущалась положением женщины, терпеливо слушала философские рассуждения Неглинного о будущем царстве правды и добра на нашей грешной земле и о том, какую громадную роль будут играть женщины, спорила о романах Золя и Бурже, заставляла читать вслух, присаживаясь около с работой, вспоминала о Скворцове и на прощанье давала самые разнообразные поручения, начиная с покупки лент до привоза бочоночка голландских селедок от Елисеева, и "кстати уж, если Василия Николаича не затруднит, пусть он потрудится привезти картонку с платьем от портнихи", прибавляла нередко адмиральша с обыкновенной своей обворожительной улыбкой и вручала Неглинному деньги. Нечего и говорить, что он с восторгом принимал поручения, готовый возить для адмиральши хоть сотню картонок, а не то что одну.

Она, впрочем, сама была в этом уверена и ценила в молодом человеке такую, редкую в наши времена, трогательную преданность и, главное, совершенно бескорыстную. Он даже, к удивлению адмиральши, ни разу, хоть бы в награду за селедки и картонки, не просил позволения поцеловать эту маленькую, благоухающую ручку и только украдкой, когда адмиральша, казалось ему, не замечала, взглядывал на нее жадным, загоревшимся взором. И ей нравилось перехватывать эти восторженно-смущенные взгляды, останавливающиеся на ее лице, шее, руках, и видеть, как он ("глупый", - усмехалась про себя адмиральша) краснел весь при этом, опуская глаза, и робко притихал, как притихают виноватые дети, наивно воображая, что маленькая адмиральша, не смущавшаяся на своем веку ни "мирными", ни "страстными" поцелуями, может возмутиться его восторженным созерцанием, которое он считал "святоотечеством". И он радостно светлел, когда снова слышал ласковый и приветливый голос адмиральши и видел ее улыбающиеся глаза, в которых не было и тени неудовольствия. Напротив, они словно ласкали и, казалось, ровно ни о чем эти черные, большие, прелестные не догадывались глаза.

Эта робкая и восторженная молодая любовь, тайна которой невольно выдавалась всем существом молодого человека, приятно щекотала нервы адмиральши, умаляла горечь разлуки и вообще скрашивала дачную жизнь. Ей любопытно и весело было следить за быстрым развитием этого чувства и ждать той минуты, когда оно, наконец, выльется в горячем признании. Как ни застенчив Неглинный, но не будет же он вечно только краснеть и

щурить свои глаза!

И адмиральша с тонким мастерством опытной кокетки, делая вид, что не догадывается об его любви, поощряла Неглинного к признанию. Ей доставляло какое-то жестокое удовольствие чувственной женщины дразнить целомудренно-страстную натуру влюбленного и будить его инстинкты, наблюдая, как он то краснеет, то бледнеет, смущенно и сердито хмурится от слишком близкого ее соседства. Адмиральша, конечно, и не догадывалась, что после таких минут Неглинный, полный раскаяния, считал себя величайшим негодяем, оскверняющим нечистыми помыслами и свою любовь, и эту святую женщину.

"Если бы она знала, какие преступные желания охватывают его по временам! Как бы ему хотелось прильнуть к этой маленькой ручке и целовать ее без конца! Если б она знала, какие сны снятся о ней!? По счастью, она слишком чиста, чтобы догадываться об этом... Но ведь она может заметить его "скверные" взгляды "циника" и тогда, оскорбленная и негодующая, лишит его своей дружбы и не пустит более на порог дома. Что может быть ужаснее, и какое несчастье сильнее этого?"

Так, расстроенный и смятенный, бичуя себя за "подлость" и "нахальство", нередко думал Неглинный, гораздо более сведущий в астрономии и высшей математике, чем в психологии женщин, подобных адмиральше. Полный решимости не допускать более подобного унижения человека, не профанировать своего чувства, он давал себе слово, твердо, как и подобает философу-стоику, выдерживать всякие испытания, тая свою любовь и не давая торжествовать "зверю", сидящему в нем.

А испытания - и довольно-таки тяжелые для двадцатипятилетнего влюбленного аскета, почти не знавшего женщин - бывали на его тернистом пути и все чаще и чаще с тех пор, как между адмиральшей и молодым лейтенантом установилась прочная дружба; он стал в доме своим человеком и с восторгом возил и бочонки с сельдями, и картонки с платьями и кофтами, бегая по несколько раз в день к портнихе с усердием поистине изумительным.

Объявление дружбы последовало в один из теплых июльских вечеров, на садовой скамейке, под липой и рябиной, после нескольких секунд задумчивого молчания, наступившего вслед за маленьким монологом адмиральши о том, как приятно иметь преданного, верного друга, на которого можно положиться...

Так как Неглинный лишь меланхолически водил сапогом по песку, не решаясь, по скромности и застенчивости, заявить, что он вернее собаки и преданнее самого верноподданного негра, то адмиральша, после небольшой паузы, с чувством проговорила, понижая, вероятно для большей убедительности, свой мягкий и нежный голос почти до шепота:

- И я имею претензию считать вас таким другом, Василий Николаич!

В первую секунду Неглинный онемел от восторга. А Нина Марковна между тем продолжала:

- Ведь мы друзья, не правда ли? И наша дружба ничем не омрачится?

И с этими словами адмиральша протянула руку, почти уверенная, что даже и такой "влюбленный олух", как Неглинный, выразит, по такому торжественному случаю, свою благодарность по крайней мере тем, что покроет ее руку, а то и обе, долгими почтительными поцелуями, тем более, что в саду стояла темнота, вечер был такой теплый, и звезды так приветливо мигали сверху.

Но ожидания адмиральши не сбылись.

Вместо того, чтобы поцеловать ручку, он как-то неловко и осторожно ее потряс и, тотчас же опустив ее, прерывающимся голосом, в котором дрожали слезы, с глубоким чувством

произнес:

- О, поверьте... я... я... Именно дружба... И вы знаете... конечно, знаете, как бесконечно я вас уважаю... Нет слов...

И, подавленный величию своего счастья, замолк, не окончив речи.

Адмиральша давно уже "верила" и "знала", но признаться, никак не ожидала, что он такой уж застенчивый "дурак", совсем не умеющий благодарить, как следует, за дружбу хорошенькой женщины. И она невольно вспомнила, как многие мичмана, при подобных же случаях, изъявляя свою благодарность и уверяя в вечной дружбе, целовали всегда ее руки с такой горячностью и так долго, что даже ей приходилось умерять их восторги...

"А этот... совсем осел!" - подумала она не без досады обманутого ожидания и насмешливо взглянула на своего поклонника, который, казалось, совсем замер на своем месте, бесконечно счастливый и радостный.

С этого вечера окончательно установились дружеские отношения, и Неглинный являлся почти каждый день. Адмиральша держала себя с очаровательной простотой и чисто дружеской интимностью. Случалось, что она, на правах друга, выходила к молодому человеку в капоте, изящном, отделанном кружевами, белоснежном капоте, плотно облегавшем роскошный бюст, в маленьком кружевном чепце, из-под которого выбивались колечки черных волос, с открытой шеей и обнаженными из-под широких рукавов, полными красивыми руками в браслетах и кольцах.

Этот костюм шел к ней и моложавил ее.

Свежая, цветущая и благоухающая, выходила она на террасу, здоровалась с ошалевающим от восхищения молодым человеком, крепко пожимая ему руку, извинялась, что с ним без церемоний, по-домашнему ("сегодня так жарко!"), благодарила за привезенные покупки и, завтракая с Неглинным, расспрашивала, что нового в газетах, был ли он у портнихи, и сообщала, что получила письмо от Ванечки и что Ванечка шлет ему поклон. После завтрака адмиральша уводила его в тот самый маленький, прохладный кабинет, в котором она хотела отравиться валерьяном, и просила Неглинного читать ей вслух, указывая ему место на маленьком диване, около которого стоял столик, и сама опускалась в кресло неподалеку.

Надо сказать правду: этот костюм приводил беднягу Неглинного в некоторое смущение. Но, памятуя, что он порядочный человек, а не "презренное животное", Неглинный добросовестно отводил глаза, стараясь не смотреть на эту ослепительную, маленькую изящную женщину или по крайней мере смотреть только прямо в лицо... И еще славу богу, что она приказывала читать. По крайней мере ему легче было переносить свое испытание.

И он читал, читал усердно, но не особенно хорошо. Голос его дрожал, звуча глухими нотами. Он почти не понимал, что читал, словно одурманенный красотой этой женщины, чувствуя ее близость и вдыхая тонкий аромат ее любимых *Violettes de Parme*.

- Вы, голубчик, сегодня что-то тихо читаете.

И адмиральша пересаживалась на диван, рядом с чтецом. Он ощущал теплоту ее ноги и, в ужасе и смущении, осторожно отодвигал ногу, отодвигался сам подальше от этого белого капота, но чтение от того не выигрывало. Он торопился, волновался, глотал слова, пропуская целые строки. Кровь стучала ему в виски, и по спине пробегали мурашки. Ему было и жутко, и стыдно, словно он виноват был в чем-то нехорошем и нечистом. Одним словом, это было не чтение, а какая-то бесконечная пытка. И он должен был мужественно скрывать ее, чтобы не оскорбить этой благородной, доверчивой женщины. Украдкой взглянув на нее, он видел, с каким серьезным и сосредоточенным видом она слушает, быстро перебирая вязальной иглой

какое-то рукоделье.

"О, чистое создание! Какая я скотина перед тобой!" - проносилось в голове у Неглинного.

- Не довольно ли читать? Вы, кажется, устали, Василий Николаич!

- Нет... отчего же... как угодно.

- Вижу - устали...

Адмиральша бросала вязанье и, подвинувшись к гостю совсем близко, закрывала книгу, оставляя на ней, перед самым носом Неглинного, свою, слегка обнаженную, руку и постукивая по переплету тонкими, розовыми пальцами.

Неглинный только щурил свои голубые глаза, морщил лоб и неистово закручивал в сосиску рыжий вихор, имея растерянный вид человека, решительно не знающего, куда ему деться и что предпринять.

- Да что с вами сегодня, Василий Николаич? Вы и читали не так прелестно, как всегда, и вообще какой-то рассеянный... точно вам не по себе...

- О, нет... я... ничего... Жарко только, - отвечал, еще более краснея, молодой человек.

И внезапно, с решимостью отчаяния, поднимался с дивана и объявлял, что ему необходимо ехать в город.

- В город? Зачем?

- Дело есть, - врал молодой человек, думавший найти спасение в немедленном бегстве.

- Какие летом дела?.. Не сочиняйте, пожалуйста... Уж не влюбились ли вы и не потеряли ли в городе сердца?.. То-то сегодня вы такой странный... Признавайтесь и расскажите мне, как другу, всю правду... Блондинка или брюнетка?..

Неглинный застенчиво пролепетал, что он ни в кого не влюблен.

- Это правда?.. - допрашивала, улыбаясь, адмиральша. - Так-таки и ни в кого?..

- Ни в кого! - храбро отвечал Неглинный, чувствуя, что кровь заливают щеки.

- Ну, так вам нечего ехать в город... Дела завтра можете сделать... Оставайтесь!

Разумеется, Неглинный малодушно соглашался, однако на диван более не садился, а забирался куда-нибудь подальше.

- Я сегодня заказала к обеду ваши любимые битки в сметане, а вы вздумали было убежать... Видите, как я внимательна к своим друзьям... Благодарите и целуйте руку!..

Неглинный порывисто бросился с места и благоговейно, словно прикладываясь к образу, едва прикоснулся губами к протянутой руке и вернулся на свое место, не заметив, конечно, недовольной гримаски адмиральши.

Однако, в этот день он уехал тотчас же после обеда, несмотря на приглашение почтить вслух... Это было сверх его сил.

Немало было в течение лета подобных тяжелых испытаний, но Неглинный - надо отдать ему справедливость - всегда оставался на высоте своего положения "влюбленной фефелы".

Наступили осенние дни. Нервы адмиральши начинали пошаливать; на нее напала хандра; письма от "Ники" принимали все более и более описательный характер и становились менее регулярными. И Неглинный совсем не оправдал ее ожиданий. Несомненно влюбленный и бывая почти ежедневно в течение двух с половиной месяцев на даче и, большею частью, наедине с адмиральшей (толстушку-кузину свою Нина Марковна так и не позвала погостить), он, несмотря на травлю его адмиральшей, не только не сделал трогательного признания со слезами и робкими поцелуями, но даже, болван, ни разу не решился сам поцеловать ее ручку, хотя это счастье, и пожалуй большое, было всегда так "близко и возможно", не будь он таким простофилей. Он, словно черт ладана, боялся тех положений, которые для других были бы счастьем, и решительно не понимал, что легкий флирт доставил бы несчастной "страдалице" большее развлечение, чем его трогательная и робкая любовь и его философские рассуждения о будущем царстве правды и добра. Хорошенькая женщина и с таким мужем, как Иван Иванович, ищет сочувствия и утешения, предлагает дружбу сестры, а он, идиот, толкует о том, что будет в неизвестном столетии!

Подобное бескорыстное поклонение, как оно ни было трогательно, несколько удивляло и очень раздражало хорошенькую адмиральшу, чары которой вдруг оказались бессильными перед этим мальчишкой.

Так иногда размышляла адмиральша и нередко спрашивала себя с досадой обманувшейся женщины:

- Есть ли еще такой влюбленный балбес на свете, как этот Неглинный?

И она вспоминала, как, бывало, во время вечерних прогулок в парке, когда они сидели вдвоем в самой чаще при лунном освещении, он начинал ей читать лекцию из астрономии и перечислять звезды, вместо того, чтобы...

- Ах, Ника, Ника! Зачем ты уехал? - шептала адмиральша, прерывая неприятные воспоминания о "балбесе", и, вздохнув, утирала набегавшие слезы.

В такие дни хандры она встречала приезжавшего "влюбленного балбеса" так холодно, что бедняга приходил в отчаяние, не понимая, чем он провинился, и уезжал, не смея показываться на глаза, пока не получал на другой или на третий день маленькой раздушенной записочки, в которой адмиральша давала ему поручения и просила его поскорей их исполнить и приезжать.

Если Неглинный, как поклонник, и не вполне отвечал требованиям адмиральши, зато как комиссионер, не оставлял желать ничего лучшего. Все многочисленные поручения он исполнял точно, добросовестно и быстро, с усердием настоящего друга, познакомившись за лето со многими, прежде мало известными ему принадлежностями дамского гардероба и испытал неаккуратность и лживость портних при назначении сроков. Приобрел он также некоторую опытность при покупке бакалейных товаров, цыплят и индюшек. Адмиральша любила покушать и особенно любила фаршированных индеек, а так как в Ораниенбауме они не всегда бывали, то Неглинный и возил их из Петербурга, предварительно расспросив свою квартирную хозяйку о том, как отличить старую индюшку от молодой, какая им цена и т.п. Конфеты и фрукты он поставлял адмиральше за свой счет и, благодаря этому обстоятельству, а также и расходам на поездки на дачу и обратно, финансовые его дела были настолько плохи, что он написал своему богатому дяде в Саратовской губернии, который обещал сделать его наследником, чтобы тот выслал двести или триста (лучше триста) рублей.

Весьма полезной оказалась любовь Неглинного и для приискания квартиры для адмиральши и адмирала. С осени они переселялись в Петербург, - Ивану Ивановичу уже было конфиденциально сообщено, что он получает спокойное береговое место после последнего

плавания, - и Неглинный целые две недели, в начале августа, бегал, как угорелый, по улицам, осматривая квартиры и вычерчивая потом их планы. К вечеру уже он летел на дачу и показывал планы, пока адмиральша не остановилась на одном из них и, приехавши в город, не наняла, по выбору Неглинного, очень хорошенькой, уютной и сравнительно недорогой квартиры. Он же вместе с Егором распорядился переборкой из Кронштадта, и в первых числах сентября адмиральша переехала в город, поджидая в скором времени и возвращения Ванечки, которого навестила в течение лета два раза.

Вернувшись из плавания, Иван Иванович сперва было очень обрадовался, что Ниночка, кажется, немного успокоилась, и что Неглинный довольно часто навещает их. Неглинный очень нравился адмиралу, и старик был доволен, что Ниночка за лето с ним покороче познакомилась и часто пользовалась его обществом. "Все же, бедняжка, не так скучала!"

Но в скором времени Ивану Ивановичу пришлось убедиться, что Неглинный как будто избегает посещать их в такое время, когда адмирала нет дома, и гораздо свободнее и оживленнее беседует с ним, чем с Ниночкой. Что Неглинный влюблен в Ниночку, в этом, разумеется, не было сомнения, но любовь эта была такая уж почтительная и застенчивая (адмирал это скоро заметил), что старик, хоть и еще больше привязался к Неглинному, но тем не менее втайне тревожился за Ниночку, замечая, что она становится все раздражительнее и раздражительнее, чаще жалуется на нервы и иногда бывает безжалостна к этому покорному и преданному Василию Николаевичу. Попадало, по временам, и ему самому, но он на это, конечно, не был в претензии, а бедного Неглинного было жаль... И, главное, такой он безответный с ней, и это как будто еще более сердит Ниночку. И его застенчивость раздражает...

"Ниночка не любит таких!" - не раз повторял старик и вздыхал.

Он тешил свою Ниночку подарками, изящными безделками, советовал выезжать, но ничто не помогало. Адмиральша видимо хандрила.

И хоть бы этот Василий Николаевич развлек ее как-нибудь, посидев с ней вечером, а то нет... Зайдет утром, пообедает иногда и тотчас за шапку.

И когда адмирал просил его, по секрету от Ниночки, остаться и поболтать с Ниночкой, пока он соснет часок-другой, Неглинный обыкновенно краснел и говорил, что ему надо готовиться к лекции. "Завтра у него урок в морском корпусе", - объяснял недавно назначенный преподаватель.

Возвращаясь домой, он готовился к лекциям, но часто бросал их и долго ходил по своей маленькой комнатке, полный дум об адмиральше. Боже! Как он любит ее и чего бы он не дал, чтобы видеть ее счастливой!..

Но при мысли о том, что не он, а другой счастливец пользуется ее любовью, его охватывало жгучее чувство ревности... Скворцова он ненавидел в такие минуты. И безумные грезы овладевали его мозгом. В мечтах он прижимал к сердцу эту очаровательную женщину, осыпал ее поцелуями, припадал к ее ногам и, пробудившись от грез, бросался на постель и плакал, как малый ребенок, чувствуя мучительную прелесть своей безнадежной, невысказанной любви...

В ноябре адмиральша получила от "Ники" письмо, сообщавшее, между прочим, что ему предстоит проплавать еще год, - так начальство решило. На другой же день Нина Марковна поехала к одному модному врачу и объявила, что у нее бессонница, беспричинная тоска, головные боли...

Врач сделал серьезное лицо, выстукал ее, потыкал в плечи и шею иглой, расспросил об режиме и объявил, что у нее легкая форма неврастения.

- Ничего опасного... Обливание водой, моцион...

- А если переменить климат, доктор... Поехать на зиму в Италию?

- Чего же лучше... отлично, а пока я вам пропишу пилюльки. По три в день: одну утром, другую перед завтраком и третью перед обедом.

Вернувшись домой, Нина Марковна сообщила, что доктор нашел у нее сильное нервное расстройство и советует ехать за границу...

- Что ж, поезжай, Ниночка, с богом... Надеюсь, ничего опасного?

- Опасного ничего, но все-таки лучше переменить на время климат... Пожить зиму на юге... Как ты думаешь, Ванечка?

Через три недели адмирал и Неглинный, оба грустные, провожали адмиральшу.

XX

В это погожее декабрьское утро на Ривьере, тихое и солнечное, полное свежей остроты зимнего воздуха, крейсер "Грозный", после трехнедельного плавания у сирийских берегов, сияющий блеском и чистотой, крупный и внушительный, входил, имея на бизань-мачте контр-адмиральский флаг, в Виллафранку - маленький порт, рядом с Ниццей, у подножия отрогов Приморских Альп, под нависшими скалами, на которых высится Монако.

Небольшая, глубокая бухточка, уютная и закрытая, отливала нежным изумрудно-голубым цветом почти неподвижной воды, и на ней, казалось, замерли рассеянные повсюду рыбачьи лодки. Маленький городок, приютившийся под высоким берегом и по склону горы, сверкал под солнцем своими белыми домами, среди зеленых куп, и казался необыкновенно живописным.

Застопорив машину и чуть-чуть двигаясь вперед, "Грозный", обменявшись салютами, наконец, отдал якорь неподалеку от военного французского авизо станционера. Через несколько минут с "француза" отвалила шляпка и, по обычаю морской международной вежливости, на "Грозный" явился молодой офицер в полной парадной форме - поздравить с приходом и предложить услуги. После того, как француз проговорил свое приветствие, его пригласили в кают-компанию, угостили шампанским и отпустили. Других военных судов на рейде не было. У берега стояло несколько каботажных судов с отданными для просушки треугольными, так называемыми "латинскими" парусами, да вблизи станционера красовалась щегольская английская морская яхта, изящная и стройная трехмачтовая красавица с белой, как снег, дымовой трубой. На палубе, под тентом, было целое общество англичан, видимо туристов, среди которых мичмана успели уже в бинокли "запеленговать" двух прехорошеньких англичанок, одну "ничего себе" и одну - "ведьму" с лошадиными челюстями. На этой яхте, как узнали потом, путешествовал какой-то лорд с семейством и с несколькими приглашенными друзьями, и на переходе из Англии яхта выдержала сильнейший шторм у Бискайского залива.

На "Грозном" вот уже третья неделя "сидит", как выражаются моряки, адмирал.

Совершенно неожиданно, во время стоянки в Неаполе, начальник эскадры прислал флаг-офицера сказать, что "пересядет" через час на "Грозный", к вечеру приехал и с рассветом приказал сниматься с якоря.

Нечего и говорить, что и капитан, не забывший еще пирейского смотра, и многие офицеры, и в особенности веселый и жизнерадостный ревизор, хвалившийся, что привезет кое-что из плавания, далеко не были довольны присутствием адмирала. Хоть он и держал себя просто,

не кричал, не вмешивался в распоряжения капитана, не "разносил", был со всеми ровен, но всякий чувствовал, что он зорко ко всему приглядывается, все видит и, по-видимому, не совсем удовлетворен. По крайней мере он нередко хмурился во время разных маневров и учений, которые приказывал делать на ходу под парусами и в свежую погоду... Хмурился, и слушая ответы мичманов на морские вопросы, которые он им задавал... Хмурился, узнавая цену угля, и раз даже сказал ревизору, что уголь, кажется, дорог...

"Скорей бы убрался с крейсера!" - не раз шептал в злобе капитан "Грозного" Налетов, ненавидевший от всей души этого скромного, не игравшего в начальники адмирала, этого "законника" и "педанта", который отправил следствие о незаконно наказанном матросе в Петербург со своим заключением о предании Налетова суду, вместо того, чтобы замять это "пустяковое" дело, как сделали бы другие, не такие "формалисты", как Тырков. Правда, Налетов, при помощи жены, уже заручился в Петербурге обещаниями, что дело до суда не дойдет и окончится пустяками, тем не менее Налетову вся эта история была неприятна.

Ненавидел Налетов адмирала еще и за то, что Тырков был рыцарь без страха и упрека, который недаром пользовался во флоте репутацией честнейшего человека, неспособного ни на какие сделки, противные совести, и Налетов, свободно обходившийся без такой роскоши, чувствовал, что адмирал относится к нему без уважения и насквозь понимает его.

Налетов не ошибался. Адмирал, действительно, в душе презирал командира "Грозного", считая его бесшабашным карьеристом и хлыщом, человеком совсем неразборчивым в средствах; наглым с подчиненными и льстивым с сильными и влиятельными лицами. Кроме того, он кое-что знал и относительно небрежливости этого быстро делающего карьеру выскочки по сделкам с разными поставщиками в компании с ревизором.

Сам адмирал был совершенной противоположностью Налетова.

Прослуживший тридцать пять лет, из них двадцать в море, сведущий специалист и образованный человек, Тырков был одним из лучших представителей того симпатичного типа моряков, суровых рыцарей долга и в то же время необыкновенно гуманных с подчиненными, который появился во флоте в освободительную эпоху шестидесятых годов. Про таких именно моряков и наслушался Скворцов, бывши отроком, из восторженных рассказов своего отца о прежних плаваниях. В служебной ляжке Тыркова не было ни одного пятна. Он не интриговал, не заискивал, не умел вовремя попадаться на глаза начальству и говорить ему приятные вещи. Он не сочувствовал многому, что делалось во флоте в отдаленные времена нашего рассказа, но молчал, находя, что раз он служит, он нравственно не имеет права выражать свои мнения, но когда начальство спрашивало его мнений, он, не стесняясь, выражал их. Нечего и прибавлять, что Тырков, несмотря на командование судами да еще в дальнем плавании, не имел ничего, кроме жалованья.

Как бесстрашный моряк, хладнокровный в опасности и горячо любящий свое дело, Тырков был достойным учеником адмирала, известного в шестидесятых и семидесятых годах под прозвищем "беспокойного и свирепого адмирала", который во время своих нескольких кругосветных плаваний с эскадрами школил офицеров, не давая им покоя, и, сам энергичный, лихой моряк, беззаветно любивший свое ремесло, требовал от офицеров такой же любви, развивая в них эту любовь. Требовательный по службе, вспыльчивый нередко до бешенства и бесконечно добрый, он никого не погубил, никого не аттестовал негодяем, никому не мстил, получая иногда в ответ на дерзость такую же дерзость, и многих сделал хорошими моряками.

Произведенный, наконец, в адмиралы и назначенный командовать эскадрой, Тырков, по примеру бывшего своего начальника и подчас сурового учителя, горячо взялся за дело, а не отбывал только "почетную повинность" с равнодушием своего предместника, доброго, веселого адмирала, который проводил время большею частью на берегу, в виду эскадры,

простаивавшей на рейдах по нескольким неделям, ни во что серьезно не входил, считая, что совершенно достаточно делать получасовые смотры, оканчивающиеся общими благодарностями, и, конечно, не знал, каковы у него на эскадре капитаны и офицеры. "От сих и до сих", чтобы все с внешней стороны было прилично и благополучно, чтобы учения и занятия производились по расписанию, чтобы не было никаких "историй", а входить в подробности, образовывать моряков и внести так сказать "живой дух" в дело, для этого нужно много энергии, забот, любви к ремеслу. Да и к чему, в самом деле, утруждать себя и волноваться? Еще только можно нажить неприятности... Не лучше ли тихо и спокойно... Откомандовал два года, получил награду, и делу конец. Возвращайся домой с изрядным кушем подъемных и жди, в очередь, следующей награды, как человек хороший, покладистый, не доставляющий никому беспокойства, а, напротив, всем приятный.

Тырков смотрел на свое назначение несколько иначе, не боясь никаких неприятностей ни сверху, ни снизу. Он хотел лишь добросовестно исполнить свой долг, занявши пост начальника эскадры. И он переплывал на всех судах, чтобы ближе познакомиться с порядками на них, с выправкой команд, с их положением, с капитанами и офицерами. Ему хотелось довести свою эскадру до возможного совершенства и вселить в офицерах тот морской дух, без которого, по его мнению, морская служба немислима и немислимы настоящие моряки. Он с упрямством несокрушимой воли хотел вывести многое, что считал распушенностью и несоблюдением закона.

Но почтенный адмирал как будто забыл, что надо считаться с духом времени, имевшим влияние на целое поколение моряков и дававшим тон, столь несимпатичный адмиралу. И он скоро увидел, что его, казалось, вполне естественные требования исполнения закона и любви к делу далеко не пользуются сочувствием, а, напротив, вызывают во многих скрытое неудовольствие и исполняются нередко только формально, по долгу дисциплины. С тяжелым чувством пришлось ему убедиться, что, несмотря на его внушения и приказы, многие молодые офицеры по-прежнему бьют матросов, и что того "духа живого" в службе, о котором он так хлопотал, нет еще на эскадре. Его влияние оказывалось бессильным... А главное, смущал адмирала "ярыжнический" дух среди молодежи, ее взгляды на службу, отношение к матросам... Конечно, далеко не все были такие - боже сохрани! - но во многих чувствовалось какое-то понижение.

Адмирал нередко собирал к себе в каюту молодых мичманов пить чай и дружеским тоном старшего товарища говорил на эту тему, но чувствовал, что его слушают с почтительным вниманием подчиненных, но не убеждаются его доводами и про себя, вероятно, посмеиваются над рацеями старого адмирала... Для него не было секретом, что многие юнцы презрительно называли своего адмирала "филантропом" и "либералом" за то, что он особенно заботился о матросах. В одной газете даже появилась анонимная корреспонденция, в которой автор проливал крокодиловы слезы о том, что на некоторых судах в заграничном плавании падают и дисциплина, и престиж власти капитанов, благодаря "филантропическим" взглядам "некоторых" начальников.

В этой разнице взглядов пятидесятипятилетнего адмирала и многих молодых, еще начинающих жизнь, моряков было что-то удручающее.

И адмирал подчас с презрительной и печальной усмешкой говорил в интимной беседе с доктором Федором Васильевичем:

- Я, старик-с, должен проповедовать молодым офицерам, что бить по зубам стыдно! Как вам это нравится, а?... Да-с, нынче как-то все шиворот-навыворот-с! В наше время пакости скрывали, а теперь точно хвастают ими... Каждый норовит без всякого труда карьеру сделать... Духа рыцарского нет... Пройдошество да нажива-с. Совсем безобразие... Иные птицы, иные песни!

Адмирал обыкновенно грустно задумывался на минутку-другую и энергично прибавлял:

- Хотя я здесь почти и один в поле воин, а все-таки от своих требований не отступлю, нет-с. Пусть начальство считает меня беспокойным человеком и пусть сместит меня - это его дело... Я ведь знаю, у нас не любят беспокойных людей! А мое дело - свято выполнить долг, по крайнему моему разумению... И я не позволю офицерам безобразничать - пиши хоть миллион корреспонденции. Меня ими не испугаешь! Уж я писал в Петербург, что отрешу Налетова от командования, если его не уберут... И не поцеремонюсь с ним, даром что у него связи. Вот что-с.

И, начинаясь озлобляться скрытым противодействием, адмирал не щадил никого, неуклонно и систематически преследуя то, что считал злом. Он, не стесняясь, давал в приказах по эскадре выговоры капитанам, особенно преследовал офицеров-дантистов, сажал их под арест, грозил отдачей под суд и, что особенно оскорбило многих, - написал приказ по эскадре, приказав прочесть его матросам, в котором объяснил, что закон не разрешает телесные наказания, кроме случаев предусмотренных, и потому всякие отступления от закона будут строго им преследоваться. Он выслал в Россию за вопиющее нерадение по службе двух мичманов, и в том числе одного титулованного маменькина сына с большими связями, и назначил комиссию для проверки всех книг жизнерадостного и веселого ревизора "Грозного".

Мнения о Тыркове на эскадре были крайние. Большинство офицеров его терпеть не могли, писали о нем в Петербург черт знает что и ругали на чем свет стоит. Меньшинство, напротив, превозносило его до небес. Зато среди матросов спорных мнений не было. Адмирала прозвали "справедливым адмиралом", и матросы говорили, что он "поблажки своему брату не дает".

Месяцев через шесть эскадра заметно подтянулась, но адмирал хорошо понимал, что все это не то. И он часто думал, что куда ей до той лихой эскадры былых времен, под начальством "беспокойного" адмирала, в которой все, начиная с адмирала и кончая матросом, были одушевлены одним общим, приподнятым и сильным духом, создающим настоящих моряков, а не бесшабашных карьеристов и торгашей, как он презрительно называл Налетова и ему подобных.

XXI

Почта из России, доставленная адмиралу тотчас же по приходе "Грозного" на рейд, принесла две крупные новости: "Грозный" назначался в состав эскадры Тихого океана на два с половиною года, и Налетов отзывался в Россию. Вместо Налетова ехал новый командир. В числе разных официальных бумаг и предписаний было и конфиденциальное собственноручное письмо от старика-адмирала из Петербурга.

После любезностей и благодарностей за примерное командование эскадрой, старик сообщал, что делу о Налетове хода дано не будет, во избежание "огласки и скандала, вообще нежелательных". И этот самый старик-адмирал, когда-то подавший громовую записку о беспорядках во флоте и требовавший широкой гласности, теперь, бывши у власти, довольно прозрачно намекал своему подчиненному, что как ни похвальны меры, принимаемые им для пользы службы, тем не менее их энергичность может подать повод к преувеличенным представлениям о недостатках во флоте, что едва ли полезно. "Уже я теперь по поводу приказов вашего превосходительства в Петербурге циркулируют нелепые слухи об эскадре, проникшие в печать", - писал старик и в конце письма выражал сожаление, что начальник эскадры не испробовал всех мер для исправления нерадивых молодых людей, а выслал двух мичманов в Россию.

- Хвалят за энергию и хотят, чтоб ее не было! - горько усмехнулся адмирал, прочитав письмо.

- Чтобы все было шито да крыто, и чтобы я был пешкой... Благодарю покорно-с!

И, задетый за живое, адмирал, отлично понявший, что им недовольны, написал ответ, в котором сообщал, что поступает, как ему велит долг и присяга, и что если его деятельность и усердие по приведению эскадры в надлежащий вид не соответствуют видам начальства, то просит его уволить от командования.

В тот же день обе новости были известны на крейсере и взбудоражили офицеров. Многим очень не хотелось идти в Тихий океан еще на два года плавания, и в тот же день в Петербург полетело несколько длинных телеграмм к родным с просьбами похлопотать об избавлении от плавания. Двое офицеров, у которых не было никаких связей в Петербурге, подали рапорты о болезни.

Скворцов, напротив, был очень рад, что придется сделать кругосветное плавание и с другим командиром, которого он знал, как очень порядочного человека. Вдобавок, и симпатичный доктор Федор Васильевич, с которым он сошелся, остается на "Грозном". Оставался и добряк старший офицер, хотя и охал, что разлука с семьей продлится на целый лишний год. Ревизор был несколько смущен. Хотя книги его, как он и заранее был уверен, найдены были комиссией в порядке и с надлежащими оправдательными документами и счетами поставщиков, в которых, конечно, не показывались "скидки", составляющие изрядную сумму, тем не менее будущее, судя по репутации нового командира, не предвещало ему приумножения средств в том размере, в котором он приумножал их до сих пор. И он, если бы было возможно, не прочь был списаться с крейсера. Слава богу, тысяч пятнадцать он уже скопил и рад был бы снова служить с Налетовым.

Матросам, и особенно женатым, новое назначение крейсера, разумеется, не доставляло удовольствия. Но радостная весть об уходе "собаки-капитана" несколько примирила их с лишним годом плавания и тяжелой, полной опасностей, службы в море.

Нечего и говорить, что в кают-компании был взрыв восторга при известии о том, что Налетова "убрали наконец". Один только ревизор не выражал удовольствия и благоразумно ушел в каюту во время шумных толков по этому поводу. Обе новости были так значительны, что многие, торопившиеся на берег, в Ниццу, сулившую морякам столько удовольствий, замешкались, занятые оживленными разговорами. Почти все злорадствовали, что "собаку-капитана" отзывают, не давая ему никакого назначения.

- Теперь карьера его заколодит, господа, это верно!

- Раскусили, что это за наглый хам!

- Однако, судя по виду, он не очень-то опустил хвост... Напротив.

- Дурака валяет, скотина! Уязвленное самолюбие!

Так рассуждали в кают-компании, пользуясь отсутствием старшего офицера, который, конечно, не допустил бы таких разговоров.

А Налетов действительно имел вид, казалось, еще более наглый и заносчивый, точно ничего неприятного для него не случилось. Дело в том, что и жена его, имевшая влиятельные родственные связи и молившаяся на своего мужа, и один из близких к начальнику штаба людей извещали, чтобы он нисколько не придавал значения тому, что его отзывают. Конечно, он и сам рад не идти на два года в Тихий океан, а по возвращении в Россию его, вероятно, назначат командиром строящегося броненосца 1-го ранга. Назначение блестящее. Один из влиятельных адмиралов вполне на его стороне и просил сообщить ему об этом, прибавив, чтобы он не беспокоился. Да и "старик" не особенно доволен Тырковым за то, что он поднял историю о высеченном матросе и вообще слишком усердствует, раздувая всякие пустяки и

давая пишу толкам. Высылка мичмана графа Тараканова подняла целую бурю. "Старику" не давали покоя из-за непростительной бестактности Тыркова.

Эти письма несколько смягчили сухой лаконизм предписания и значительно успокоили Налетова. В самом деле, гораздо лучше быть на глазах, чем вдали, да и его вовсе не тянет в море. Черт с ним! А по приезде в Петербург уж он постарается обелить себя и, где только возможно, расписать Тыркова.

- Будет доволен! - со злостью прошептал он, знавший очень хорошо, как и на кого именно надо действовать.

И, полный ненависти к адмиралу, вздумавшему ему "напакостить", Налетов в уме уже набросал общий план той "свиньи", которую он подложит адмиралу. Удаление графа Тараканова распишется в известных кружках, как вопиющая несправедливость. Приказ Тыркова, прочитанный матросам, о том, что офицеры не имеют права драться, Налетов считал большим козырем в своих руках. Тут можно расписать самые пикантные узоры насчет подрыва власти и дисциплины, и вообще всю деятельность Тыркова можно будет представить именно в таком цвете - тема благодарная, если ее обработать умеючи и пустить, куда следует... Небойсь, скоро уберут этого законника и "филантропа" и сдадут в архив... Туда же лезет со своими порядками! Какой-то новый дух хочет заводить, старая дура!

Не дожидаясь приезда нового командира, которого ждали через неделю, Налетов подал адмиралу рапорт о болезни и, сдавши временно командование крейсера старшему офицеру, собирался немедленно уехать в Россию. Никаких обычных проводов ему, конечно, не устроили. Ревизор вздумал было заикнуться о прощальном обеде, но общее негодование в кают-компании не дало ему продолжать.

- Устраивайте ему сами обед, коли хотите, а мы не хотим! - раздались голоса.

Когда вечером через три дня, в отсутствии адмирала и большей части офицеров, бывших на берегу, вельбот с отъезжавшим, ни с кем не простившимся, бывшим капитаном "Грозного" отвалил от борта, многие из матросов на баке перекрестились.

- Спасибо справедливому адмиралу, избавил нас от собаки... - проговорил один из матросов, выражая общее настроение.

К удивлению, и скорей приятному, чем грустному, Скворцов вот уже целый месяц не имел от адмиральши писем, несмотря на то, что у нее было точное расписание, куда и в какое время адресовать на эскадру письма. В Виллафранке тоже не было на имя Скворцова узенького, длинного, надушенного конверта с надписью, сделанной мелким почерком, обыкновенно возбуждавшим завистливое любопытство многих мичманов в кают-компании, почему-то не веривших, что эти письма от сестры, как уверял Скворцов.

"Сестры, мол, такие толстые конверты не посылают!" - говорили, казалось, их улыбающиеся насмешливые взгляды.

Верно, Нина Марковна (Скворцов уже и мысленно называл адмиральшу не Ниной, а Ниной Марковной) совсем успокоилась, - размышлял он, успокаивая себя, - и, получив письмо о лишнем годе разлуки (прежде скрытом из трусости), догадалась, что любовь не бывает вечною. Недаром она писала, что Неглинный летом часто у нее бывал. За лето Неглинный, конечно, вполне обработан, - адмиральша на это мастерица! - и теперь она донимает влюбленного раба божия Васеньку сценами ревности и упреков с финалом клятв и поцелуев, черт побери его, однако! Интересно было бы увидеть этого фефелу. Какую он теперь разводит теорию об амурах! Как бедняга себя чувствует, воображая, что обманывает добряка Ивана Иваныча? Дай бог ему всего лучшего, этому прелестному Ивану Иванычу! Если бы не он, быть бы ему, злополучному лейтенанту, до сих пор как бычку на веревочке... А теперь

свободен, как ветер!.. И хоть бы Неглинный написал другу, а то молчит, точно набрал в рот воды, свинья этакая! Видно, в самом деле втюрился с сапогами и перестал валять Иосифа Прекрасного. Васенька хоть и фефелист, а ничего мальчик.

Так раздумывал Сковрцов, стоя на вахте вечером в день прихода в Виллафранку, и - признаться - не испытывал чувства ревности к другу. Напротив, значительно охладевший к Нине Марковне и более правильно оценивший ее за время разлуки, он искренно жалел друга, предполагая, что он немало натерпится от пламенной и сумасбродной адмиральши, если только она уже всем для него "пожертвовала", и он перед такой жертвой не задал, по своему благородству, тягу... Ну, а тогда Васеньке капут... Мертвая петля! Неглинный из нее не выскользнет, как выскользнул он. Не такой Васенька человек. Адмиральша как по нотам будет разыгрывать на его благородстве! Бедный Неглинный!..

- Фалгребные вверх! - крикнул он вслед за докладом сигнальщика, что адмирал едет.

Адмирал, благоволивший к Сковрцову и считавший его дельным и исправным офицером, проходя к себе в каюту, спросил его:

- Ну что, довольны, что идете в Тихий океан?

- Доволен, ваше превосходительство.

- Быть может, вы предпочли бы остаться здесь. Тогда я вас оставлю.

- Благодарю, ваше превосходительство. Я предпочту идти на "Грозном".

- В таком случае, рад за вас... В Тихом океане у вас будет больше морской практики, и плаванье серьезнее... Да и новый капитан ваш прекрасный моряк... А я было думал...

Адмирал на секунду остановился и, улыбнувшись, прибавил:

- Думал, что вас тянет скорее вернуться в Россию... Рад, что ошибся... Такому храброму офицеру, как вы, грешно сидеть на берегу... Наш флот очень нуждается в дельных моряках... Спокойной ночи!

И адмирал, пожав Сковрцову руку, прошел к себе в каюту.

"Верно, и адмирал кое-что слышал о моем увлечении адмиральшей!" - подумал Сковрцов, очень польщенный комплиментами адмирала, к которому чувствовал восторженное уважение и был самым рым его защитником в кают-компани.

Выспавшись отлично после вахты и пообещав своему любимцу вестовому купить на берегу на платье "куме" в Кронштадте, о которой вестовой нередко вспоминал с большим увлечением, Сковрцов вместе с доктором Федором Васильевичем отправились в Ниццу, рассчитывая вечером послушать оперу.

Минут через десять поезд доставил их на ниццкую станцию, где в это же время стоял парижский экспресс, прибывший почти в одно и то же время. Они торопливо пробирались в толпе, как вдруг кто-то дернул Сковрцова за рукав, и чей-то знакомый, радостный и нежный голос произнес у самого его уха:

- Ника!

"Ника" совсем ошалел от изумления. Перед ним была адмиральша в изящном дорожном платье, с алой розой в петличке жакетки, и весело и властно протягивала ему свою маленькую ручку.

Ошалевай, не ошалевай, а как бы то ни было, адмиральша была тут, точно свалившись с небес, по-прежнему свежая, цветущая и пикантная, с подведенными слегка глазами и главное, по всем признакам, такая же любящая, решительная и считающая "Нику" своим верноподданным, как и шесть месяцев тому назад, когда еще "Ника" не знал, что валерьян не спрашивает человека на тот свет.

Более пораженный, чем обрадованный, чувствующий, что ему придется "заметать хвост" и, - уж надо признаться, - изрядно-таки струсивший при мелькнувшей мысли о неизбежности решительного объяснения и бурных сцен. Скворцов с какою-то нервной возбужденностью слабохарактерного человека, застигнутого врасплох, пожимал и потрясал ручку адмиральши и, стараясь казаться необыкновенно обрадованным, растерянной громко восклицал, обращая на себя внимание проходящих:

- Какими судьбами, Нина... Нина Марковна?.. Вот никак не ожидал!.. Признаюсь, приятный сюрприз... Надолго ли в Ниццу?.. Как поживает Иван Иванович?.. Вы из Парижа? Давно ли из России?

Кидая эти вопросы и чувствуя себя все-таки виноватым перед этой маленькой женщиной, которая не только для него "всем пожертвовала", но еще и прикатила сюда, очевидно, для свидания с ним ("эдакая фефела этот Неглинный!") и, разумеется, для истребования отчета, как он себя вел за время разлуки. Скворцов в то же время беспокойно оглядывался и искал глазами своего спутника, чтобы сказать ему, что приезд кузины, что ли, мешает ему провести день вместе с доктором. Но Федор Васильевич, услышавший интимное восклицание адмиральши и догадавшийся по выражению ее лица, что эта дама едва ли родственница Скворцова, поспешил деликатно исчезнуть, предполагая, что его приятелю несравненно будет приятнее эта неожиданная встреча без постороннего свидетеля.

- Ты кого это ищешь? - спросила, вместо ответа, адмиральша, внезапно насторожившись, и в ее глазах блеснул хорошо знакомый Скворцову огонек, верхняя губа, подернутая пушком, вздрогнула, и ноздри раздулись.

И с этими словами она обернулась.

На несчастье злополучного лейтенанта, совсем близко, в двух шагах от них, стояла хорошенькая, бойкая, пестро одетая француженка, одна из тех фривольных дам, которые на станции ищут случайного попутчика, который довез бы до Монте-Карло и дал бы два золотых, чтоб попытать счастья в рулетке. Вдобавок, и она, признав в Скворцове иностранца, взглядывала на молодого, красивого лейтенанта с большой выразительностью.

Адмиральша метнула на нее подозрительный взгляд, на который француженка ответила гримаской и хохотом, - и взволнованно проговорила, хмуря брови:

- Быть может, я помешала... Вас ждут...

- Никто меня не ждет... Я сию минуту приехал... Я искал доктора... Федора Васильевича... Мы с ним вместе съехали на берег...

В голосе Скворцова звучала нотка раздражения.

- Ну, прости... прости, Ника... Ты в последнее время так редко писал... Мало ли какие мысли приходили в голову!.. Я так страдала... такая без тебя была тоска, что я не выдержала и поехала повидаться с тобой... Однако едем, Ника... Вези меня в гостиницу. Какая здесь лучшая? Пошли носильщика за моим багажом... Пусть его пришлют в отель...

Через пять минут все было устроено, и адмиральша с Скворцовым села в карету и поехала в Grand Hotel de Nice...

Дорогой адмиральша, радостная и веселая, держала в своих маленьких руках руку Скворцова и взглядывала ему в лицо с властной нежностью, словно бы говоря своим взглядом: "Ну, голубчик, теперь ты снова мой, и уж я тебя не отпущу!" И Скворцов, несколько смущенный своим положением пленника, слушал, как она "страдала без него" и как она счастлива теперь.

- Ты видишь, как я тебя люблю, Ника, как я верна тебе? А ты? Ты не разлюбил свою Нину? Ты ведь рад, что я к тебе приехала? Говори, рад, мой милый?

У кого хватит жестокости сказать женщине, да еще хорошенькой, которая приехала из Петербурга в Ниццу для свидания, что ей не рады? Да и Скворцов, хоть и значительно охладевший к адмиральше после своего бегства и хорошо еще помнивший, какой "бамбук" было его положение в качестве любимого человека, тем не менее был очень польщен приездом, свидетельствующим и об ее, совсем неожиданном постоянстве, и о "фефелистости" Неглинного, да вдобавок, и этот нежный чарующий голос, поющий о любви, растрогал молодого человека. И он, разумеется, отвечал, что очень рад, бесконечно рад, и в доказательство пожал ее руку, так как более убедительным образом выразить свою радость на улице было невозможно...

Слушая разные нежности и, между прочим, получив комплимент, что "Нике очень идет статское платье", Ника не переставал все-таки думать о предстоящем объяснении... Нельзя ли его отложить, по крайней мере... хотя на день, на два... А то как же сразу огорошить ее известием, что он уходит в Тихий океан?... Положим, валерьян его не испугает, но все-таки... И надо же, наконец, объяснить ей, что он недостоин, что ли, ее любви и... и вообще... не настолько любит, чтобы связать с ней свою судьбу. Надо уяснить ей все это... А еще лучше бы ничего не говорить об уходе в Тихий океан. Через неделю "Грозный" уйдет из Виллафранки... Можно в день ухода отправить ей письмо, подробное письмо, в котором добросовестно изложить все обстоятельства, обещав сохранить о ней навсегда благодарную память, и дело с концом... Тю-тю! Ищи его! Небойсь, в Тихий океан адмиральша не придет требовать любви и объяснений... Далеконько! "А какая же, однако, она хорошенькая, эта адмиральша!" - внезапно прервал свои размышления Скворцов, взглядывая на Нину Марковну.

- Что, постарела я? - кокетливо спросила она.

- Напротив, такая же хорошенькая, как и была, - совсем уже искренно проговорил Скворцов.

И неожиданно спросил:

- А что подельывает Неглинный? Он мне не пишет ни строчки.

- Неглинный? - протянула, слегка краснея, адмиральша и сделала такую гримаску, что Скворцову вчуже стало жаль своего друга. - Ничего, здоров, философствует и изредка заходит к нам...

- Он, кажется, влюблен в тебя до безумия?

- А ты откуда знаешь?

- Догадался из его единственного письма ко мне...

- А может быть, хотя он и не удостоил меня чести признания, - промолвила адмиральша, усмехнувшись...

- Страдает молча, бедный Васенька?

- Не знаю... Пусть себе!.. И вообще твой Неглинный, хоть и добрый человек, но...

Адмиральша остановилась на минутку, вспомнив, каким балбесом вел себя Неглинный в течение лета, и, бессовестно забыв остальные его заслуги в качестве идеального комиссионера, с презрительной усмешкой прибавила:

- Но, по правде говоря, невыносимо скучен... Он не может нравиться женщинам... А ты, Ника, уж не ревнуешь ли к своему другу? Нашел к кому ревновать! - расхохоталась адмиральша. - Да разве я тебя на кого-нибудь променяю, моего ненаглядного?.. Я ведь до конца моих дней твоя, верная твоя Нина, и ты мой...

"Ну, это шалишь!" - подумал в ту же секунду Скворцов, охваченный внезапным страхом от такой приятной перспективы дальнейшей своей судьбы. Но он малодушно промолчал, тем более, что карета подъехала к подъезду, и представительный, с превосходно расчесанными бакенбардами швейцар вышел отворить дверцы.

Тотчас же явился не менее представительный господин во фраке, хозяин гостиницы, и пригласил приезжих посмотреть комнаты. Адмиральша выбрала себе хорошенький, мило убранный номер в две комнаты и когда подала свою карточку, то хозяин, и без того любезный, стал еще любезнее.

- А для вас тоже нужна комната? - спросил хозяин Скворцова.

- И брату нужна, - поспешила ответить адмиральша, заметив колебание молодого лейтенанта.

"Однако, - подумал Скворцов, - она мною распоряжается, как собственностью!" - и покорно последовал за хозяином.

- Через четверть часа приходи, Ника, - кинула вслед адмиральша. - Я тебе расскажу о моих планах... Будешь доволен.

Хозяин повел было Скворцова в номер того же этажа, но тот благоразумно попросил его отвести ему комнату повыше и не очень дорогую.

Оставшись один в номере, Скворцов заходил по комнате, полный внезапной решимости немедленно же объяснить с адмиральшей. Подло же в самом деле ее обманывать.

Но когда он вошел к адмиральше, и она, только что переодевшаяся в изящное парижское платье с вырезным воротом и с короткими рукавами, красивая и, казалось, помолодевшая, бросилась к нему навстречу и, обняв его шею руками, прильнула к его губам, вся трепещущая от счастья, - Скворцов, несмотря на свое твердое намерение объяснить, вместо объяснений безмолвно сжимал адмиральшу в своих объятиях.

После первых безумно-страстных минут свидания после долгой разлуки, адмиральша, поправив свою смятую прическу, заалевшая и счастливая, присела на диван и, усадив возле себя Скворцова, стала, излагать свой план.

План в самом начале был заманчивой.

Она хорошо понимает, как Нике тяжела разлука, и как он не хотел идти в плавание. Неглинный ей об этом не раз говорил ("Нечего сказать, удружил!" мысленно шепнул Скворцов, обозвав про себя Неглинного идиотом). Еще год куда ни шло, но два года - это невозможно...

- И знаешь, Ника, что я придумала? - с победоносным видом сказала адмиральша.

- Что такое? - спросил далеко не весело Скворцов.

- Я попросила Ванечку дать письмо к Тыркову...

- К Тыркову?... Зачем?

- Глупый! Разве не понимаешь? Чтобы он тебе по болезни, что ли, разрешил вернуться в Россию... Я сама хорошо знакома с Тырковым, - мы с ним большие приятели, - и попрошу его, он наверно не откажет... И тогда мы вместе уедем и проведем несколько месяцев вдвоем... Поедем в Италию, в Испанию, куда хочешь... Не правда ли, как хорошо?..

Но, к изумлению адмиральши, лицо Скворцова далеко не выражало радости...

Напротив...

И он только что хотел заговорить, как в двери постучали.

Скворцов, как достойный ученик адмиральши, быстро пересел с дивана на отдаленное кресло и принял почтительную позу человека, пришедшего с визитом.

- Entrez!* - крикнула адмиральша.

* Войдите! (франц.).

В дверях показалась низенькая, плотная фигура адмирала.

- Ни слова ему! Мне надо прежде объясниться с тобой! - шепнул Скворцов, когда адмиральша с приветливой, милой улыбкой поднялась навстречу адмирала.

XXIII

Адмиралу не шло статское платье, и в мешковатом, плохо сидевшем черном рединготе, с цилиндром в руках, в съехавшем набок узеньком галстукe, он представлял собою далеко неказистую фигуру, совсем непохожую на того адмирала, который стоял на мостике "Грозного" в своем потертом, коротком пальто и в сбитой назад фуражке и, расставив фертом ноги, спокойно и зорко посматривал вокруг во время учений и маневров в свежую погоду.

Приветствуя Нину Марковну, которую он знал, когда она еще была девушкой, и, кажется, в то время был к ней равнодушен, и почтительно целуя душистую ее ручку, адмирал Тырков, казалось, несколько смутился, увидав Скворцова и догадавшись по его далеко не веселому виду, что прервал приятное *tete-a-tete**, явившись нежданным гостем. Вероятно, поэтому он поспешил объяснить, благодаря какой счастливой случайности узнал, что Нина Марковна здесь. Он, видите ли, завтракал в этом отеле и, уходя, увидел на доске ее фамилию и не отказал себе в удовольствии засвидетельствовать Нине Марковне свое почтение.

* Свидание, разговор наедине (франц.).

Адмиральша, разумеется, была "несказанно обрадована такой счастливой случайностью" и снова пожала руку адмирала, благодаря его за милое внимание и очень довольная в то же время, что адмирал не оказал "милого внимания" четвертью часами раньше и не помешал первым счастливым минутам радостной встречи с "Никой".

- Я сегодня же хотела написать вам, Василий Петрович, что приехала и жду своего доброго приятеля, - продолжала адмиральша с обычной своей чарующей приветливостью, улыбаясь глазами, словно лаская ими. - Я от Николая Алексеича узнала, что "Грозный" здесь близко, и вы на нем. Надеюсь, вы знаете этого молодого человека! - прибавила адмиральша, указывая взглядом на Скворцова, который встал, при входе адмирала, и теперь почтительно кланялся.

- Еще бы не знать! Мы с Николаем Алексеичем большие приятели! - промолвил приветливо адмирал и крепко пожал молодому лейтенанту руку.

- Наша встреча с ним была совсем неожиданная! - воскликнула адмиральша, усаживаясь на диван. - Вообразите, Василий Петрович... Только что приехала я сегодня из Парижа в Ниццу, выхожу на дебаркадер, гляжу: Николай Алексеич.

- Мы с доктором из Виллафранки приехали в одно время с Ниной Марковной. Поезда тут скрещиваются, - счел почему-то нужным вставить слегка смущенный Скворцов, обращаясь к адмиралу и точно оправдываясь.

- Ну, я, разумеется, остановила его и, по праву доброй знакомой, заставила проводить меня в отель... Надеюсь, что он и впредь не откажется иногда быть моим чичероне...

- Не смеет отказаться. Я его откомандирую в ваше распоряжение, Нина Марковна, пока "Грозный" будет стоять в Виллафранке, - шутливо заметил адмирал.

- Не бойтесь, я не злоупотреблю вашей любезностью и не заставлю проклинать соотечественницу, Николай Алексеич! - с веселым смехом промолвила адмиральша, бросая на молодого человека пристальный и пытливый взгляд и тотчас же отводя его.

Скворцову оставалось только проговорить с любезной улыбкой, что он "всегда к услугам Нины Марковны", а в голове носилась тревожная мысль: "как бы адмиральша не вздумала теперь же "брякнуть" адмиралу о том, что он желает вернуться в Россию! Пожалуй, еще и письмо Ивана Ивановича передаст? То-то выйдет "бамбук"! И на кой черт Иван Иванович просит за меня, когда я его об этом не просил? Верно, она его заставила, эта неугомонная женщина, желающая распоряжаться мною, как своим покорным рабом... Шалишь, Нина Марковна! Дудки! Не увезете вы меня в Россию! Уж приму сегодня лучше сразу наказание, но объяснюсь!"

В свою очередь и адмиральша, несмотря на оживление и веселый смех, в душе испытывала тревогу, тщательно скрываемую перед гостем. В самом деле, отчего Ника не выразил восторга от предложенного ею плана, сулившего им обоим столько счастья? Ведь не балбес же он вроде Неглинного, чтобы добровольно отказываться от радостей жизни? И отчего он требовал, чтобы она ни слова не говорила Тыркову? Какое он хочет иметь объяснение?

Так думала адмиральша, полная жгучих ревнивых подозрений, и еще оживленнее и любезнее говорила адмиралу, что Ванечка, слава богу, здоров и просил очень кланяться, что он получил береговое место, и с сентября они переселились из Кронштадта в Петербург...

- Как же, читал в газетах и порадовался за Ивана Ивановича. Он, конечно, доволен?

- А то как же? Место покойное, содержания больше... И надоело ему, бедному, уходить в плавание. Слава богу, поплавал... Теперь уж нам не придется каждое лето врозь жить...

- А вы сюда надолго, Нина Марковна? Надеюсь, что пожаловали не для лечения. Глядя на вас, было бы просто грешно предположить, что вы могли бы быть больны? - проговорил адмирал, застенчиво краснея, и, взглядывая на цветущую адмиральшу, припомнил и свое былое увлечение ею, и то, что она предпочла ему Ивана Ивановича.

- Не судите по наружности, Василий Петрович... Меня послали сюда доктора.

- Что с вами? - участливо и удивленно спросил адмирал.

- У меня, Василий Петрович, неврастения, - отвечала Нина Марковна, отчеканивая это слово с внушительной торжественностью и словно бы несколько гордясь, что у нее болезнь с таким мудреным и в то же время красивым названием. - Неврастения! - повторила адмиральша, принимая вдруг серьезный вид женщины, одержимой недугом. - Так Ижевский определил... Знаете, знаменитый специалист Ижевский...

- Какая же это болезнь?

- Расстройство всей нервной системы... Я сильно страдала и лето, и осень от этого... Пока болезнь, слава богу, в начале, но запустить ее, говорят, очень опасно... Ижевский так и сказал, и советовал непременно провести зиму на юге, дать окрепнуть нервам, отдохнуть в теплом климате... Признаться, я не хотела ехать... Жаль было оставить Ванечку одного...

- А что же Иван Иванович не поехал с вами, Нина Марковна?

- Звала его, но, вы понимаете, ему неловко было брать отпуск, получивши только что новое назначение.

"Эка врет как и не моргнет глазом!" - пронеслось в голове у Скворцова.

Адмиральша между тем не переставала занимать не особенно речистого адмирала и, между прочим, сообщила о слухах, и довольно вероятных, что адмирал-старик оставляет свой пост.

- Мало ли какие ходят слухи, Нина Марковна! - промолвил адмирал и, просидев еще минут пять, поднялся с места.

"Слава богу, промело!" - подумал Скворцов и, радостно вздохнув, тоже встал и взял с окна свой котелок.

- Куда же вы, Василий Петрович? - воскликнула адмиральша. - Посидите...

- Простите, не могу. Если позволите, в другой раз.

- Не только позволю, но прошу, очень прошу и чем скорее навестите меня, тем лучше... И я к вам приеду на "Грозный". Позволите? - с кокетливой улыбкой промолвила адмиральша.

- Буду весьма счастлив принять вас, Нина Марковна, - с галантной любезностью отвечал адмирал, низко кланяясь. - Когда вам будет угодно?

Решено было, что на следующий же день Нина Марковна приедет обедать к адмиралу. Адмирал пригласил и Скворцова, поручив ему привезти адмиральшу на крейсер.

- А вы долго думаете простоять в Villafranche?

- Неделю, Нина Марковна...

- Неделю только? А затем?..

- Я пойду на "Грозном" в Мальту и пересяду на свой флагманский корабль, который меня там ждет.

- А "Грозный"?

- Разве вы не знаете?.. Он уходит в Тихий океан на два года.

- В Тихий океан? - воскликнула адмиральша.

Голос ее чуть-чуть дрогнул. Несмотря на умение владеть собой, адмиральша едва скрыла тревожное волнение, охватившее ее при этом неожиданном известии, и то благодаря батистовому носовому платку, который ей вдруг понадобился и на минуту закрыл ее лицо.

"Отчего Ника скрыл от меня это? Он меня обманывает!" - с гневным чувством подумала адмиральша, бросая украдкой взгляд на Нику.

Тот выдержал этот, хорошо знакомый ему, быстрый и молниеносный взгляд черных подведенных глаз адмиральши, предвещающий ураган, с наглой отвагой человека, сознающего безвыходность своего положения и решившего защищаться до крайности. "Вляпался!" - мысленно повторял он, соображая, что теперь уж нет никакой возможности "втереть ей очки" при объяснении, на что он легкомысленно надеялся.

И он с самым решительным видом ждал, что будет дальше и как "все объяснится".

Адмирал между тем пояснил адмиральше, что "Грозный" назначен телеграммой из Петербурга.

- Вот только ждем приезда нового командира.

- А Налетов?

- Он сменен, Нина Марковна, и уезжает в Россию.

- А вы, Николай Алексеич, и не сообщили мне всех этих новостей? промолвила адмиральша, уже овладевшая собой.

И самым равнодушным тоном спросила:

- И вы, конечно, идете на "Грозном"?

- Иду, Нина Марковна.

"И как он говорит спокойно, бессовестный!"

- Как же, идет, Нина Марковна, идет-с, - весело подтвердил адмирал, приветливо поглядывая на Скворцова. - Признаюсь, у меня было намерение взять Николая Алексеича к себе флаг-офицером, и я вчера предлагал ему остаться в Средиземном море.

- И он, разумеется, не хочет? - перебила адмиральша.

- Не хочет, Нина Марковна. И умно делает-с. Умно и похвально. Молодому моряку надо поплавать в океане, - когда еще представится случай опять попасть в дальнейшее плавание. А океан - превосходная школа, особенно для такого бравого офицера, как Николай Алексеич.

"Окончательно зарезал!" - пронеслось в голосе "бравого офицера", и он решил "исчезнуть" смеете с адмиралом, чтобы не компрометировать адмиральши своим долгим визитом и - главное - избежать первых взрывов ее гнева.

- Еще бы!.. Где же и учиться, как не в океане!.. И Ванечка, который так любит Николая Алексеича, всегда говорил, что из него выйдет отличный моряк... Очень рада за вас, Николай Алексеич! - прибавила адмиральша с веселой, обворожительной улыбкой, нервно сжимая в своем маленьком кулачке батистовый платок и чувствуя, что к горлу подступают слезы.

- Так до завтра, Нина Марковна? - проговорил адмирал, целуя ручку.

- Непременно, Василий Петрович, если только опять не зашалят нервы... А вы, Николай Алексеич, тоже бежать? - обратилась адмиральша к Скворцову, заметив, что и он собирается уходить. - Нет, я вас не отпущу... Полюбуйтесь, Василий Петрович, какие нынче молодые люди?.. Обещал мне показать Ниццу и хочет уходить... Оставайтесь и сейчас же поедem кататься...

- Это нехорошо, Николай Алексеевич, - заметил адмирал. - Надо слушаться начальства! - шутливо прибавил он и, пожав молодому человеку руку, ушел, обещая адмиральше навещать ее, пока "Грозный" здесь.

XXIV

Проводив адмирала до дверей, Нина Марковна медленно и слабой походкой, точно с трудом передвигая свои маленькие ножки, печально склонив на грудь голову, прошла к дивану и опустилась на него тихая, скорбная и подавленная, не произнося ни слова, не поднимая глаз, прикрытых длинными, густыми ресницами.

Несколько долгих минут прошли в томительном молчании среди тишины, царившей в этой уютной, небольшой комнате, залитой ярким светом чудного солнечного дня, врывавшимся в два большие окна. Звуки мандолины вдруг раздались под окном, и мягкий тенор уличного певца-итальянца донесся в комнату... Песенка, которую пел певец, говорила, казалось, о любви, о счастье... Адмиральша вздрогнула и снова замерла в своем безмолвном горе.

Такою Скворцов никогда не видал адмиральшу во все время их знакомства. Пораженный, он тоже притих в кресле, пощипывая свою бородку, смущаясь все более и более и чувствуя себя виноватым. Еще бы не смутиться молодому лейтенанту, и не догадывавшемуся о разнообразии репертуара хорошенькой адмиральши! Он ждал урагана, ждал взрыва упреков, проклятий, трагических жестов и истерики - и вдруг вместо всего этого перед ним эта маленькая, изящная женщина в виде покорной, безмолвной жертвы.

"И хотя бы она заговорила!" - подумал Скворцов, бросая тревожный взгляд на адмиральшу...

Слезы медленно катились по ее щекам. Она их не вытирала, и эти слезы как бы свидетельствовали о великости преступления молодого лейтенанта.

Наконец она произнесла:

- Николай Алексеич... объясните мне... я не могу понять... что все это значит?

"О господи! Что за кроткий, мягкий голос! И сколько покорности в ее взгляде! Как она изменилась в характере за это время! Решительно следует ей сказать всю правду!" - подумал Скворцов.

- Нина Марковна, - начал он тихим и робким, слегка дрожащим голосом, каким говорят подсудимые, сознающие свою вину и надеющиеся на снисхождение такого же доброго на вид судьи, каким в настоящую минуту казалась адмиральша, - я не стану перед вами оправдываться... Я хотел вам все объяснить, когда вы звали меня в Россию, но пришел адмирал, и вы от него узнали, что я иду в Тихий океан, хотя бы мог остаться и мог бы даже с вами уехать в Россию... Но я не поеду. Не могу и не смею ехать. Я не достоин той привязанности, какую имел честь заслужить... Вы навсегда останетесь светлым, чудным воспоминанием в моей жизни, но...

На этом месте Скворцов запнулся, приискивая возможно деликатную форму выражения, и после паузы продолжал:

- ...Но, проверив в разлуке свое чувство, я пришел к заключению, что оно не такое сильное и

глубокое, каким я его считал прежде... Это была не настоящая любовь, Нина Марковна, а увлечение, безумное, страстное, но только увлечение... Я чувствую, что не мог бы дать вам счастья, какого вы стоите, и решил, что всего лучше нам расстаться... Простите, Нина Марковна, но я обязан это сказать по чистой совести... Я виноват, что, из боязни причинить вам зло, не написал всего этого раньше. Но я думал, что вы сами догадаетесь...

Проговорив свою защитительную речь, Скворцов ожидал приговора не без некоторой наивной надежды получить если не полное оправдание, то по крайней мере снисхождение. Адмиральша, казалось, так кротко и терпеливо слушала, ни разу не прерывая и все время склонив голову на руку. Правда, выражения ее лица он не видал, лицо было прикрыто рукой, но, судя по спокойствию адмиральши, надо было думать, что она поймет и вполне оценит всю искренность и деликатность его объяснения.

Но в ту же секунду Скворцов увидал внезапное превращение. Кроткое, притихшее, покорное создание снова сделалось прежней бешеной адмиральшей. Грозная и решительная, с сверкающими глазами, раздувающимися ноздрями и судорожно подергиваемой верхней губой, необыкновенно красивая в своем гневе, она, словно ужаленная, вскочила с дивана и крикнула ему знакомые слова:

- Так вот ваша расплата за то, что я всем для вас пожертвовала, и за то, что я так вас любила! Вы увлекли порядочную женщину, а затем: "простите, я увлекался". Благородно, очень благородно! О, подлый обманщик! К чему вы клялись в любви? Зачем писали нежные письма? Зачем еще сейчас, полчаса тому назад, вы так горячо меня целовали и говорили, что так рады меня видеть? Значит, все это была ложь, одна ложь и притворство.

И, чувствуя всю жгучую боль оскорбленного самолюбия избалованной женщины, которой говорят, что ее не любят, обманутая в своих ожиданиях, адмиральша разразилась целым потоком обвинений.

Он - негодяй, каких она еще не видывала. Негодяй и лжец, вкравшийся, как вор, в сердце доверчивой женщины и обольстивший ее своими речами... Не он ли клялся в вечной любви!? Не он ли ползал у ее ног, вымаливая ласки!? И она имела глупость поверить искренности, поверить клятвам и, тронутая ими, сама, глупая, имела несчастье полюбить его... и первый раз в жизни нарушить долг порядочной женщины... О, презренный человек! Ведь из-за него она обманывала благородного Ванечку! Из-за него он, быть может, втайне страдает! Из-за него ее жизнь разбита и в душе вечное раскаяние, что она была неверной женой...

- Вы, вы, подлый, развратный человек, во всем виноваты! - закончила адмиральша трагическим шепотом, вся побледневшая, и подняла обнаженную руку, словно бы призывая проклятие на опущенную голову "подлого человека".

Это, наконец, взорвало Скворцова, и он проговорил:

- Но позвольте, Нина Марковна... Разве уж я так виноват, как вы говорите?.. Разве я, в самом деле, изверг, а вы моя жертва?.. Припомните все... Чего вы хотите? Чтоб я сделался снова тем покорным рабом, каким был, и чтоб вы опять терзали меня сценами ревности, упреками и пугали меня валерьяном?.. Благодарю покорно! Я свободы хочу, а не цепей... А главное...

- Уходите! Я вас презираю! - злобно прошептала адмиральша и указала своей маленькой ручкой на дверь.

Скворцов поклонился и вышел. Очутившись на улице, он облегченно вздохнул.

На следующий день адмиральша известила Тыркова, что она больна и, к сожалению, не может приехать на "Грозный". Вместе с тем она писала, что доктор, приглашенный ею вчера вечером, - так она чувствовала себя нехорошо, нашел, что ветры, дующие в Ницце, очень

вредны для неврастеников, и советовал ей, как можно скорее, уехать куда-нибудь в Италию, и она завтра же уезжает и просит адмирала приехать проститься.

Побывав в Риме и в Неаполе и почувствовав себя здоровой, адмиральша через месяц возвратилась в Петербург. На вокзале ее встретили Иван Иванович и Неглинный, оба радостные и сияющие. И адмиральша так крепко пожала руку Неглинного и так ласково взглянула на него, промолвив, что рада его видеть и соскучилась без него, что Неглинный чуть не заплакал от восторга, зардевшись, как маков цвет. И вскоре после возвращения в Петербург, однажды вечером, когда Иван Иванович был в Английском клубе, а адмиральша после ванны сидела в своем кабинете в капоте с распущенными волосами и хандрила, она послала за Неглинным. В этот самый вечер она рассказала ему историю своей жизни, сообщила, как она несчастна и как ценит такого верного друга, как милый Василий Николаич, и, осчастливив совершенно неожиданно молодого "друга" поцелуем "сестры", несколько, впрочем, долгим и страстным для такого назначения, заставила-таки Иосифа Прекрасного не только признаться в безумной любви и покрыть поцелуями и слезами ее маленькие ручки, но и восторженно объявить, что он готов сию же минуту умереть за нее. Приказывайте!! Она улыбнулась нежно и кротко и разрешила ему жить на божьем свете, тем более, что и сама чувствует к нему нечто более, чем дружбу. И через несколько дней адмиральша уже сделала влюбленного Неглинного самым счастливым человеком в подлунной, вернейшим своим рабом и лучшим комиссионером в Петербурге, причем находила, что милый Вася далеко не такой балбес, каким она его прежде считала.

Нечего и прибавлять, что с этих же пор Неглинный сделался непримиримым врагом бывшего своего друга, о чем добросовестно и известил его сухим письмом, в котором, не объясняя причин, извещал, что отношения их прекращаются.

Скворцов понял, что Неглинный вполне "обработан", и что объясняться с ним теперь невозможно.

XXV

Прошло два с половиной года.

В одно летнее утро "Грозный", салютуя крепости, входил в Кронштадт и бросил якорь на большом рейде после долгого плавания, прискучившего уже морякам, которые с шумной радостью теперь поздравляли друг друга с счастливым возвращением на родину.

В тот же день Скворцов съехал на берег и пошел в клуб, надеясь там встретить кого-нибудь из знакомых, кто мог бы сообщить ему о Неглинном. Скворцов очень интересовался судьбой своего бывшего друга и, несмотря на его странное письмо, по-прежнему горячо его любил. За это время он не имел о Неглинном никаких сведений. Где он и что с ним? Из газет он знал, что честнейший и благороднейший добряк Иван Иванович внезапно умер от удара вскоре после возвращения адмиральши из-за границы, когда она ездила на свидание, окончившееся разрывом, но что с адмиральшей, по-прежнему ли бедняга Васенька у нее в крепостном состоянии, или она "жертвует всем" кому-нибудь другому, - все это ему было совершенно неизвестно.

"Верно "милая фефела" до сих пор у адмиральши в плену! А то бы наверно откликнулся и извинился за это дурацкое "прекращение отношений", - решил Скворцов, направляясь в летнее помещение клуба.

Там было несколько офицеров, совсем незнакомых, и Скворцов одиноко присел к столу, спросив себе обед, как на счастье его через несколько минут в клуб зашел один из товарищей. Обрадованный Скворцов радостно приветствовал приятеля: они обедали вместе и распили бутылку шампанского, поставленную Скворцовым. Первым делом он, конечно, осведомился о Неглинном.

- Ты разве ничего не знаешь?

- Ничего не знаю...

- Неглинный сделал большую глупость - женился.

- Женился? На ком?

- А на той самой адмиральше, с которой ты, кажется, путался...

- И не думал! - энергично запротестовал Скворцов. - Так женился? На Нине Марковне? - изумился молодой лейтенант.

- Вернее, она его на себе женила... Ну, а он... известно, блаженный Васенька... Говорят, совсем был "втюрившись", даром что адмиральша лет на десять его старше и вообще "бабец" очень занозистый...

- И давно он женился?

- Да года полтора тому назад, как получил от дяди большое наследство. Раньше он так, в свободную любовь играл. Не рука была адмиральше лишаться пенсионера, ну, а как Неглинный стал богат, адмиральша навечно закрепостила Васеньку. Крепче, мол, будет. Баба ловкая. И еще очень того... аппетитная, хоть и подводит глаза и подкраску любит...

- А Неглинный по-прежнему преподает?

- Как же... Астрономию читает...

- Ну и что же, счастлив ли он, по крайней мере, с Ниной Марковной? Ты бываешь у них?

- Бываю. Совсем наш Вася под башмаком у супруги. Всегда они вместе. Без нее никуда! Не смеет. Такая у них конституция, заведенная "бабцом"... Ревнивая, как Отелло... Уж теперь он, брат, два вихра в сосиски закручивает, а не один, как прежде, помнишь? - рассмеялся товарищ.

- Ах, милая фефела! - проговорил Скворцов.

В тот же вечер Скворцов написал Неглинному письмо, просил "забыть все" и немедленно приехать на "Грозный". "Ужасно хочется с тобой увидеться и расцеловать твою милую рожу", - заканчивал письмо Скворцов.

На другой день Неглинный приехал. Друзья радостно бросились друг другу в объятия и облобызались, и затем Скворцов повел друга в свою каюту, чтобы поговорить наедине.

В первую минуту оба были несколько сконфужены, особенно Неглинный. Ни тот, ни другой не проронили ни слова об адмиральше, точно ее и не было на свете.

- Ну как, голубчик, поживаешь? - первый заговорил Скворцов, с любовью глядя на милое, слегка растерянное лицо своего друга. - Вижу - поправился... пополнел, не то что перед экзаменами, помнишь? По-прежнему преподаешь? Заставляешь теперь других зубрить, зубрило-мученик? - продолжал весело Скворцов и снова горячо и порывисто обнял Неглинного.

- Ничего себе, живу... Астрономию читаю... А ты как... Доволен плаванием?

- Очень... Капитан превосходный моряк и честнейший человек, не то, что прежний... этот бесшабашный Налетов... Он ведь нынче особа... Где-то в штабе?.. То-то постарается мне гадить. Ну, да черт с ним... Чуть что, я и в коммерческий флот уйду... Буду плавать, а на

берегу не закисну и на рейдах "дохнуть" не соглашусь... Ах, брат, что за чудное дело эти дальние плавания, если командир хороший, да кают-компания попадетя хорошая!.. Сколько поэзии, сколько новых ощущений, сколько закалки характера!

И Скворцов с увлечением стал рассказывать о своем плавании, о штормах, которые "Грозный" выносил "молодцом", об урагане, который они выдержали в Индейском океане и во время которого потеряли фок-мачту, о прелести тропических стран и океана, о матросах которые ожили после ухода Налетова и при другом капитане совсем иными стали...

- И что за славные эти люди, в большинстве, наши матросики, если б ты знал! - прибавил Скворцов. - Умей только быть человечным с ними, и они отплатят тебе сторицей...

Долго еще просидели друзья, не замечая, как идет время. Вспоминали морское училище, первые годы мичманства, перебирали начальство...

- Кстати, где Тырков. - полюбопытствовал Скворцов. - Вот прелестный человек.

- Говорят, он выходит в отставку.

- В отставку?.. Эдакий чудный адмирал!? Почему?

- Не знаю, брат...

- Обидно... Непременно съезжу к нему засвидетельствовать ему свое почтение... А я думал, что он старший флагман, и вдруг... прекраснейший моряк оставляет флот...

Неглинный остался обедать на "Грозном" и просидел до вечера. Скворцов упрасивал его остаться ночевать, но Неглинный, застенчиво краснея, объявил, что ему нельзя, никак нельзя...

Скворцов догадался, что друг его боится адмиральши, и объявил, что в таком случае он сам проводит его до Петербурга.

Когда, наговорившись досыта, они приехали в Петербург, Скворцов просил не забывать его и приезжать в Кронштадт.

Неглинный обещал и вдруг сказал:

- А знаешь, Коля, ведь и я иду нынче летом в дальнее плаванье.

- Ты!? - воскликнул в изумлении Скворцов.

- Да... я, брат, на три года! Спасибо, назначили...

- А преподавание?

- Бросаю, бог с ним.

- И на три года в море? - снова спросил Скворцов.

- То-то на три года! - как-то виновато промолвил Неглинный, и Скворцов при свете фонаря увидел, как его друг кротко улыбнулся своими добрыми глазами. Ну, прощай! - добавил Неглинный и, крепко пожав руку Скворцова, торопливо уселся на извозчика.

Бедняга! Даже и ты, кроткая душа, улепетываешь от адмиральши в море! невольно прошептал Скворцов вслед.